

Гиржи Грошек

Большая
реставрация обеда

Амфора

Annotation

Однажды известный русский писатель Иржи Грошек наводил дома порядок и обнаружил свой старый роман «Реставрация обеда». «Что за безобразия?!» – воскликнул Иржи Грошек и переписал этот роман заново. Получилась «Большая реставрация обеда», где количество авторских «безобразий» нисколько не уменьшилось, а только увеличилось вдвое. «Теперь у нас вид приятный и аккуратный!» – с глубоким удовлетворением отметил Иржи Грошек и отнес эту рукопись в издательство...

Читайте «Большую реставрацию обеда», где новый сюжет объединяет свежие главы с «отреставрированными», где шеф-повар Петроний готовит «сатириканы», Поджо Браччолини выпекает «фацеции», а поваренок Иржи Грошек лепит «чешско-моравские фрикадельки». Словом – приятного аппетита!

Ограничение: не рекомендуется людям без чувства юмора.

-
- [Иржи Грошек](#)
 - [Образ](#)
 - [Помпеи](#)
 - [Подобие](#)
 - [С пивом по Праге](#)
 - [Писатель](#)
 - [Сатирикон](#)
 - [Персонаж](#)
 - [Кампания](#)
 - [Подделка](#)
 - [Двенадцать фактов](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Камень](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Ножницы](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Бумага](#)
 - [Глава четвертая](#)

- [План реставрации,](#)
- [Толкование](#)
- [Замысел](#)
- [Автобиография](#)
- [Библиотека](#)
- [Лакуна](#)
- [Сюжет](#)
- [Финал](#)
- [Эпилог](#)
- [Приложение](#)
 -
 - [\(Реставрация обеда\)](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)

- [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
-

Иржи Грошек

Большая реставрация обеда

Образ Помпеи. Дом Хирурга

«Кто это днем шатается на своих двоих?!» – спрашивает сфинга.

Дом Хирурга назван так потому, что в нем нашли довольно большой набор хирургических инструментов. Расположен в Помпеях на Консульской улице, неподалеку от Геркуланских ворот. Из картин, украшающих этот дом, любопытна одна, находящаяся в комнате № 10. На этой картине две девушки и мужчина заняты какой-то литературной работой: девушки рассматривают папирус, у мужчины в руках таблички для письма...

Боги, не гневайтесь на меня все сразу – станьте в очередь. Неприятности должны следовать одна за другой, как левая нога чередуется с правой. Как буквы составляют слово. Как волны бьются о берег. Как предложение следует за предложением. Поэтому, боги, не торопитесь – грехов у меня на всех хватит.

Начнем хотя бы со следующего эпизода... В тот день я рассматривал два папируса и размышлял – куда присобачить им лапки в виде прологов и эпилогов. Папирусы, словно пожеванные крокодилами, я выкупил у торговца петрушкой на городском рынке. Этот зеленщик отмечал на оборотной стороне древних манускриптов – сколько пучков травы он продал сегодня и почем. «Палка, тире, две палки», – что в переводе с аграрного означало: «за один пучок петрушки получено две монеты». Как говорил Гиппократ, если общаешься с идиотами – будь проще. Я тут же нагреб из петрушки нехилый такой стожок и потребовал его упаковать... От подобных амбиций мой зеленщик пришел в полнейшее замешательство. Во-первых, он никак не мог уразуметь – за каким дьяволом мне понадобилось такое количество петрушки. А во-вторых, зеленщик не

решался расстаться с корзиной, в которой таскал свой товар на рынок. О папирусе как упаковочном материале он и не думал.

– А почему нынче петрушка? – засомневался зеленщик, предполагая, что продешевил.

Он принялся озираться по сторонам и шлепать губами, призывая на подмогу сотоварищей-зеленщиков, да тщетно. Никто не обращал на него внимания.

– Эх, – посетовал зеленщик и попытался улизнуть от меня в потусторонний мир, то есть впасть в прострацию и от души почесать свой затылок.

– Петрушку в таком количестве можно унести, обернув папирусом, – намекнул я.

Зеленщик остановился на полдороге в абсурд и завис с рукою у затылка. О чем-то поразмыслил, сделал ход конем и свернул к идиотизму.

– Обернуть, конечно, можно... – зеленщик принялся скрести свой затылок с остервенением, – но тут содержатся ценные записи. Бухгалтерского характера, – добавил он и воздел палец к небу.

Я проклял Юпитера-громовержца, проклял Венеру любвеобильную, проклял Меркурия-свеклоторговца и стал проклинать зеленщика... Польщенный такими сравнениями, простой сельский труженик тут же завернул мне петрушку в папирус. И незамедлительно вытащил из корзины второй манускрипт – со свежим укропом...

Далее зеленщик был подвергнут тщательному обыску и допросу. Где, при каких обстоятельствах и на каком огороде он выращивает такие дивные папирусы? Но ничего вразумительного от него не удалось услышать, кроме истории о прилежном ученике:

«Один школяр отправил своему учителю богатый по виду подарок аж в четырех мешках. Со всеми дорожными приключениями груз прибыл на родину педагога, в славный город Афины. Почтенный учитель поспешил за подарками в порт и одиннадцать олимпийских стадиев тащил эту кладь до своего дома, пуская слезу от натуги и умиления. Каково же было изумление старика, когда вместо заморских сладостей он обнаружил в мешках только рукописи своего ученика. „Во имя Аида, недоумок! – воскликнул учитель. – Зачем ты прислал мне столько пергаментов, исписанных мелким почерком?!“ Ответ

обнаружился в сопроводительной записке: „О дорогой мой учитель! Долгих лет Тебе жизни! В этих мешках содержится поток моего сознания, пробужденный Твоими лекциями. Не сочти за труд, дорогой учитель, окупись в этот поток и выбери пару страниц, достойных к опубликованию. И да пребудет Твой дом в радости! И да вернется к Тебе отменное здоровье!“ Несчастливого учителя тут же разбил паралич...»

– Отсюда диагноз... – сказал зеленщик, – собака лает, ветер носит! Укроп растет, а петрушка зеленеет! И всякая филькина грамота мне, извините, неинтересна. Эти папирусы я подобрал на рынке и не имею понятия – о чем там написано.

Здесь зеленщик неодобрительно посмотрел на меня, вытряхнул из корзины мусор и удалился в сельскую местность. Я же, весьма довольный своими покупками, помчался домой, где незамедлительно приступил к изучению оных папирусов. Очистил от грязи, разгладил по всей длине и с возмущением констатировал, что некогда эти папирусы составляли единое целое, вроде письма неизвестного автора – неизвестному адресату, да только центральная часть манускрипта затерялась где-то в капусте. Не имея желания возвращаться на городской рынок и рыться в отходах, я принялся сравнивать левый фрагмент с правым, и в результате недюжинных филологических усилий у меня образовался некий текст, правда с большим оврагом посередине...

Я приеду к тебе на обед,.....но и тут – в меру.
Хочу тебе рассказать об одном литераторе,.....
Он был завален,
по стилю.....Как обычно,
Литератору приснилось,.....в ночной тиши.
Представилось ему,.....ящик со свитками,
входит Нерон.....вынул первую книгу,
уселся на ложе,.....И дочитал ее до самого
конца!
То же самое сделал со второй и третьей.....а
затем ушел.
Литератор истолковал это так,.....писание его
закончится.

В нашем обеде пусть все будет в меру.....время,
за ним проведенное.^[1]

В подобном виде эта поэма никуда не годилась. Поэтому, недолго думая, я разыскал среди собственных свитков подходящий по виду «огрызок», втиснул его в середину и стал присобачивать – одно, извините, к другому. Как оказалось, новый фрагмент был из «Милетских историй» циника Аристида, что тоже, можно сказать, – подарок судьбы для непорочной девушки... И тем не менее огрызок из этих поганых «историй» приклеился к моим папирусам просто великолепно!

Я провозился над компиляцией часа два, побряхтывая от удовольствия, и в результате получился целиковый манускрипт, вполне пригодный для продажи. А вычитая клейстер из ласточкиного помета, копну петрушки и стожок укропа – я оставался при неплохих барышах. Что же касается самого текста, то теперь он выглядел так:

«Я приеду к тебе на обед, ЧТОБЫ СПЛЕСТИ НА МИЛЕТСКИЙ МАНЕР РАЗНЫЕ БАСНИ, но и тут – в меру. Хочу тебе рассказать об одном литераторе, КОТОРОГО ДАРОМ НАКОРМИЛИ ХОРОШЕЙ ПОХЛЕБКОЙ И ОГРАБИЛИ СРЕДИ БЕЛА ДНЯ. Он был завален, ПО ОБЩЕМУ СЧЕТУ, ВОТ УЖЕ СОРОК ЛЕТ, КАК БЕДНЯЖЕЧКА ЭТА – по стилю. Как обычно, ЖЕНА, ПОБУЖДАЕМАЯ ПОХОТЬЮ, ПРИГЛАСИЛА ЕГО НА КРОВАТЬ. Литератору приснилось, ЧТО БОЧКА-ТО ЕГО СТАРОВАТА И МНОГО ТРЕЩИН ДАЛА в ночной тиши. Представилось ему, ЧТО, ОТКОРМИВШИСЬ ЗА СЧЕТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЩЕДРОСТИ, КАК ящик со свитками, ЛЕЖИТ ОН НА ДИВАНЧИКЕ И СОБИРАЕТСЯ ОБЕДАТЬ, КАК ВДРУГ входит Нерон И ГОВОРИТ: „МИЛОСТИ ПРОСИМ!“ С ЭТИМИ СЛОВАМИ ОН вынул первую книгу, уселся на ложе, ПОЗВАЛ СЛУЖАНОЧКУ: „ИДИ СЮДА, ДРЯНЬ ТАКАЯ!“ И дочитал ее до самого конца! То же самое сделал со второй и третьей СЛУЖАНОЧКОЙ, ПОКУДА ЛИТЕРАТОР ПЛАВАЛ В МОРЕ СООБРАЖЕНИЙ, а затем ушел. Литератор истолковал это так, ЧТО ДЛЯ РАДОСТНОГО НАСЛАЖДЕНИЯ НАПОДОБИЕ ВЕНЕРЫ писание его закончится. В нашем обеде пусть все будет в меру. НЕ ХВАТАЕТ ТОЛЬКО СИГНАЛЬНОЙ ТРУБЫ, ЧТОБЫ ВЫЗВАТЬ НА БОЙ время, за ним

проведенное. СЖАЛЬСЯ, СКОРЕЕ ПРИДИ МНЕ НА ПОМОЩЬ! О МУЗА!»

И если не обращать внимания на некоторые шероховатости и нестыковки – свежее испеченный текст мне понравился. Тем более что про Музу я приписал самостоятельно, поддавшись внезапному поэтическому порыву.

Весьма довольный блестящими результатами, я отложил состряпанный экземпляр для просушки и стал прикидывать – сколь за него можно содрать с любителей античной словесности... Как тут прислужница доложила, что мною интересуется некая дама и эта дама ожидает меня в гостиной.

– Тысяча драхм! – заявил я.

– Черта с два! – возразила прислужница. – Только по любви!

Конечно, я думал о стоимости подделки, а вот прислужница была о себе очень высокого мнения. И, чтобы не продолжать этот бессмысленный диалог, я поспешил в гостиную с определенной целью... Надо было разведать – какая именно дама ждет не дождется меня и хочет заработать по шее ввиду прерванных научных размышлений. Прибыл на место предполагаемого смертоубийства и никого там не обнаружил...

– Я видела сон, – вдруг прозвучало из-за колонны.

Надо признаться, что с давних пор я подрабатываю главным специалистом по онейрокритике, то есть толкованию грез. Поэтому всяческие некроманты и уайт-спириты лезут в мой дом с целью поделиться увиденными во сне извращениями. То ли жалеют, что не было этого наяву, то ли хотят потрепать мне нервы.

«Видела сон...» – эка новость! Да тысячи граждан пробуждаются с мерзостным ощущением, что их облапошили. Люди необразованные видят во сне, как творят они гениальные сочинения. А наяву – двух слов связать не могут. Или, наоборот, известному сочинителю, как гром среди ясного неба, привиделся следующий ямб: «Наступит однажды нежданное вдруг!» Он подумал: «Что за бред?!» Разочаровался в литературе, занялся разбоем, был схвачен и казнен...

– Сон? – ухмыльнулся я. – Только и всего?..

Некая замужняя женщина употребляла неразбавленное вино в больших количествах. А наклюкавшись, падала на спину и храпела до утра без задних ног. Но однажды она увидела – сон. А во сне –

гиппокентавра. Не ведая, как можно истолковать подобного зверя, женщина обратилась ко мне. «Тебя интересует, что означает гиппокентавр?» – спросил я. «Нет! – отмахнулась женщина. – Меня беспокоит его наглая рожа! Скажи мне, кудесник, если гиппокентавр пренебрегает супружескими обязанностями – куда он шляется по ночам? К любовнице или в мой винный погреб?!»

– Сон, – подтвердила дама. – Будто сижу я в высокой траве подле дороги. Густая тьма окутывает все вокруг, и продолжается три дня хмарь египетская. На первый день в крошечной мгле проезжает мимо меня повозка, груженная навозом. Я чувствую вонь, но не знаю – как это истолковать. «Хорошо бы застать ее дома, – говорит кучер, а потом добавляет: – Ну ничего, и так сойдет!..» Слышу, как он кряхтит и разбрасывает навоз в разные стороны... Что скажешь, толкователь сновидений?

– Всякий навоз – это критика, – отозвался я. – Куриный помет – благожелательная. Коровьи лепешки – обстоятельная.

– На следующий день, – продолжила свой рассказ дама, – скачут по дороге два всадника. Остановились неподалеку и беседуют. Я слышу их голоса, но не знаю – как это истолковать. «Было бы удачно, – говорит первый всадник, – застать ее дома». – «Да, – подтверждает второй, – сразу бы морду начистили». Пообщались они таким образом и поскакали себе дальше... Что думаешь ты по этому поводу?

– Хорошо, когда снится, что едешь верхом на баране по равнинной местности, особенно для людей ученых, – самодовольно заметил я. – А всадники означают маргариновую интеллигенцию, то есть враждебную истинному прогрессу. Недаром же они собирались набить тебе морду.

– Ладно, – продолжила свой рассказ дама. – Уж третий день сижу я в высокой траве. Вдруг шлепают мимо меня гуси: «Га-га-га! Га-га-га!» И крыльями машут, словно аплодируют. Я снова не знаю – как это истолковать. Только слышу, что шепчет один гусь другому: «Неплохо б застать ее дома и оттаскать за косу!» Как объяснишь ты этот эпизод?

– Да что ж тебе дома-то не сидится?! – искренне возмутился я. – А беспризорные гуси означают упадок и крах Римской империи.

– Это еще почему? – удивилась дама.

Бывают сны прямые и косвенные, внутренние и внешние. А есть еще вялотекущая шизофрения, которая вообще не поддается

толкованию.

– Потому что гусь – это символ женской бдительности, гоготания и домовитости, а в данном случае мы этого символа не наблюдаем, – принципиально намекнул я.

– Да ну! – воскликнула дама и рассмеялась. – А по-моему, ты сердисься, что не было меня дома...

Конечно, я злобствовал, как три Улисса. Ровно по числу испорченных дней. Как кучер с навозом, как всадник, как гусь. Я здравомысляще предполагал, что всякая дама есть существо неразумное, безответственное, легкомысленное и безнравственное. Но чтобы до такой степени! Целых три дня я разыскивал ее с собаками по всему городу. Побывал в женской бане, где сильно пострадал морально и физически по причине несовместимости голых тел с моими понятиями об эстетике... Меня изнасиловали в четырех борделях, куда я заходил с молитвами, а выходил с клятвами, что больше ноги здесь моей не будет... И наконец, меня выбросили из повозки на дороге Гробниц, рядом с усыпальницей Умбриция Скавра – без денег, плаща и сандалий.

Помнится, я проклинал эту даму, что была мне соратницей последние десять лет, ну и женой по совместительству. Звали ее Вендулкой, и теперь она вышла из-за колонны с лучезарной улыбкой.

– И где тебя черти носили? – осведомился я.

Но Вендулка из принципа, что жена Цезаря на каблуках выше Цезаря, а всякие подозрения Цезаря находятся ниже римской канализации, не стала отвечать на мой вопрос и предпочла эзотерическую полемику.

– Одному мужчине приснилось, – сказала Вендулка, подбираясь ко мне поближе, – что восходит он вместе с солнцем, а закатывается – с луной. Мужчина истолковал это так, что жена его – дура. А умные женщины – блондинки и рыженькие.

– А некой замужней женщине приснилось, – ответил я, – что она совершила тринадцатый подвиг Геракла, да только не запомнила – какой. Женщина эта отправилась на поиски подвига, а нашла на свою задницу приключений.

Как только у дамы кончаются аргументы, она хватается за сковородку. Поэтому я достал из вазы заготовленное на всякий случай заветование и зачитал его вслух:

– Я запрещаю тебе касаться моих останков! Человек наилучший здесь погребен!

Однако моя последняя воля не произвела на Вендулку никакого впечатления. Пренебрегая женскими приличиями не напиваться вперед мужчин, она бросила на пол свою сковородку, выбрала подходящий сосуд, смешала вино с водой в пропорции три к одному и стала дегустировать это пойло. В гостиной запахло банкетом.

– Это фалерн? – приняхался я.

Вместо ответа Вендулка послала мне воздушный поцелуй.

– И нечего тут чмокать! – возмутился я, как рачительный хозяин, чувствуя, что фалерн расходуется не по назначению.

– Тебе жаль для жены фалерна? – спросила Вендулка, и что-то в ее интонациях мне не понравилось.

– Мне жалко времени на пьяный дебош, – пояснил я, однако не упустил случая блеснуть ученостью и поразить Вендулку цитатой из Петрония:

То, чего и не ждешь, иногда наступает внезапно,
Ибо все наши дела вершит своевольно Фортуна.
Вот почему наливай, мальчик, нам в кубки фалерн!

Но Вендулке было все нипочем. Во всяком случае, она с удовольствием крикнула и без помощи мальчика наполнила свой кубок по новой.

– А по поводу экономного расхода времени, – сказала Вендулка, – уместно рассказать следующий случай...

Она мечтательно устроилась на кушетке и, судя по всему, надолго.

– Один мужчина повадился в гости к свободной женщине по прозвищу Клепсидра. Все дело в том, что свободная женщина зарабатывает как сможет, а замужняя ограничивается супружескими позами: «селетка под шубой» и «баба на чайнике». А наша Клепсидра считала время, проведенное с мужчинами, по количеству вытекшей из резервуара воды, за что и получила такое прозвище. И расценки у нее были соответствующие: как накапает из резервуара полное блюдечко – плати тридцать драхм, как заполнится тазик – обеденный перерыв! Вот какие у этой Клепсидры были аморальные принципы! Бывало, как

выпрыгнет из постели в самый неподходящий момент, как выплеснет литра четыре на улицу и заявляет: «Ваше время истекло, дорогой товарищ! Проваливайтесь!»

Еще по Клепсидриной молодости терпели мужчины это безобразие, но много воды с тех пор утекло, и за сомнительное удовольствие перестали платить, разумно предполагая, что поглазеть, как капает жидкость из краника, можно и дома, с законной супругой.

А когда разбежались все интересные мужчины, остался у Клепсидры один пациент, часовой извращенец. Приходил по субботам и четвергам, то есть дважды в неделю, и жаловался на свое тяжелое материальное положение. Мол, извини, дорогая – поужинаем чем бог послал. Доставал из котомки окорок, откусывал добрую треть и методично пережевывал, глядя, как накапывает вечность. После чего заворачивал свой окорок в котомку и уходил, приговаривая, что, когда его материальное положение улучшится, он угостит и Клепсидру...

Вот вам и резюме: всякая женщина должна вовремя поступиться принципами, иначе на ее принципы будет всем наплевать. Так и случилось.

– А по поводу женской аморальности, – заметил я, – есть и другое мнение...

Сопя от возмущения, я прошелся по гостиной.

– Одна из женщин решила отказаться от мужчин. Пошла к сапожнику по имени Кердон и заказала вибромассажер. На четыре романтических положения: одинокая, замужняя, дама и валет. Видимо, возомнила себя сапфической поэтессой. А этот Кердон славился в городе как замечательный мастер-импотент. Который на все руки от скуки, лишь бы самому не напрягаться. Изготовил он вибромассажер по индивидуальному заказу и стал рекламировать свое изделие на каждом углу. «Хоть размер у изделия постоянный, а настроение создает разное. А если непосредственно перед применением выпить женщине пол-литра, то самое подходящее. А если литр, то – еще лучше». И моментально слухи о романтическом аппарате разнеслись по мегаполису со скоростью кавалерийской атаки. Кердон же на радостях, что сотворил подобное чудо, тут же запил как сапожник и впал в гигантоманию. То есть не принимал заказа менее чем на пять

метров. Позиционируя, что в чужих руках любой вибромассажер всегда кажется больше.

И вот стали женщины интересоваться – что за диковину смастерил Кердон и какая от нее половая польза. Спорили до хрипоты, сравнивали до безобразия. Только одна женщина, которая напрочь решила отказаться от мужчин, соблюдала гормональный нейтралитет. И была у нее подруга по имени Корритто, ничего из себя особенного, но очень невоздержанная. «Последую, – говорит эта Корритто, – заразительному примеру! Отказываюсь от мужчин, только постепенно. Сперва, – говорит, – попробую, как у меня получится!» Взяла у нашей женщины вибромассажер и позаимствовала до сиесты следующего дня...

Едва первые лучи солнца коснулись черепичных крыш, поспешила наша женщина забрать свой вибромассажер, да попусту! Проклятая Корритто уже успела одолжить изделие Кердона другой подруге, по имени Бетасса... И от нее ушла наша женщина ни с чем – Бетасса поделилась вибромассажером с Носсидой. Носсида, в свою очередь, отдала эту штучку Метрихе, Метриха – Феллениде, а далее – от Альфы до Омеги...

Отсюда вывод и резолюция: прежде чем отказаться от мужчин – распрощайся с подругами!

– А я и не ездила к подругам, – сказала Вендулка. – Я просто путешествовала. И нечего тут гадости про женщин рассказывать.

– Это не гадость, – важно пояснил я, – а мимиямб нашего славного сатирика Герода. В вольном переложении, разумеется.

– Писатели! – выругалась тогда Вендулка. – Всего-то двадцать четыре буквы, а сколько самомнения!

– Двадцать четыре – это в латинском алфавите, – возразил я. – А в другом – тридцать три!

– Ты считаешь, – перебила меня Вендулка, – что писательские амбиции формируются в зависимости от алфавита?

– Нет, – поспешно заявил я. – Мне кажется, что лаконизм – брат бездельника, а жена – враг писательского гонорара!

– Да, – подтвердила Вендулка. – Твои гонорары врагу не пожелаешь!

Здесь назревал конфликт на почве литературных отчислений, и я поспешил его раздуть цитатой из Гомера:

– Скалы тотчас же столкнулись, но голубю зашибли только хвост! Вендулка с симпатией посмотрела на свою сковородку.

– Это пророчество? – осведомилась она. – Или желание подраться?

Нет ничего лучшего, как в летний погожий день треснуть кому-нибудь по башке палкой. Для полноты ощущений. Впрочем, усиленно конфликтовать с Вендулкой я не собирался. Просто за эти три дня меня одолели местные хироманты...

Вначале была книга, и книга на вид – препаршивая. Тот хиромант, что торговал подобной литературой, заслуживал распятия и четвертования. Однако, лукаво подмигивая, он топтался тогда предомной в ожидании щедрого вознаграждения.

– Сколько стоит эта макулатура? – уточнил я.

От возмущения хиромант закашлялся и злобно засопел, как будто в темном переулке столкнулся с литературным критиком.

– Что вы считаете макулатурой? – набычился он.

– Разные писькины истории, что вы таскаете моей жене, – невинно пояснил я, немного подумал и решил уточнить: – Задушевные романы из личной жизни всякого рода потаскух.

– Зато они написаны простым, человеческим языком! – парировал мой хиромант.

– Ага! – подтвердил я. – Чем проще потаскуха, тем популярней ее история. Я искренне сочувствую малютке, что в двадцать два года попала на панель, – могла бы и раньше. Но кто пожалеет читателей, которые думают, что все это случайно и милая девушка просто поскользнулась? Кто вернет мне тридцать драхм, а вместе с ними – иллюзию, что не каждая женщина идиотка?

– Между прочим, – сказал хиромант и потряс для наглядности книгой, – эта история совсем другого свойства.

– И какого же? – осведомился я.

– Ну, – хиромант почесался, поскребся и покряхтел, – я затрудняюсь определить жанр, но в целом книга читается на одном дыхании.

– Да тут же страниц не хватает! – заметил я. – Как можно читать ее в целом?

Книга и правда имела плачевный вид.

– Так вы будете брать или нет? – уточнил мой хиромант.

– Только за полцены, – заявил я. – И только ради садизма. Чтобы жена эту дрянь листала и обливалась слезьми!

– Верное решение! – согласился со мной хиромат. – Направленное на подавление женской активности в светлое время суток.

Тут хиромант пошатнулся, как будто его треснули сковородкой-невидимкой. После чего он схватился за голову и стал озираться по сторонам с пришибленным видом.

– Меня осенило! – пожаловался хиромант.

– И немудрено, – подтвердил я. – Вы помянули о женской активности и накликali муз.

В каждом доме полным-полно всякой нечисти – от моли до тараканов. Два года назад я оставил в кладовке тухлый роман, и у нас завелись музy.

– Кыш-кыш, проклятые! – завопил хиромант и принялся размахивать руками, думая предотвратить повторное нападение муз.

Да без толку! Потому что только их раззадорил, и музy принялись осенять хироманта с повышенным вдохновением!

– Ой! Ой! Ой! – вскрикивал мой хиромант, покуда не ослабел. Тогда он забился в угол, раззявил рот и сказал: – Идея!

– Вы зря ей сопротивлялись, – заметил я.

Хиромант оглянулся по сторонам и тихо спросил:

– А чем это меня оглушило?

– Сковородкой, – пояснил я. – Обычное оружие муз, чтобы идеи лучше усваивались.

– Аж в голове гудит, – сообщил хиромант. – И хочется поделиться.

– Валяйте, – разрешил я.

– Вас ожидает странное путешествие, – принялся излагать хиромант. – Вы будете ехать в повозке без лошадей и хлебать «ячменный или пшеничный отвар, превращенный посредством брожения в некое подобие вина».^[2] Я вижу попутчиков и попутчиц, но слышу только один голос. Он говорит, что надо опасаться Издателя.

– Видимо, здорово вам досталось, – посочувствовал я. – Создателя – знаю, а что за зверюга такая – Издатель?

– Понятия не имею, – развел руками хиромант. – Так говорят ваши музy со сковородками. И если взглянуть на мои шишки, то можно теперь составить практическое пособие по хиропрактике.

Делать было нечего, и я принялся пересчитывать шишки на голове хироманта. Чтобы тот не бравировал своими предсказаниями.

– Сегодня вторник? – уточнил я.

– Угу, – отвечал хиромант.

– Основание треножника перевернуто. – Тут я пришел к выводу, что нашел ключевую шишку, щелкнул по ней указательным пальцем и важно сообщил: – Во вторник благоприятно оставить супругу и взять молодую наложницу с ребенком. Беды не будет!

– Вот как? – вздохнул хиромант. – Пойду брать наложницу. И не хочется, а что делать?!

Он сунул мне в руки книгу и, не требуя больше оплаты, направился к выходу. Расшаркался на пороге и был таков.

А я, немного подумав и слегка покочевряжившись, вызвал на бой письменный стол и время, за ним проведенное! Уселся и принялся сочинять, как я родился и вырос в городской библиотеке, где мой дедушка, из вольноопределяющихся, служил истопником...

Еще во времена Гальских походов Юлия Цезаря мой юный дедушка попал в плен и был продан в рабство с молотка. Его определили на строительство подъездных путей к Риму, где дедушка благополучно утопил своего бригадира в Понтийских болотах и дал деру. Через какое-то время его изловили и подвергли стремительной романизации, то есть высекли и обучили грамоте. А поскольку утопленный бригадир не мог появиться в суде, то криминальное прошлое моего дедушки так и сгинуло в болоте. И единственное, чего он всю жизнь опасался, – это пьеса Аристофана «Лягушки». «Бог его знает, о чем они там нахвакают», – говаривал дедушка, изымал вышеназванные книги из городских библиотек и растапливал ими печи. Просвещенные римские владельцы моего дедушки, обнаружив подобную тягу к литературе, ошибочно предположили, что миру явился новый Геродот, а не Герострат, и отпустили его на волю. Дедушка тут же определился в ближайшее хранилище книг, где, сообразно своим интересам, расправился со всеми трактатами о водоплавающих. Потом женился, обрел наследников и генетически расположил меня к порче книг. Однако же всяческие мутации несколько отклоняют грядущие поколения от истинного пути – мне не привилось печное дело. Зато хирургические компиляции я полюбил с детства. Вырезать ненужный абзац, погромсать страницу, изъять у

трагедии эпилог и присобачить его на новое место – милое дело для тех, кто понимает, что наша литература остро нуждается в критическом переосмыслении...

– А если переосмыслить некоторых писателей, – заявила Вендулка, – литературы и вовсе нет!

Большинство романов – гермафродиты. Андрогинные сочинения-гиены могут менять пол, гипнотизировать читателя, преследовать заходящее солнце и устранять авторское бесплодие. Идея двойственности, заключенная в романе, сбивает простодушного читателя с толку, лает на критиков и путает следы. А в Евразии, как говорят, водятся такие литературные гиены, что, наступив на тень человека, вызывают у него оцепенение. В единстве противоположностей у гиены рождается многочисленное потомство – книжная серия, и некоторые литераторы, погнавшиеся за этим потомством, сходят с ума и падают с лошади. Гиена же состоит в какой-то таинственной связи со всеми сочинителями, по собственному желанию изъясняется человеческим голосом и выкликает по имени того сочинителя, которого хочет растерзать...

Как говорит Вендулка – слава богам, что мы не литераторы. Это скучные, ущербные люди, которые хотят восполнить пробелы в личной жизни собственными фантазиями. У кого жена стерва – пишут любовные романы, мизантропы – заядлые юмористы, порнографы – импотенты, а круглые дураки – сочинители криминальных историй.

– Слава богам, – сказала Вендулка, – что мы с тобой персонажи давно отшумевшей драмы. И браниться мне лень, и ссориться простора не хватает. *Otium cum dignitate* – проведем свой досуг с достоинством.

– Хорошо, – согласился я. – Пойдем оскверним могилу.

Время от времени мы совершали набеги на местное кладбище с целью поживиться археологическими открытиями. Опасаясь возмездия со стороны родственников, мы выбирали древние захоронения, о которых не беспокоились потомки лет этак двести. Можно сказать, что мы восстанавливали связь поколений, но лучше об этом промолчать. Потому что потомки – люди скользкие. Сегодня им наплевать на свою прапрабабушку, а завтра они требуют вернуть ее побрякушки. Поэтому материальные ценности с опознавательными знаками мы оставляли на месте раскопок. А все остальное –

национализировали и продавали в собственной антикварной лавке. Особенно бойко шла торговля древними рукописями, как целыми, так и старательно подпорченными. Одни манускрипты сшивались, другие резались. На три, на четыре части – в точности по количеству покупателей, желающих приобрести, например, «Описание Эллады» или «Беседы Эпиктета». Стыдно признаться, «Сатирикон» Петрония Арбитра мы разделили на двенадцать частей, и вряд ли когда-нибудь он будет восстановлен в прежнем виде.

Кабы попался ты нам на такие же плутни, трактирщик:
Воду даешь ты, а сам – чистое тянешь вино.^[3]

Одну главу мы продали Корнелию Трималхиону... В Помпеях этот предприимчивый «меценат» построил уже несколько рорінае, то есть целую сеть кабаков среднего пошиба. Как поговаривали, достаток Корнелия Трималхиона зиждился на махинациях со спиртными напитками. Поэтому я подумал, что наш разбавленный «Сатирикон» придется ему по вкусу...

В десять часов ровно, как показывали солнечные часы на доме Евмахии, я отворил дверь в харчевню Корнелия Трималхиона на улице Изобилия. Но вместо запаха кислой капусты на меня обрушилась поперечная балка, откуда-то сверху.

– Будь она неладна! – воскликнул Корнелий Трималхион, вытаскивая меня из груды мусора. – Третий раз прибываем. Обустраиваемся. Зато посмотри – какая красота вокруг! Ин-терь-ер!

Я, слегка приплюснутый, озирался по сторонам в надежде разглядеть свою смерть, прежде чем она свалится мне на голову в виде какого-нибудь кирпича.

– А ты заметил, – поинтересовался Корнелий Трималхион, – что поперечная балка всегда падает плашмя, а продольная – протыкает насквозь?! Правило первое – не стой под Атлантом, а то промокнешь.

Тут Корнелий Трималхион стал потрясать брюхом, и я догадался, что последняя его фраза была шуткой, а танец живота – смехом.

– Приступим к осмотру помещения, – предложил неугомонный Корнелий Трималхион. – Вначале познакомься с моими мальчиками.

И принялся хлопать по каждому из шести деревянных фаллосов, размещенных при входе, поименно их представляя: Шкрыга, Шняга, Каркалыга, Шнырь, Шмыга и Панта рей. Меня чуть не вытошнило – на всех разом, до того натурально они выглядели.

– Это называется – фаллозаборник! – добавил Трималхион, весьма довольный своими филологическими изысканиями. – Иначе говоря, раздевалка. Тут посетители будут оставлять свою верхнюю одежду. Пойдем дальше...

А дальше следовала фреска, не располагающая ни к еде, ни к питью: толстая баба, взгромоздясь на хрупкого юношу, пыталась выдавить из него и завтрак, и обед. От этой картины веяло печалью и обращением малолетних, поскольку неизвестный художник сконцентрировался на бабище, а для полноценного юноши не хватило места.

– Писистрат из Самосаты, – уважительно обнародовал Корнелий Трималхион имя художника. – Знаешь, во что мне это вылилось?

Он еще раз полюбовался фреской и шепотом сообщил мне общую стоимость работ «уважаемого Писистрата», вместе с красками. Этой суммы хватило бы и десятерым юношам на поправку здоровья после разудалой бабищи.

– Что тут можно сказать? – добавил Корнелий Трималхион, указывая на картину. – Когда пушки молчат – искусство требует жертв.

Я прослезился. Трималхион ободряюще потрепал меня по плечу, мол, «сразу видно образованного человека», и продолжил нашу экскурсию. Следующим экспонатом был «Страхуил», как выразился Корнелий Трималхион, или, как мне показалось, каменное изваяние Приапа, отягощенное братьями «каркалыги» и «панта рея». Они росли у бога плодородия по всему телу, и поэтому Приап был похож на гигантского ежика.

– Это, – Корнелий Трималхион внутренне собрался и выпалил на одном дыхании, – гиперболизация образа! Когда количество переходит в качество! Так говорил Заратуштра! – Корнелий почесал затылок и добавил: – Или я говорил ему?! – Довольный произведенным на меня впечатлением, Корнелий Трималхион приосанился и добил Заратуштру следующим пассажем: – Умнейший был человек. Все время о чем-нибудь у меня спрашивал. Как хлеб поделить? Как из литра вина сделать десять?

Тут Корнелий Трималхион проникся ко мне симпатией и поведал о своей удивительной жизни. Оказывается, что кроме пророка Заратуштры, жившего шесть веков назад, Корнелий Трималхион встречался с царицей Клеопедрой и имел от нее сына по имени Намуходоносор, который разгромил персов в битве при Иссе.^[4] Скульптор Фотий, философ Плутон, историк Деридот, – кого только не знал Трималхион?! С кем не беседовал?! Чтобы заручиться поддержкой Корнелия Трималхиона, к нему прибегали сильные мира сего, как марафонские лошади – наперегонки. Но трактирщик принимал далеко не всякого и говорил не более одной гениальной фразы в день. Поэтому сильные мира сего влачили жалкое существование, дожидаясь – когда же Корнелий Трималхион что-нибудь скажет. Ich bin(o) veritas! – Истина во мне!^[5] Зато демократичный Корнелий не чурался общения с простыми людьми и даже пожертвовал два аса на строительство общественной уборной, за что был увековечен мемориальной табличкой над четвертым сиденьем справа.

– Ты спрашиваешь, что́ такой человек, как я, делает в этой харчевне?! – воскликнул Корнелий Трималхион и глубоко задумался, глядя на аллегорическую фреску...

Где феерические животные, почерпнутые из кошмарных снов, занимались воспроизводством. Водоплавающие совокуплялись с земноводными, а яйцекладущие с живородящими. Эта скотская порнография олицетворяла собой Сотворение Мира по Фрейду.

– Что́ такой человек, как я, делает в этой харчевне?! Что́ такой человек, как я, делает в этой харчевне?! – мучился над вопросом Корнелий Трималхион и время от времени подбочивался.

Я не знал, чем ему помочь, поскольку размышлял над другой дилеммой – пойти домой и лечь спать или признать Корнелия Трималхиона богом. В первом случае я оставался без денег, во втором – с головной болью.

Внезапно Корнелий Трималхион плюнул на пол и проговорился:

– Я бы хотел стать летописцем.

– А что мешает? – поинтересовался я. – Сейчас на дворе самое лето.

Корнелий Трималхион тяжело вздохнул с видом человека, обреченного платить налоги:

– Ты знаешь, сколько на мне всяких ручек и ножек?!

Я пересчитал – ничего особенного. Но Корнелий Трималхион принялся обрывать на себе многочисленные ручки и ножки, словно Лаокоон, удушаемый змеями. Это мимическое представление длилось минуты три, после чего Корнелий Трималхион пояснил:

– И все цепляются за меня и просят жрать!

Каждый, кто рассчитывает на сострадание, должен для начала похудеть. А не хлопать себя по пузу для пущей убедительности.

– Давай-ка сделаем вот что... – сощурился Корнелий Трималхион, – ты мне продашь свой папирус за двадцать лепешек с сыром!

– Лучше расстанемся по-хорошему, – в ответ предложил я.

Из уважения к автору «Сатирикона» я готов был поторговаться, но из любви к искусству – не менее чем за триста драхм.

– Я думаю, – предупредил меня Корнелий Трималхион, поскольку пауза затягивалась. – Я думаю, что читать намного сложнее, чем писать. И хотя я не умею ни того, ни другого, но предполагаю, что за использованный кусок папируса нужно заплатить...

– Четыреста драхм, – подсказал я.

– Вдвое меньше, – закончил фразу Корнелий Трималхион. – Как человек творческий, я иногда продаю пожеванные лепешки, но как человек честный – на треть дешевле. Иначе их никто не берет.

Тут я принялся заверять неразумного трактирщика, что вложенные в произведения искусства деньги никогда не пропадут...

– Будет надежнее, – отмахнулся Корнелий Трималхион, – закопать мои деньги на заднем дворе. Для этого мне нужен большой сундук, а не папирус.

Подозревая, что сделка не состоится, я стал прикидывать, как бы выйти из помещения. Но справа меня караулили «шкряги», слева Приап с растопыренными фаллосами, а прямо – Корнелий Трималхион загораживал дорогу и размышлял вслух:

– Что общего во всех папирусах? Там нет ни слова про Корнелия Трималхиона...

И я не стал его в этом разубеждать. Просто подумал, что книга, которую принес мне давешний хиромант, сильно подпорчена. Утрачены целые страницы про меня, Вендулку и других людей. Даже заглавие ободрано наполовину – «Обед...».

– Трималхиона! – воскликнул я и согласился эту книгу отреставрировать.

Помпеи

День первый, день последний

Кому: Александру box12576@yahoo.co.uk

Тема: Каркнул ворон: «Невермор!»

Сообщение:

Сижу в гостинице «Гранд Вулкан», неподалеку от Помпей, и насилую свой ноутбук сценами из древнеримской жизни. Жуткая дыра этот «Вулкан»! Водопроводные трубы гудят и трясутся, как во время знаменитого извержения. Кстати, сегодня днем неизвестно куда трижды пропала электроэнергия! Администратор отеля говорит, что старый добрый «Вулкан» не справляется с наплывом туристов. Но я подозреваю, что причина всех неурядиц – мой ноутбук. Во всяком случае, свет гаснет, как только я подхожу к розетке, чтобы подзарядиться. Отсюда и фрагментарность моего повествования, и название нового романа – «Обед на кладбище». Отсылаю тебе по электронной почте вторую главу...

Раскопки в Помпеях начались еще в 79 году, как только Везувий слегка угомонился и перестал кидаться камнями. Горожане, уцелевшие после извержения, пытались проникнуть в свои жилища, погребенные под пеплом. За государственный счет отрыли и вытащили на поверхность несколько изваяний, а все остальное досталось потомкам. Они оживленно копаются в Помпеях и по сегодняшний день...

– Синьор! Синьор! – подергал меня за штанину один кучерявый потомок лет десяти и поманил за угол.

Там, разумеется, не было никакого музея под открытым небом. И внешность потомка не вызывала доверия.

– Что тебе надо, гадкий мальчик? – любопытствовал я.

Явно обескураженный потомок, который рассчитывал встретить во мне доброго американского или японского туриста, оставил в покое

мою штанину и принялся энергично подмигивать, по-прежнему намекая, что за углом я обрету наконец-то счастье. И всего за несколько сотен долларов!

– Две синьорины? Дио?! – уточнил я.

– Трио! – пояснил гадкий потомок и для наглядности показал мне три растопыренных пальца с грязными ногтями.

– Много! – покачал головой я. – Мне столько синьорин не надо.

– Вери гуд! – похвалил свой товар потомок и воровато оглянулся – нет ли поблизости карабинера.

Я сделал то же самое, но в педагогических целях. Думая, как бы по-тихому отвесить потомку солидного тумака.

– Вери олд! – настаивал мелкий извращенец, продолжая подмигивать.

Его авансы пробудили во мне интерес. Что за синьорины такие? Очень хорошие и очень старые... Но тут из-за угла вышел другой наследник Римской империи, наверное старший брат, и, ломая английские слова пополам, принялся объяснять, что синьорины днем спят, а мне предлагаются древние монеты.

– Я экскаватор! – хвастливо заявил старший наследник. – Вчера экскаватор! Сегодня экскаватор! В нашей деревне все экскаваторы!

– Фак! – подтвердил младший.

– На прошлой неделе я был экскаватор в Помпеях! – продолжал излагать наследник. – И нашел три монеты! Я очень хороший экскаватор!

– Фак! – снова подтвердил младший.

– А можно я дам ему по шее? – спросил я, имея в виду младшего наследника.

– Велком! – разрешил старший. – Сегодня наша мама больна!

Но я подумал и воздержался, помня, что западная цивилизация многим обязана древнеримскому праву и юриспруденции.

– Синьор! Синьор! Купите монеты! – сформулировал свое коммерческое предложение старший наследник. – Наша мама инвалид!

Это был древний проверенный способ добычи денег из иностранных туристов, считай со времен Возрождения.

– Рилли?!^[6] – усмехнулся я.

– Индид!^[7] – важно кивнули оба потомка и показали мне древние монеты.

Я рассмеялся, потому что подобные сувениры продавались на каждом углу, и вполне легально. Наследники мамы Ромы даже не потрудились испачкать монеты в родной итальянской земле. Тут я решил прибегнуть к языку жестов и погрозил кулаком.

– Чешский сувенир! – пояснил я.

И наследники с хохотом прыснули от меня в обе стороны, чтоб через пять минут привязаться к другому, более доверчивому туристу. Говорят, что японцы воспитывают своих наследников ненасильственными методами. Сакурой, а не дубом...

Дом Хирурга на Консульской улице в Помпеях «найти довольно легко», – записал я в специально заготовленный блокнот. «Его фасад, сложенный из правильных блоков, возвышается над мостовой». Для начала экскурсии я хотел посмотреть на фреску с поэтом, где «две девушки и мужчина заняты какой-то литературной работой», но обнаружил только «хорошо одетую женщину, что держит в правой руке кисть и собирается окунуть в краску». И лучше ей сделать это незамедлительно, потому как «поэта» не пощадило время и ныне его практически не видно. Дождь и ветер не лучшие хранители музеев, особенно под открытым небом, и археологи выдвигают проекты – закопать Помпеи обратно, покуда не будет предложен способ, как сохранить античное наследие.

– У вас глаза соотечественника, – сообщила мне некая пани.

– Как вы догадались? – брякнул я.

– По фотоаппарату, – рассмеялась она. – Вы были в доме терпимости?

– На этой неделе еще нет! – честно признался я.

– Какой вы глупый! – удивилась пани.

– Это спасает меня в некоторых ситуациях, – пояснил я. – Когда не надо нести ответственности за свои поступки.

Наш диалог развивался в переулке рядом с Лупанарием.^[8] По какой-то причине пани стеснялась туда войти без соотечественника. Наверно, опасалась японских туристов, которые могли бы истолковать неправильно ее интерес к помпеянским эротическим фрескам. Вдобавок она непременно хотела сфотографироваться на древнем ложе терпимости.

– Вместе со мной? – невинно спросил я.

– У вас всегда мозги набекрень? – в ответ осведомилась она.

– Нет, – покачал головой я. – Просто меня сбили с толку два нумизмата. Как раз перед входом в Помпеи.

– Каким это образом? – улыбнулась она.

– Долго объяснять, – отмахнулся я. – Так мы идем сниматься в борделе или отложим до Праги?

«Под публичный дом было отведено несколько комнат первого этажа. К сожалению, здание пострадало от неумелых раскопок в XIX веке, и назначение верхних помещений до конца прояснить не удалось. В тесных комнатухах первого этажа умещалась только каменная кровать с изголовьем, а когда гость уединялся с девушкой, она вывешивала табличку „Оссурата“, в смысле – „Занята“. В коридоре над каждой дверью сохранились пикантные фрески, которые иллюстрируют разные эротические позы, широко распространенные в античности».

– Что вы там записываете? – развозникалась пани. – Фотографируйте меня быстро, пока никого нет!

Она оглянулась по сторонам и прилегла на каменную кровать, как нервная лань с испуганными глазами.

– У меня достаточно эротичная поза? – спросила она.

– Для одиночной камеры – несомненно! – подтвердил я. – Можно подумать, что вы не в Помпеях, а в Алькатрасе.

– Нахал, – определила пани. – Да что вы понимаете в женщинах?!

– Немного, – согласился я. – Но лучше вылезайте из этого каменного мешка, а то простудитесь.

Когда мы вышли, пани стала отряхиваться, чем привлекла к себе внимание новой партии японских туристов, которые принялись ее фотографировать на фоне Лупанария.

– Вот видите, – намекнула мне пани. – Японцы находят меня эротичной.

– Ерунда, – отмахнулся я. – Вы бы видели, как они смотрят на Данаю! Вы никогда не встречали лупоглазых японцев?

Мы вышли из переулка Висячего балкона и остановились на перекрестке.

– А чем вы занимаетесь в Помпеях? – спросила пани.

– Набираюсь впечатлений, – ответил я. – Которые предполагаю обрушить на нашу многострадальную родину. В стихах и прозе!

– И хорошо за это платят? – осведомилась пани.

– Пока ни геллера, – признался я. – У меня еще нет сюжета! А также композиции и персонажей.

– А когда они объявятся? – спросила неугомонная пани.

– А бес его знает! – честно ответил я.

Подобие

Город Брно. Железнодорожный вокзал

Воздушным путям вы можете предпочесть железную дорогу. Поезда следуют по маршруту «Прага—Брно» или «Брно—Прага». К сожалению, это путешествие менее привлекательно из-за дискомфорта в отечественных вагонах и далеко не совершенного сервиса...

Из туристического буклета

До отправления поезда оставалось всего полчаса, а мне еще надо было купить билет и выпить пива. Без билета ехать, конечно, можно, а вот без пива грустно. Сидишь себе в кресле и пускаешь слюну, как загадочный пассажир, которого черти несут неизвестно куда и неизвестно зачем. Поэтому я затормозил на полдороги к кассам и стал поочередно разглядывать – то вокзал, то ближайшую пивницу, то вокзал, то ближайшую пивницу, то вокзал, то ближайшую пивницу... Победила брюнетка, которая шла мимо и развернула меня, как флюгер, в направлении вокзала.

Прискорбно жить в такое дикое время, когда пивнушки не ездят по рельсам, а только скучные вагоны-рестораны. Насколько приятнее слышать: «Медам и месье! „Старый Эдгар“ отправляется с пятого пути, левая сторона! Просим провожающих поднять бокалы за отправляющихся...»

– Вы курите? – спросила у меня кассирша.

– Вы издеваетесь? – осведомился я.

При каждом вздохе она создавала интересную форму груди и делала это преднамеренно. Морочила голову доверчивым пассажирам. Или играла в надувную куклу.

– В смысле, вам билет в вагон для курящих или некурящих? – пояснила кассирша. – Потому что, – добавила она, – если в вагон для некурящих, то билетов почти нет, а если в вагон для курящих, то билеты еще есть.

Вообще-то, Министерство путей сообщения могло бы предложить более разнообразную программу. Например, вагон для веселых холостяков. Или для любителей камерной музыки. Или общий переспальный вагон – для мужчин и женщин, желающих познакомиться.

– Мне в Прагу, – подсказал я.

– На проходящий поезд? – надулась тогда кассирша. – Через три минуты, – добавила она, – есть билет на проходящий поезд в вагоне для курящих, а через двадцать минут в вагоне для некурящих от станции Брно... Что выбираете?

– Мне легче бросить курить, – ответил я. – Как я могу выбирать, не видя – ни того, ни другого?

– Тогда пойдите и посмотрите на поезд от станции Брно, – предложила кассирша. – Он подан на четвертый перрон.

– Делать мне больше нечего, – усмехнулся я.

– Тогда берите билет в вагон для некурящих, потому что проходящий поезд уже прошел, – сказала кассирша, – покуда вы тут со мною разговаривали.

– Безобразие, – на всякий случай возмутился я.

– Ха! – подтвердила кассирша и выпустила из лифчика воздух, весь.

В конце концов, имея билет, я вышел на перрон, чтобы полюбоваться поездом «от станции Брно» и проследить за подвозом съестных продуктов в вагон-ресторан. И единственное, что меня действительно насторожило, это ограниченное количество пива, отгруженное для двенадцати вагонов, не считая локомотива. Но, судя по внешности машиниста, не принимать в расчет локомотивную бригаду было бы ошибкой. И если мы двинемся к вагону-ресторану с разных концов поезда – еще не факт, что я успею вперед машиниста опорожнить вагон-ресторан. Однако стоило попытаться. Поэтому я поспешил занять исходную позицию у двери своего купе, чтобы низко стартовать, как только локомотив свистнет...

Надо ли говорить, что на сидящих в купе пассажиров я мало обращал внимания. Больше всего меня беспокоил свободный проход по коридору, нежели люди, не имеющие к нашему забегу с машинистом никакого отношения.

– Простите, но это место занято, – послышалось из моего купе.

– Какое? – поинтересовался я, не оборачиваясь, потому что жирная корова с двумя чемоданами застряла в проходе, а до отправления поезда оставались считанные минуты.

– Тридцать шестое, – пояснили оттуда же.

– Занято, – подтвердил я. – Мною, – и засунул в купе свою руку с билетом, где ясно были проставлены дата, номер поезда, вагон и, соответственно, тридцать шестое место, выделенное мне под солнцем.

По всей вероятности, мою руку с билетом рассматривали в купе с превеликой тщательностью, поскольку я ощущал от ладони до предплечья чье-то трепетное дыхание.

– А где же Йиржи? – последовал дополнительный вопрос.

И поскольку поезд тронулся, локомотив просвистел, а корова с чемоданами не сдвинулась с места, я понял, что нынешний забег выиграл машинист. Можно было, конечно, сорвать стоп-кран и объявить фальстарт, но я предпочитал честную игру, вдобавок побаивался допинг-тестирования.

– Что вам, в конце концов, от меня нужно?! – Я скорчил свирепую рожу и обернулся, в надежде, что всякие бессмысленные вопросы прекратятся...

Десять глаз смотрели на меня с неподдельным интересом – шесть накрашенных и четыре обыкновенных. Собственно говоря – это была не гидра, а три пассажирки и два пассажира. И как их угораздило набиться в купе задолго до моего прихода?

– Вам надо отвечать всем сразу или какому-нибудь представителю? – деликатно осведомился я, а они закивали, что можно всем сразу. – Я знать не знаю вашего Йиржи и куда он подевался! Как, кстати, его фамилия?

– Геллер, – подсказали накрашенные глазки.

– Спасибо! – поблагодарил я. – Так вот, никакого Йиржи Геллера я не знаю и познакомиться с ним не хочу!

Думая, что достаточно прояснил для окружающих свою позицию сварливого пердуна, я уселся на тридцать шестое место и сделал вид, что «размышляю о судьбе светил, паря в пространстве». А на самом же деле – мысленно переливал из пустого в порожнее три сорта пива: «Хайнекен», «Хольстен» и «Кроненбург». Впрочем, не так явно, то есть не поскуливая. Поскольку на соседнем месте оказалась дама в черных чулках и могла бы подумать, что мои утробные звуки – по

этому сексуальному поводу. Вторая купейная дама находилась в брючном костюме и ничего подобного предположить не могла. Третья – листала богато иллюстрированный журнал, по всей вероятности, чтобы сравнить меня с Жан-Полем Бельмондо или Арнольдом Шварценеггером...

– Извините, конечно, за беспокойство, – обратился ко мне мужчина, сидящий возле окна, – только на вашем месте должен был ехать Йиржи Геллер...

– Что же вы думаете, – огрызнулся я, – вы думаете, что я убил Йиржи Геллера и ограбил? Расчленил его тело, расфасовал по мешкам, смыл с мостовой кровь, вытащил у него из кармана железнодорожный билет, сел в поезд, а мешки с Йиржи Геллером отправил в Санкт-Петербург, Париж и Оломоуц?!

– Нет, мы так не думаем, – сказал мужчина. – Во всяком случае, не так подробно, – добавил он.

– И слава богу! – вздохнул я. – Если, конечно, не врите...

– Видите ли, в чем дело... – вмешалась в разговор дама в брючном костюме. – Все мы едем на конференцию, посвященную – не важно чему... Ну скажем, «Внутренний монолог как средство от изжоги...». Едем и недоумеваем – что же случилось с Йиржи Геллером?

– Могу себе представить, – ответил я. – Опираясь на десять минут нашего занудного знакомства, я просто уверен, что Йиржи Геллер выбросился из окна!

– Да что вы говорите! – Дама в ажурных чулках поменяла позу, то есть переложила левую ногу на правую. – Я всегда ожидала от Йиржи Геллера какого-нибудь сумасбродства. Во сколько часов времени это произошло?

– Вы едете на конференцию в качестве докладчиков или в качестве экспонатов? – в свою очередь поинтересовался я, поскольку не ожидал, что мои откровения по поводу «безвременной кончины» Йиржи Геллера будут восприняты так прямолинейно.

– Я не есть природный носитель чешского языка, – призналась дама в чулках. – И не всегда понимаю – о чем тут речь. В данном случае мы разговариваем об Йиржи Геллере, не так ли? Повторите, пожалуйста, что с ним случилось!

Я попытался выйти из ситуации и снова в нее войти. Чтобы окинуть весь этот идиотизм свежим взглядом. Так же я поступал, редактируя женский журнал. Однако чем дальше анализируешь, тем больше уподобляешься. И через месяц я овладел всеми приемами писькиной грамоты не хуже любой из корреспонденток этого женского журнала. Сам того не желая.

– Йиржи Геллер сошел с ума, – печально констатировал я. – А я отправляюсь следом.

Дама в чулках снова поменяла позу и принялась меня утешать.

– Ну-ну, – сказала она, – шшш-шшш... Не надо так грустно. Все мы подвержены некоторым заболеваниям... Кстати, Йиржи Геллер давно прикидывался сумасшедшим, и надо теперь признаться, что курочка умалишается по зернышку. Вы меня хорошо понимаете?

– Не очень, – признался я.

– Это потому, что я не есть природный носитель чешского языка, – обрадовалась дама. – И Йиржи Геллер – тоже.

– Да и черт с ним, – поддакнул я. – Не хотите ли переменить тему?

Дама в чулках вдруг глупо захихикала. Следом за ней стала пофыркивать и дамочка в брючном костюме, далее – мужчина возле окна, а после него – все остальные.

– Вы на что намекаете? – спросила дама в чулках. – Йиржи Геллер не был транссексуалом. Как родился мужчиной, так и сошел с ума.

– Да-да, – подтвердила дама в брючном костюме. – Он ничего не хотел менять. Как вы могли такое подумать?

– Наверное, твои штаны, – подсказала дама в чулках, – ввели товарища в заблуждение. Кстати, слово «товарищ» надо писать с двумя буквами «о». Тооварищ! Как слово «Лаокоон», удушаемый коммунистической гидрой.

– Отнюдь, – возразила дама в брючном костюме. – Потому что Лаокоон – это не слово, а древнегреческий жрец.

– А Лао-Цзы?

Я мужественно пообещал самому себе, что сокращу потребление пива до разумных пределов, если этот кошмар немедленно прекратится. Высунул как можно дальше язык, чтобы на него посмотреть – ничего таким образом не увидел и стал разыскивать в купе зеркало. Хотя никогда не мог правильно определить – заболел я или чем-нибудь обожрался.

– Что вы делаете? – озадаченно спросила дама в чулках, глядя, как я рыскаю по купе с разинутой пастью. – Вы продолжаете опасно заблуждаться?

Среди нас, кроме дамочки с журналом, находился еще мужчина, не проронивший до сих пор ни слова. И теперь он нарушил обет молчания и обратился ко всем присутствующим:

– В тысяча девятьсот девяносто первом году Йиржи Геллер завел меня в темный лес своих рассуждений. Он утверждал, что время, поделенное на количество дам, дает в остатке свободу мыслей. Тут мы заспорили по существу вопроса: чего у нас больше – дам или времени? Если в переизбытке дам, то надо их сокращать, а не делить на время. А если полным-полно времени, то где же взять столько дам, чтобы его заполнить?

Присутствующие слушали мужчину с неподдельным интересом, кивая в такт железнодорожным колесам. Только я не кивал, опасаясь прикусить язык.

– И что представляет собой эта пресловутая свобода мыслей? – продолжал разглагольствовать мужчина. – Возможность порассуждать о всяких гадостях или отсутствие мыслей вообще? Йиржи Геллер говорил, что подлинная свобода – отпустить свои мысли на волю и больше ни о чем не думать. «Идите, мысли, на хрен, – говорил Йиржи Геллер, – плодитесь и размножайтесь!» Думаю, что этими словами он подтолкнул разрядку напряженности в Европе! – патетически закончил мужчина.

Все одобрительно побрякали, в смысле – побряхтели.

– А помните, – воскликнула дамочка с журналом, – как Йиржи Геллер разоблачил ясновидящую?! «Спорим, – сказал Йиржи Геллер, – что на вас белье красного цвета?» – «Что?!» – переспросила ясновидящая, как будто была плохослышащая... И тогда Йиржи Геллер ее разоблачил. Потому что всегда с подозрением относился к паранормальным женщинам. А может быть, видел их насквозь...

– В память об Йиржи Геллере, – сказала дама в брючном костюме, – я тоже готова снять брюки, но только при одном условии. Если наш попутчик засунет свой язык обратно.

– И не будет провоцировать женщин на сексуальные отклонения, – поддакнула дама в чулках. – Как Йиржи Геллер...

Мне что-то требовалось предпринять. Либо выйти из купе к чертовой матери, либо сойти на ближайшей станции. Обычно я принимаю образ собеседника, для поддержания диалога. Но тут почему-то закочевряжился.

– Еще раз хоть слово скажете про Йиржи Геллера, и я вас тресну! – честно предупредил я. – Это касается всех присутствующих, – добавил я, обводя строгим взглядом купе.

Мужчина возле окна моментально заинтересовался железнодорожными столбами и стал их вслух пересчитывать: «Раз, два, три, четыре, пять...» Дама в брючном костюме стукнула его локтем в бок. Мужчина сбился и принялся считать сызнова: «Раз, два, три, четыре, пять...»

– Я иду искать! – воскликнула тогда дама в брючном костюме и, обращаясь ко мне, укоризненно пояснила: – Кто не спрятался – я не виновата... Потому что меня иногда тошнит в поезде. – Она достала из сумочки ажурный платочек и демонстративно приложила к губам.

– Да что же вы нам рот затыкаете! – возмутилась дама в чулках. – Мы едва спросили, куда подевался?..

– Только без имен! – предупредили ее.

– А вы обрюхатили нас подробностями!

– Обременили, – машинально отредактировал я. – Кстати, если вам необходимо поговорить об Йиржи Геллере, можете сделать это в тамбуре...

– Ага!!! – хором закричали они. – Кто сказал «Йиржи Геллер» – тот дурак!!!

Их радостные вопли разбудили во мне определенные мысли... Ну во-первых, из сумасшедшего дома не выпускают разом пять человек, даже на экскурсию. Вдобавок, если это экскурсия, то где же чичероне?! В смысле гид-проводник по итальянским развалинам. «Посмотрите направо, посмотрите налево! Для лучшего усвоения читайте специальную литературу!» И если такая судьба была уготована Йиржи Геллеру, тогда понятно – почему он сбежал. Ибо нет никакого смысла рассказывать яблоку о законе всемирного тяготения. От этого шишка на голове Исаака Ньютона не уменьшится. И поскольку недавно, с целью подремать, я присутствовал на лекции о спектральном анализе и ничегошеньки не понял, то почему это каждый считает себя крупным

специалистом в области филологии? Только потому, что умеет читать и писать?

Помнится, к нам в издательство заявился один старичок... «Где тут принимают современную литературу?» – деловито справился он. «У вас бестселлер? – уточнил охранник. – Если бестселлер, то наберите побольше слюны, поднимайтесь на четвертый этаж, смело плюйте в секретаршу и вышибайте ногами дверь в кабинет главного редактора! А если у вас рядовой словесный онанизм, то мастурбируйте прямо здесь, только недолго...» Короче, этого старичка добрые люди направили ко мне. «Всю жизнь я проработал слесарем, – поведал он. – Вышел на пенсию и задумался – чем бы заняться? Жена умерла, дети разъехались – свободного времени образовалось много. И вот я решил писать романы». – «А почему не симфонические произведения?» – удивился я. Старичок посмотрел на меня как на полоумного. «Так этому ж учиться надо! – воскликнул он. – И рояль в мою дверь не проходит! А для хорошего романа – все есть! Стул да стол, садись да пиши!» Такая вот рояльная непроходимость...

Я к тому, что только диалог двух бобиков похож на монолог: «Гав!» – «Гав!», «Гав!» – «Гав!» А любой другой диалог – аллегоричен. И ведь что-то подразумевается, когда взрослые люди все время заводят разговор об Йиржи Геллере. Только мне об этом невдомек. Поскольку я не есть крупный специалист в области отечественного бреда.

– Теперь ваша очередь быть Йиржи Геллером, – сообщил мне мужчина, сидящий возле окна. – Поедете с нами на конференцию!

– Не выдумывайте, – отмахнулся я.

– А что вас беспокоит? – удивился мужчина. – Йиржи Геллер довольно состоятельный персонаж, имеющий, кстати, и жену, и любовницу. Обе они здесь присутствуют, что в штанах, что без... А эти двое, – он указал на женщину с журналом и другого мужчину, – сочиняют про Йиржи Геллера всякие гадости...

– Однажды Йиржи Геллер, – откликнулся другой мужчина, – решил известить редактора еженедельной газеты. Достал где-то ртути и подсыпал ему в факсимильный аппарат. Ртуть стала интенсивно испаряться, а редактор был вынужден пойти домой и лечь спать. Поэтому вместо еженедельной газета стала ежемесячной. Отсюда

возникла страшная экономия бумаги, и Чешская Республика принялась ее экспортировать...

– А раньше? – зачем-то спросил я, находясь ближе к прострации, чем когда-либо.

– А раньше Я была Йиржи Геллером, – заявила дамочка с журналом. – Только неудачно. Из-за того, что думала за Йиржи Геллера левыми полушариями головного мозга, поскольку какой-то дурак сказал, что женщины думают исключительно левыми полушариями...

– До свидания! – сказал я. – Желаю всем крепкого здоровья и долгих лет жизни!

Я приподнял с тридцать шестого места свою задницу, но вскоре был вынужден опустить ее обратно, чтобы не путешествовать в позе прыгуна с трамплина.

– Постойте, – улыбнулся мужчина, сидящий возле окна, – я вам сейчас расскажу один сюжет...

Допустим, что существует роман анонимного автора. По непонятной причине этот автор не идет на контакт с издательством, а его интересы представляет местное отделение известной адвокатской конторы «Брокофф и Браунн». Естественно, что никакими уловками не выведать у законников подлинное имя автора, который скрывается под псевдонимом «Йиржи Геллер». Ну, да и бог с ним, главное, что роман интересен издательству, а отношения с автором скреплены договором, где под пунктом «двадцать восемь» записано, что издательство оставляет за собой исключительное право, скажем, на образ автора и несет соответствующие расходы по воссозданию этого образа. То есть, по существующему договору, образ автора – автору не принадлежит. Изложенная юридическим языком, ситуация выглядит вдвойне абсурдно и втройне комично, однако издательство имеет определенный план по продвижению своего товара на книжном рынке, иначе говоря, романа Йиржи Геллера... Теперь для начала рекламной кампании издательству требуется тело автора с лицом, которое надо поместить на обложку романа. Трубка, шляпа и дебильное выражение как образ интеллектуального писателя – уже не котируются, приглашать актера тоже не стоит, ибо он ляпнет что-нибудь не по тексту в частной беседе. И лучше всего подыскать придурка из творческой интеллигенции, которыми являются филологические работники разных жанров – критики и примкнувшие к ним литераторы. Приняв такое решение,

члены редакционной коллегии этого издательства садятся на поезд «Брно—Прага», чтобы ехать на ежегодную книжную ярмарку, где обильно представлены все филологические партии, рассчитывая подобрать что-нибудь для образа Йиржи Геллера из «секонд-хенда»...

И тут мы замечаем, – продолжил мужчина, – что к нам в купе, задом наперед, ломится новое литературное лицо, еще не надеванное и неизвестное широкой общественности...

– А как вы догадались, что это задняя часть литератора? – удивился я.

– По некоторым характерным потертостям, – пояснил мужчина. – Ведь вы сотрудник журнала «Желтая лихорадка»? Что, собственно говоря, не название, а общее направление мысли.

Дамочка с иллюстрированным журналом несколько раз кивнула, свидетельствуя, что именно она застучала меня на месте филологического преступления... А я поспешил отбрехаться:

– Ну и что?

– Еще ничего, – снова улыбнулся мужчина, сидящий возле окна. – А вот теперь слушай меня внимательно, – он стремительно перешел со мной на «ты». – Мы предлагаем тебе стать Йиржи Геллером на полном редакционном обеспечении.

– То есть? – попросил расшифровать я. – И прекратите ухмыляться, как будто ваши планы выше моего понимания.

– А разве писатель не сущее дитя в делах коммерции? – удивился этот мужчина.

– Несущее дитя, несущее дитя! – раскудаhtалась дама в брючном костюме. – Один геллер – штучка, за пару крон – кучка!

Мужчина посмотрел на нее внимательно, и дама запрятала свои каламбуры куда подальше, в брючный костюм, наверное.

– Мы снимем тебе хорошую квартиру, – связно излагал мужчина, – дадим приличный оклад, купим шикарный автомобиль и предоставим жену и любовницу...

– А это еще зачем? – возмутился я, недружелюбно поглядывая на даму в брючном костюме и на даму в чулочных изделиях. – У меня и свои есть.

«Жена» и «любовница» отреагировали на мое заявление следующим образом – никак. Только посмотрели в окно и друг на друга. Зато мужчина выразил свое неудовольствие по поводу моей

строптивости. Как кандидату на образ Йиржи Геллера. И этот образ, который не брезгует всем подряд, начинал меня беспокоить...

– Он некрофил? – задал я прямой вопрос.

– Нет.

– Он педераст?

– Нет.

– Он автолюбитель?

– Нет.

– А ты кто такой? – тогда поинтересовался я у мужчины, потому что не люблю, когда со мною на «ты» люди, не представляющие – какое я дерьмо на самом деле.

– Я коммерческий директор издательства, – отрекомендовался мужчина. – И зовут меня Густав Шкрета. Сводный брат Йиржи Геллера из Тюрингии, – добавил он. – Знаете холостяцкие пирушки и песни под аккордеон?!

Фрой-ляйн и фра-у, не крутите по-пой!..

Его тут же поддержал второй мужчина и мерзким образом заорал:

Фрой-ляйн и фра-у! Розы и тюльпаны!..

– В молодости, – пояснила дамочка, то и дело сверяясь с иллюстрированным журналом, – Йиржи Геллер играл в музыкальном ансамбле на ударной установке. Однажды, когда в моде были длинные волосы, Йиржи Геллер, гастролируя с ансамблем, попер со сцены бархатный занавес, чтобы сшить из него брюки-клеш – себе и своей подруге...

– Янка, – представилась дама в чулках. – Школьная подруга Йиржи Геллера.

– Уж очень молодо выглядите для тех незапамятных лет, – придрался я. – И юбка у вас слишком короткая.

Янка одернула юбку и пояснила:

– Я подруга-воспоминание. Как Твигги. А ты старый лицемерный пердун, потому что в годы твоей юности юбки были еще короче.

Да кто же их тогда измерял? Правда, была у нас учительница геометрии, видимо извращенка, которая заставляла девушек чертить на доске мелом. «Выше! – орала она, размахивая указкой, как садомазохист. – Еще выше!» Девушки вставали на цыпочки, тянулись к верхнему краю доски, юбки задирались, и классу видны были трусики. Такими методами эта учительница геометрии боролась за приличную длину юбок.

– Забросив игру на музыкальных инструментах, – поведала дамочка с иллюстрированным журналом, – Йиржи Геллер стал сочинять юмористические рассказы. Однажды его видели в литературном объединении «Паровоз», как молодого писателя-железнодорожника. И дважды – в союзе «Кондитер», как юмориста-пищевика. Но никакое из ранних произведений Йиржи Геллера не было опубликовано, и в первый раз он женился в возрасте двадцати четырех лет...

– Анита, – представилась дама в брючном костюме. – Первая, третья и пятая жена Йиржи Геллера.

«Все ясно, – подумал я. – Алекто, Мегера и Тисифона в одном лице». Но на всякий случай поинтересовался:

– А почему у Йиржи Геллера было столько жен и все эринии?

– Так исторически сложился творческий путь писателя, – пояснил мне коммерческий директор издательства. – Ты будешь и дальше зубоскалить или отнесешься к нашему предложению серьезно?

Ничего серьезнее мартышек, разыскивающих друг у друга блох, я не наблюдал. В жизни. Зато в общепринятой литературе считается, что если методично пережевывать банальные истины – это философия. Особенными любителями повыковыривать насекомых слывут прозаики восточноевропейских стран. От этого процесса они впадают в литературный транс. Лицемерно воспитанные как проводники идей, они замыкают все на себя да на свое особое предназначение. А на самом-то деле их предназначение – веселить почтеннейшую публику, которая заплатила деньги за представление, а не за лекцию о международном положении писателей восточноевропейских стран.

– Ну, и как тебе наш сюжет? – осторожно спросил Густав Шкрета.

– Согласен, – ответил я. – И теперь у вас есть идея! Образ, Писатель и его Подобие. Евангелие об Йиржи Геллере.

С пивом по Праге «Крушовице», «Пльзеньский праздрой», «Велкопоповицкий козел»

Кому: Александру <box12576@yahoo.co.uk>

Тема: «А не испить ли нам кофейку?» – спросила баронесса.

Сообщение:

Как только я вернулся домой и распаковал чемоданы, один известный гляцевый журнал заказал мне эссе на тему «Простаки за границей». Я предложил им рассказ про древние Помпеи, но они отказались, говоря, что в настоящее время их больше интересует Прага. Потому что для древних Помпей в настоящее время нет солидного рекламодателя. Тогда я порылся в кладовке и обнаружил замшелую рукопись про пиво и Злату Прагу. Стряхнул с нее пыль и отослал в гляцевый журнал. И что ты думаешь?! Взяли и хорошо заплатили! Сейчас пью пиво, закусываю и прикидываю – куда бы еще поместить свою Прагу? Может быть, в новый роман, который теперь называется «Обед в потемках»?!. Где наша не пропала! А рукопись, проданная дважды, только внушает уважение к автору!

Первый закон простокваши гласит: если тебе суждено скиснуть, то тебе не суждено забродить. И если серьезно рассматривать эту кисломолочную мудрость, то можно целую вечность просидеть на кухне, наблюдая за процессом ферментации. А лучше – купить туристическую путевку и укатить в Прагу, чтобы лично освоить процесс «брожения». Поскольку второй закон простокваши утверждает, что интереснее побродить самому, чем слушать, как булькают другие...

Осмелюсь предположить, что вначале Бог создал пиво, черт изобрел кружку, а древние чехи построили Прагу, где все замечательным образом соединилось. То есть, глядя на пражское пивное изобилие, можно с уверенностью сказать: «Бог с нами!» А пересчитывая кружки – выбрать пешеходный маршрут себе по вкусу. Ибо, как сказано в древней пивной молитве: «Все тленно и бренно, и только жажда моя неизменна!»

Начнем со Староместской площади... Напротив ратуши есть прелестный кабачок, откуда удобно наблюдать за астрономическими часами. Вообще-то, пялиться на пространство и время – старинная славянская развлекуха, но в данном случае – часы на ратуше механические, а не образные. Каждый час фигурка старушки-смерти звонит в колокольчик, напоминая, что ты забыл заказать себе очередную кружку пива. А над главным циферблатом открываются окошки, и появляется процессия апостолов, как бы намекая, что все религиозные конфессии положительно относятся к этому напитку. И когда кукарекает петушок, туристы расползаются по Праге в поисках новых питейных развлечений... Очень поучительные часики, созданные в начале XV века!

По Староместской площади раскиданы сувенирные лавки. Здесь надо поторговаться, поглазеть и поморгать на товары народного творчества, но ни в коем случае не брать в руки, поскольку нечем будет поддерживать стаканчик глинтвейна. Этими стаканчиками в зимнее время подогрывается всякая туристическая тропа в Праге.

Между пивом «Гамбринус» на левом берегу Влтавы и «Велкопоповицким козлом» на правом установлена крепкая связь в виде Карлова моста. Для удобства «простаков за границей» этот мост сугубо пешеходный. Но если вы следуете по маршруту в сопровождении дамы, то возможны всяческие отклонения. По причине множества ювелирных магазинов, возникающих на пути. А также посудных лавок и меховых бутиков. Особенно их расплодилось в районе Вацлавской площади – предупреждаем сразу. Надо обладать крепкими нервами и твердым мужским характером, посещая эти женские ювелирные вертепы и хрустальные содомы. Поскольку от ассортимента и качества любая ваша дама теряет человеческое обличье и превращается в эпидемию. Ибо страсть к драгоценным украшениям и люстрам дремлет во всякой даме, как желтая лихорадка

в недрах Африки. Поэтому, мужчины, остерегайтесь Вацлавской площади! А специально для дам сообщаем, что страсть торжествует над разумом в девяносто девяти случаях. И только редкий урод не даст вам денег на люстру!

Лучше всего посещать Прагу в канун Рождества, когда каждая дегустация оправдана предстоящими праздниками. Но главная прелесть потребления пивных продуктов для путешественника – в периодическом проветривании... Обычно в чешской пивнице доминирует определенный сорт пива: попробовал – и перемещайся в соседнее заведение, сравнил – и топай себе дальше. Ассортименту пива соответствует количество заведений, а сколько в Праге пивниц – одному богу известно! И только русские туристы слегка разочарованы – им негде постучать по столу дохлой рыбой. Потому что пиво в Праге принято пить с кнедликками, а кнедлики не стучат – они колобки из теста. И здесь нестыковочка чешской кухни с готическим стилем в чешской архитектуре. Поскольку округлые формы кнедликов никак не сочетаются с собором Святого Вита, что в общем-то не одно и то же, а просто – литературные фантазии...

Предпраздничный шопинг лучше делать подальше от центра. Надо встать рано утром и двигаться прочь от гостиницы в любом направлении. Покуда выпитое по дороге пиво тебе не скамандует: «Стоп, машина!» Тогда можно зайти в артистическую лавку и закупить всяческой дребедени, на которую в обыкновенных магазинах попросту не обращаешь внимания. Ну и конечно, ваз из богемского стекла – что русских матрешек: стрелять не перестрелять! Эти сосуды наступают со всех прилавков, как пятая колонна. «Вас ис дас?!» А также сервизы различной емкости и туманного предназначения... Из понятных предметов есть только пивные кружки с забавными карикатурами на холостяцкую жизнь. Их в три раза больше, чем где бы то ни было! То ли холостяцкая жизнь в Праге полнее и разнообразнее, то ли – не знаем что...

Р. S. Вклад чешской пивницы в мировую культуру привычно измеряется «швейками». Ну например, Славомир Мрожек – это пять «швейков», а Лев Толстой – один! По легенде, которую предлагают туристам, Швейк вместе с Гашеком заживал в пивное заведение «У чаши». И теперь здесь собираются поклонники «Похождений бравого солдата» со всего мира. Можно сказать, что Прага – это пивная Мекка,

но промолчим. Поскольку наш рассказ о Праге – всего лишь специфическое мнение глянцевого журнала. А Прага – понятие неисчерпаемое, особенно холостяцкими кружками...

Писатель

Прага. Пивница «У старого Эдгара»

Этот литератор был завален работой <...> но находил время писать о последних днях людей, убитых или сосланных Нероном, и уже закончил три книги, основательные, правдивые, по стилю среднее между историей и речью. Изданные книги читали и перечитывали, и он тем более хотел дописать остальные. <Однажды> ему приснилось, что он в ночной тиши лежит в своей постели в позе занимающегося человека, а перед ним, как обычно, стоит ящик со свитками; вдруг, представилось ему, вошел Нерон, уселся на ложе, вынул первую, уже опубликованную книгу о своих преступлениях, дочитал ее до самого конца, то же самое сделал со второй и третьей, а затем ушел. <Литератор> в страхе истолковал это так: писание его закончится на той же книге, на которой и чтение Нерона. Это и сбылось...

Плиний Младший. Письма. Книга V

У меня отсутствует дар предвидения... Что будет, когда выпьешь джина «Гринолз» более четырехсот граммов? Без содовой. Я никогда не могу этого предположить. Будет что будет. Наверное, полное отравление организма угарными газами... Впрочем, откуда им взяться, если я употребляю джин? Без содовой. Бьюсь об заклад, что все-таки будет похмелье. Ставки принимаются по месту жительства – один к тридцати. Или один к двадцати восьми. В общем, в зависимости от текущего месяца и високосного года. Поскольку время от времени похмелья не наблюдается. Я открываю глаза, просыпаюсь и думаю – а где же угнетенное состояние души и тела? И предполагаю, что либо души и тела у меня нет, либо накануне я мало употреблял спиртные

напитки. Свинячил и безобразничал. Разбавлял благородный продукт содовой и плевался кусочками льда.

Шутка. Потому что в баре у меня есть персональный дозиметр по имени Жан. Такой черный кучерявый дозиметр из веселых ребят-африканцев.

– Жан, – говорю я, попыхивая сигарой. – Жан, ты расист.

– Неть, – улыбается Жан-бармен, протирая стаканы.

Тогда я предлагаю Жану пройти тест на лояльное отношение к белым людям.

– Налей-ка мне еще джина, – требую я, опасно раскачиваясь на стуле.

– Неть, – повторяется Жан, пододвигая ко мне третью пепельницу, ибо никак не может угадать – в какую сторону я буду стряхивать пепел в следующий момент.

– Жан, – возмущаюсь я, – твой дедушка масса Том угнетал Бичер-Стоу. Из-за какой-то поганой хижины.

– Неть, – отрецивается Жан от творческих мук американской писательницы. – Мой дедушка жил в респектабельной квартире. Это я живу в поганой хижине, за которую все время повышают арендную плату.

После чего я лихо десантируюсь со стула и направляюсь к выходу.

– Ты куда? – удивляется Жан и требует, чтобы я водрузил свою задницу обратно. – Мне же не жалко! Ну, хочешь, я тебе содовой налью, за счет заведения?

– Неть, – я передразниваю Жана и лавирую прочь из бара, как пьяная бригантина в штормовую погоду.

Вот. А далее нужно иметь предвидение, чтобы дойти до дома. Потому что возможны всякие отклонения, в зависимости от того – куда джин ударит. В голову или ниже пояса. Если ниже пояса, то мне от бара – направо. К Еве. А если в голову – то мне неизвестно куда.

В тот вечер предательский джин подло нанес мне боковой удар в челюсть. Я вышел из бара, проголосовал за Генри Форда, остановилась машина, я устроился на переднем сиденье, пробурчал чей-то адрес и, аки ягненок, заснул, даже не посмотрев на водителя. Если и было у меня предвидение, то очень недалекое. Что если машину начнет болтать, то меня непременно выт... А дальше – ничего не помню.

Очнулся я на постели со слониками. «Хорошо, что не с чертиками», – подумал я и пять минут наблюдал, как разбегаются от моей головы эти слоники по простыне. Потом поскрипел «у-у-у» и поднялся, то есть принял исходное положение для ходьбы на полусогнутых. Еще подумал, что земное притяжение теперь полностью сконцентрировалось на мне и остальные люди, должно быть, летают, словно ангелы. Чертовы слоники между тем свободно перемещались по всему постельному белью – как им заблагорассудится. По подушке – на водопой, по одеялу – в саванну. И если Ева приобрела такой веселенький комплект, то только с целью, чтобы я бросил выпивать. Однако смутные подозрения и отсутствие Евы на другой половине постели побудили меня отвлечься от слоников и оглядеться.

Первое, что прыгнуло мне в глаза, – это компьютерный монитор на письменном столе. Второе – что никак невозможно определить время суток. Отдернуть шторы, поглядеть в окно и прослезиться от вида черепичных крыш. Привычных с детства. Поскольку ни штор, ни тем более окна в комнате не наблюдалось. Двухспальная кровать, письменный стол. Телевизор. Холодильник, книжный стеллаж. Принтер, монитор, компьютер. Вдобавок – зеркало на комодике, с отвратительной физиономией. И можно было не сомневаться, что только физиономия в зеркале принадлежала мне, а все остальное было награблено в пьяном угаре минувшей ночью. Другие варианты отвергались как полностью необъяснимые.

Для начала я обследовал холодильник как наиболее подозрительный агрегат в этой комнате. Но пива в банках, в бутылках, в бочках там не обнаружил, а только минеральную воду и упаковку быстрорастворимого аспирина. Со скрипом проглотил две таблетки и стал запивать минеральной водой, чувствуя, как с каждым глотком мне становится все лучше и лучше, покуда не стало уж совсем хорошо. Тогда я пришел к выводу, что аспирин во мне окончательно растворился. Далее следовало разобраться с помещением и выйти наружу. И если я не бронебойный снаряд, то для этого мероприятия мне требовалась дверь со всякими спецэффектами. Она должна открываться вовнутрь или наружу, но только не быть нарисованной на стене с поразительным реализмом.

И я нашел даже две двери. Одна, массивная, не поддавалась, другая привела меня в туалет, которым я незамедлительно воспользовался. Рядом была душевая кабина, однако до выяснения некоторых обстоятельств я эту кабину проигнорировал. Показал самому себе, как легко открывается и закрывается дверь в туалетную комнату, чтобы проделать все то же самое со второй дверью, и снова, обескураженный, отступил. Выхода из помещения, можно сказать, не было. Оставалось только догадываться – как я сюда попал.

Преимущество дедуктивного метода зиждется на поголовном истреблении фактов. С первым из них я разобрался быстро – треснул как следует, и он окочурился. Этот убиенный факт выразался в следующем: я находился в замкнутом пространстве со сливом. И только в виде субстрата мог преспокойно покинуть помещение через универсальный таз. Факт второй долго сопротивлялся и хрипел: «Эй, кто-нибудь! Выпустите меня отсюда!» Но был жестоко задушен возле массивной двери, потому что – ори не ори, стучи не стучи, а все равно никто не отзывается. Факт номер три я скомкал и спустил в унитаз, поскольку не разобрался – какие симптомы указывают на белую горячку, а какие нет. Остальные факты поставил к стенке и расстрелял без аргументов.

Надо сказать, что в сомнительных ситуациях я смотрю телевизор. Приглашаю девушку на политинформацию, усаживаю в кресло и начинаю трепать ей нервы. В смысле перещелкивать каналы со скоростью двадцать четыре кадра в секунду. EuroSport – MTV, EuroSport – MTV, EuroSport – MTV, покуда не добрусь до EuroNews. А как только там заговорят про котировку акций на Лондонской бирже, я сразу же переключаюсь на порнушку. Если девушка не заметила такого плавного перехода, то смотрим дальше и проникаем в суть проблемы. А если заметила, то можно сказать: «Ой!» Мол, нажал на не ту кнопку. Перещелкнуть обратно, подождать, пока новости закончатся, и проводить эту девушку домой. Может, она будущий брокер, а я тут лезу к ней под юбку...

Конечно, бывают отклонения. Например, одна девушка, как только увидела немецкую порнушку, стала хохотать до икоты, как будто ей показали мультфильм про двух извращенцев – Тома и Джерри. От такого переключения она совершенно дезориентировалась, и, когда я расстегнул на ней кофточку, девушка

принялась ржать, да так громко, что соседи, вероятно, подумали, что я пригласил к себе целый кавалерийский полк и принуждаю его к сексу. «Йа, йа – натюрлихь!» – все время повторяла девушка, сотрясалась от хохота и никак не могла запомнить курс кроны по отношению к немецкой марке. То есть я мог воспользоваться ее беспомощным состоянием, но это же цирк с клоунами, а не секс. А в другом неприглядном случае девушка совершенно разделась еще на просмотре программы новостей. И, пока я настраивался на прелюдию, – снова оделась. В полной экипировке для верховой езды эта энергичная девушка выпила чашку кофе и вышла за дверь. После чего мне рассказывали, что по дороге домой она обуздала трех таксистов – наверное, кофе был натуральный, бразильский. Во всяком случае, с тех пор никакие такси у нашего дома не останавливаются.

Встречались, конечно, и подлинные ценительницы порнографического искусства, которые погружались в детали и совершенно игнорировали сам сюжет. «Посмотри, какие на ней чулочки! – говорили они. – А какой хороший парик!» Мне, например, не пришло бы в голову оценивать маникюр, педикюр и мелирование у героини фильма, что в данный момент занимается любовью с тремя преподавателями исторического факультета. При виде такого экзаменационного процесса меня обычно интересует, как стать доцентом. И что исторического почитать для достижения докторской степени. А туфли, в которых пришла героиня фильма для сдачи выпускных экзаменов, меня не возбуждают...

Порнография, или Крайний цинизм в изображении половых отношений

Во времена весеннего маразма, когда девушки становятся особенно хороши, всем холостякам рекомендуется использовать противозачаточные средства в целях незарождения семьи.

Смена Пражского караула (порнография первая)

Открывается записная книжка, и назначается randevu десяти «гелфренддам», ну например – на углу улиц Кшижикова и Крыжикова. Количество «гелфрендов» ничем не ограничено, главное – чтобы они друг дружку не знали...

С опозданием на двадцать минут подруливаем на такси, останавливаемся на почтительном расстоянии и кричим, не покидая машины, что-нибудь безобразное. Ну например: «Дорогая! Я туточки!» Или: «Пупсик! Иди сюда!» Только не надо обращаться по имени, и тогда десять «гелфрендов», как по команде, направляются к вашей машине. А дальше все зависит от степени сообразительности этих «пупсиков». Самые тупые могут дойти до такси и повредить вам жизненно важные органы. Но обычно «гелфренды» все-таки тормозят на полпути, размахивают сумочками и жутко ругаются из чувства женской солидарности. Зрелище – не для слабонервных!

В этот благоприятный момент надо немедленно отъезжать, ибо другого случая может не представиться. А домашний телефон желательно отключить, скажем – на месяц, чтобы не засорять свой слух женскими угрозами и выражениями... В итоге – полгода гарантии от посещения костела под руку с дамой в белом.

Если неосторожный холостяк все-таки «запал на даму», то есть «подорвался на блондинке», надо помнить, что, в отличие от сапера, веселый холостяк может ошибаться сколько угодно раз.

Русский синдром Анны Карениной (порнография вторая)

Время от времени разум женщины зависает, как сумерки над джунглями. Дама грезит о бурном романе с паровозом, как холостяк думает в летнюю ночь о пиве с кнедликами. Однако, вместо того чтобы выпить чего-нибудь прохладительного, дама ищет себе применения и мечтает упасть на рельсы, словно Анна Каренина в одноименном фильме. Ну на худой конец, она хочет найти Льва Толстого и слиться с ним в литературном экстазе.

В этот благоприятный момент надо подкрасться к даме и добить ее уникальной фразой, типа – «Гений принадлежит нации, а не отдельной представительнице женского пола!» Ваша дама будет дезориентирована! Она вернется на кухню и будет варить русский «борсч» а-ля Софья Андреевна, куда не увидит, что в слове «длинношеее» вы делаете четыре орфографические ошибки... Тут она соберет чемоданы, хлопнет дверью и свалит из «Ясной Поляны», а вы преспокойно можете пить свое пиво – хоть днем, хоть ночью!

Как утверждают эзотерические академики: «Мысль материальна!..» «Но лучше облечь ее в денежные знаки!» – полагают блондинки, брюнетки и прочие пего-рыженькие дамы.

Пивная интерференция (порнография третья)

Если в вашем имуществе все-таки завелась дама, то выгодней бросить имущество и сделать ноги. Поскольку дама начинает наворачивать ваше имущество на себя, как ежик газету «Руде право». Из личного опыта можно заметить, что блондинки наворачивают быстрее брюнеток, сливаясь со светлоберезовым паркетом...

В этот благоприятный момент рекомендуется сдать пивные бутылки в ближайший пункт стеклотары. А на вырученные деньги отправить свою даму отдохнуть на Багамы. Если она вернется – снова сдать бутылки. Если не вернется – значит, выпитое накануне пиво дало оптическую иллюзию и это была не дама. В любом случае пару месяцев можно провести с комфортом, ни о чем особенно не беспокоясь...

* * *

Чтобы скоротать время в ожидании неизвестно чего, я развернул к себе телевизор и стал переключаться с одного канала на другой... Но везде шла прямая трансляция – как в Антарктиде падает снег. Или метет метель на Северном полюсе. Сквозь поганые метеоусловия я дважды сумел разглядеть, как белый медведь гуляет по льдине, а императорский пингвин жрет рыбу. Похоже, что я напоролся на тесты Роршаха для шизофреников-эскимосов...

Традиционная «картинка» появилась внезапно, и тоже – одна для всех телевизионных каналов. Некая дама готовила завтрак и напевала известную песенку «Битлз» про «йеллоу сабмарин». Обыкновенное «Ти-Ви-Скво», для домохозяек – как правильно заготовить гренки на зиму. Подобными передачами успешно пытаются закоренелых холостяков. Есть еще популярное «Ведьма-шоу», для продвинутых эмансипе – как испортить человеку жизнь и улететь от него на швабре. Так вот, я считаю, что Эф-би-ай должно уделять больше внимания этим террористическим организациям. Потому что неожиданно дамочка посмотрела прямо в камеру и заявила:

– Ха. Ха. Ха. Сейчас вас посетит – Фан-то-мас!

И покуда я лихорадочно соображал – откуда именно ждать неприятностей, в массивной двери открылась кормушка, и в комнату пропихнули поднос, сервированный для завтрака. Точно так же меняют грязный поддон в клетке у канарейки. Я не скажу, что такая неожиданность спровоцировала у меня «птичью болезнь», ибо с похмелья все кажется неожиданным, но какие-то нервные спазмы – были. Опомившись, я преодолел расстояние от телевизора до кормушки со скоростью ошпаренного кота, да только она захлопнулась прежде, чем я расквасил об нее нос.

Итак, последняя надежда, что меня случайно расквартировали в сумасшедшем доме – улетучилась. И оставалось только уповать на щадящий режим содержания. Мысли о киднепинге я отбросил как сомнительные. Во-первых, и тридцать-то лет назад похищать меня с целью выкупа было бы опрометчиво! А в нынешнем возрасте, да с невозможным характером – я и подавно никому не нужен! Кто согласится за меня платить, чтобы лишний раз увидеть?! На тюремную камеру, даже в Швейцарии, эта комната не походила. К тому же ничего криминального я не совершал и, помня о никчемности своего существования, переходил дорогу только на зеленый свет, чтобы все конструктивное человечество двигалось беспрепятственно по пути своего прогресса. Это же подлинное безобразие – останавливаться и соскребать меня с бампера! Для медицинских опытов я тоже не годился – нельзя соблюсти чистоту эксперимента на полудохлой собаке. И скорее всего, кому-то пришла в голову блестящая идея – изолировать меня от общества для улучшения статистики.

Размышляя подобным образом, я вернулся назад к интерактивному телевизору и попытался завязать с ним диалог:

– Выпусти меня отсюда!

Но даже краткой беседы не получилось, потому что дамочка прикурила сигарету, бросила на кухонный столик зажигалку и стала молча пускать дым.

– Открой дверь! – пояснил я.

Но она смотрела на меня с экрана как учительница на двоечника. Жена на мужа, мать на сына, сестра на крокодила... Словом, как смотрят все женщины на мужчин. Как на дитя неразумное в мире высоких технологий. И если перейти на язык программирования, то

окажется в издательстве, да на столе у главного редактора, который будет хлопать в ладоши и восторгаться: «Ну, ё-моё! Откуда берутся такие талантливые авторы?! Неужто сами рождаются?! Немедленно – в свет, в печать, в читателя!» Уже на следующей неделе мне выплатят баснословный гонорар, и можно будет «спрыснуть» это событие...

Хороший писатель – мертвый писатель, то есть классик. Потому что он не вредит окружающим своими сексуальными порывами. Не интригует с дамами, не декламирует своих произведений, не катается на такси в пьяном виде по Праге. Отчего женщины зазря не беременеют, собаки не лают, а салоны такси не пахнут ипподромом. Можно сказать, литературный процесс приостанавливается в момент перехода современного писателя в загробный мир, и читатели на какое-то время приобретают здоровый цвет лица. Ведь больше не надо вчитываться по ночам и разбираться – какая именно мысль давила этому автору на гипофиз.

Хуже обстоят дела у ныне здравствующих писателей. Они просто вынуждены скандалить в общественных местах, привлекая к себе внимание, нецензурно выражаться и кататься на такси в пьяном виде по Праге. Иначе они не будут соответствовать своим произведениям. Образ писателя как труженика пера и шланга чернил на современном этапе никому не нужен. Личность должна заслонять книгу, слон – страуса, а для жены хватит и фразы «Я пришел подарить вам новую литературу», чтобы она не спрашивала – откуда ты приперся в четыре часа утра. Кому интересно читать романы примерного мужа и приблизительного семьянина?! Жизнь настоящего писателя должна быть положена на алтарь литературы, где можно пожертвовать головой. Поскольку эта злокачественная опухоль только усложняет современный литературный процесс.

Есть еще странные литературные наклонности – критика и уайеризм. Одни объясняют читателю, как ему следует переворачивать странички, другие возбуждаются при виде критиков. Честно сказать, я сдержанно отношусь к подобным извращениям. Только когда вижу хорошенькую критикессу, меня подмывает ущипнуть ее за попку...

– Ты понимаешь, пупсик, – втолковывал я очередной девице, – ты понимаешь всю тщетность наших телодвижений и оборота мыслей? Телодвижения мы бесцельно совершаем каждую ночь, а мысли возвращаются, как бумеранг, только в искаженном виде. На пятую

главу моего романа надели презерватив, и поэтому никак не может родиться шестая.

– Стерильно!!! – соглашалась со мною девица, с придыханием.

– Вдобавок, – настаивал я, – какое мне дело до массового читателя! Как он, интересно узнать, выглядит? Чудовище с огнедышащей пастью, хвостом дракона и туловищем козы?! Это химера!

– Кошмар!!! – соглашалась со мною девица.

Если доброе дело намечается поздно ночью, то утром оно заканчивается тяжелым похмельем. От переизбытка благих намерений. И если бы не девицы, глоток-другой джина «Гринолз» мог бы скрашивать мои пробуждения. Однако проклятые вертихвостки, как правило, выпивали весь джин без остатка...

Итак, в апогее алкогольной зависимости я встал с дивана, что напротив кинотеатра «Весна», и отправился в поход за джином. На улице было слякотно, отчего я моментально поскользнулся на тротуаре, но вовремя ухватился за ближайший фонарный столб. Мне требовалось перейти на другую сторону улицы, чтобы попасть в винную лавку по соседству с кинотеатром. Возле него спокойно обменивались новостями двое полицейских, но, заметив меня в подвешенном состоянии на фонарном столбе, уставились, как на летающую тарелку. Я сделал вид, что просто так отдыхаю. Сейчас отдохну и пойду себе дальше. Даже включил «поворотники» и просигналил, что скоро, мол, отъезжаю. Чем вызвал непредумышленную остановку автомобильного транспорта.

– Что случилось?! – спросила некая дама.

Ее «жук-фольксваген» притормозил возле меня.

– Ничего не случилось, – ответил я, забираясь в машину. – Но могут быть варианты.

Не знаю, как дама это восприняла, а полицейские – как исчезновение трупа с места событий. И может быть, нехорошо так рассуждать о представителях власти, но выглядели они мудаковато. Глядя, как я отъезжаю на обыкновенной машине, с приличной дамой, без полицейской сирены.

Сперва – об автомобиле...

У меня никогда не было автомобиля. «Сааба», «форда», «порше», «мерседеса», «феррари», «фольксвагена», «татры». Даже во сне. То

есть мое подсознание начисто лишено автомобильных покрышек. Мне не хочется иметь красную «ламборджинию» в черных шипованных фантазиях. Если доктору Фрейду покажется это странным – я готов залезть под первую попавшуюся мне машину и простонать от оргазма часа четыре.

Теперь – о даме...

По поводу женщин у меня три беды: я не помню – как они выглядят, я не помню – как их зовут, и знать не хочу – от кого они забеременели. Потому что это меня расстраивает. Допустим, в четыре часа утра к вам в гости врывается сильно беременная брюнетка и заявляет, что ее зовут Матильдой. Я считаю, что это лишняя информация. Вдобавок от подобного визита можно описать – на всю оставшуюся жизнь.

Далее – об очках...

Я раздавил их, когда забрался к даме в автомобиль. Уселся на переднее сиденье и почувствовал, как подо мною что-то хрустнуло. Вначале подумал, что это радикулит, потом решил, что не бывает радикулита в оправе. Сохраняя врачебную этику, я передал исковерканные очки даме, а про собственные болезни не сказал ни слова.

И наконец – о пневматическом пистолете...

Им я пугал обнаглевших от страсти голубей. Пернатые парочки облюбовали мой подоконник для откровенного разврата. Во время совокупления скребли когтями по жести, горланили лебединые песни, сотрясали оконную раму и хлопали крыльями, аки орлы. Мне приходилось вскакивать и палить из пистолета в воздух. Что только усиливало голубиную страсть к моему подоконнику. Видимо, их возбуждал птичий секс в экстремальных условиях.

Совмещая эти четыре факта, я понял, что вляпался в детективную историю... [9]

Моей «истории» на вид было лет двадцать пять, а на самом деле – тридцать. В женских глазах копятя фотоснимки, а после определенного возраста – проявляются. И только по количеству отщелканных кадров можно определить возраст женщины. Она, как опытный фотохудожник, может на глаз установить расстояние до «объекта», оценить перспективу, выбрать нужный ракурс и «снять» его

до прихода жены. А на данный момент повествования я был свободен, ну если женат, то не очень...

– Так, так, так, – сказала дамочка, наводя резкость, чтобы я хорошо получился на переднем плане. – Что мы имеем?

Мы имели несвежего мужчину сорока лет с мозгами шестимесячного бабуина. Это было ясно любому фото-аппарату. Дамочка между тем отъехала на квартал и припарковалась у ближайшего фонарного столба, чтобы я не чувствовал себя одиноко.

– Незнакомая местность, – беспокойно констатировал я, поскольку меня редко выпускают за пределы своего квартала разные питейные обстоятельства.

Сейчас уже можно признаться, что второе пришествие Сальвадора Дали предотвратили мои родители. Когда в пятилетнем возрасте я нарисовал лошадку, потрясенные мама и папа отобрали у меня цветные карандаши, дабы я с детства не загремел в психиатрическую больницу. То есть реинкарнация в полном объеме не состоялась. А душа несчастного Сальвадора Дали отлетела обратно в смиренной рубашке. Это к тому, что сейчас я машинально попытался изобразить бутылку – пальцем на ветровом стекле автомобиля. Получилась – лошадка.

Наверное, дамочку звали Галá в нынешней реинкарнации, потому что она вздохнула, мол, «как хорошо я знаю своего Сальвадора», открыла «бардачок для перчаток» и вытащила оттуда бутылку джина «Гринолз».

«Телепатия и телепортация спиртных напитков крепостью свыше сорока градусов!» – подумал я, хотя такие способности давненько у меня не проявлялись...

Первым делом я отвинтил крышечку и понюхал содержимое бутылки – на тот случай, если дама решила, что я инопланетянин и употребляю тормозную жидкость. Пришел к выводу, что телепортация прошла успешно, и сделал пару глотков.

– Ты меня совсем не узнаешь?! – спросила дама.

Я пожал плечами, от комментариев воздержался, а просто ответил:

– Джин как джин.

На самом же деле я всегда подозревал, что постоянно сталкиваюсь с одной и той же дамой. Только она поразительным образом

гримируется и называется разными именами. Анна, Донна и так далее... Каждый раз, проверяя женскую конструкцию на совместимость, я обнаруживал только небольшую модификацию. Основное устройство функционировало типично для этой серии и, если надавить на носик – ругалось. А если взять за колено – хихикало.

Однако женщины сталкиваются с аналогичными проблемами... Один подлец стал захаживать к незамужней даме со своей колбаской. И здесь речи нет об аллегории, а только о докторской колбасе. Приходил подлец ранним вечером, ставил на стол бутылку дешевого вина, распаковывал снедь, отчекрживал ровно два ломтика – по три миллиметра каждый, если смотреть на ломтики в профиль, и заворачивал свою колбаску обратно, чтоб по дороге домой она не испачкалась. При этом подлец постоянно жаловался на свое тяжелое материальное положение и брал у женщины деньги – «взаймы на трамвай...».

А другой негодяй пригласил незамужнюю женщину на прогулку. Мол, как хорошо прохаживаться романтическими вечерами по историческому центру города. Когда же они отмахали марафонскую дистанцию и наша дама держалась только на перспективах выйти замуж, этот негодяй слегка замялся и сообщил, что ему приспичило отойти на минутку. Юркнул в кафе по соседству и был таков. «Дело житейское!» – подумала дама и стала терпеливо дожидаться своего романтически настроенного кавалера. И через какое-то время он появился, отер платочком уголки губ и объяснил причину своего внезапного порыва. «Сосисочку скушал!» – сообщил он и сделал даме заманчивое предложение – пройтись еще раз по историческому центру города. В смысле – отважиться на вторую марафонскую дистанцию...

Но самое смешное, что эти два эпизода произошли с одной и той же дамой. И подлец, по замашкам, был тоже – один...

И покуда я размышлял на переднем сиденье о двойниках – выпил к чертовой матери полбутылки джина. И теперь, после джина, мне полагалось читать стихи, потому что своих прозаических трудов наизусть я не помнил...

Имеются в реальности
Всего четыре крайности,
Всего четыре крайности

У этого стола!
От крайности до крайности —
Стол пуст до чрезвычайности,
Стол пуст до чрезвычайности!
Ла-ла, ла-ла, ла-ла!
Какой чудесный был обед,
Представь – и фрукты, и паштет...
Собака лаяла в ответ:
«Жаль только – рецензентов нет!»

Автомобильная дама отобрала у меня джин и заметила, что на самом деле «рецензенты есть». А именно – Меценат с большой буквы. Который предлагает солидную премию за лучшее произведение, написанное в жанре исторического романа. Честно говоря, меня тронули ее слова, но лучше бы она отдала мне джин обратно. Потому что я непризнанный гений, без права досрочного освобождения. Все мои произведения сейчас находятся в коробке из-под обуви и, кстати – вместе с обувью. Что же касается авторских публикаций, то можно вспомнить замечательную чешскую поговорку: «Читала – читака, писала – собака...»

– Премия присуждается за неопубликованный роман, – пояснила дама.

Я признался, что покуда романа у меня нет. Только четыре главы с двумя аппендицитами – про Помпеи и Прагу.

– Пусть будет повесть, – согласилась дама.

Недолго посоветовавшись, мы вернулись ко мне домой за коробкой из-под обуви, чтоб не с пустыми руками ехать к Меценату. А чтобы в дороге я не нервничал, прикупили еще одну бутылку джина. Я даже не удосужился спросить у дамы – как ее зовут. А также не представился сам. Но здесь еще не было ничего криминального...

Сатирикон

Satiricon libri

Но самым роскошным и наиболее отмеченным народной молвой был пир, данный Тигеллином, и я расскажу о нем, избрав его в качестве образца, дабы впредь освободить себя от необходимости описывать такое же расточительство.

Корнелий Тацит. Анналы

Что нашептал ему Тигеллин – мы никогда не узнаем...

После заговора Пизона император охотно верил всякому доносу, остроумно предполагая, что ежели воробья обвинили в истреблении овец, то какая-то доля правды в этом есть. А недостаточный размах крыльев – дело поправимое. И если два свидетеля подтвердили под присягой, что видели собственными глазами, как вышеназванный воробей летел над лесом, а в когтях держал овцу – уже можно ловить преступника и составлять опись имущества. «Загородный домик в Байях (Casa Praetorium) – одна штука; родовое поместье в Кампании (Familia Penates) – одна штука; городское жилище на Эсквилине (Domus Urbis) – одна штука...» Как будем делить имущество врага народа?! «Львиная доля – в казну императора; пятнадцать процентов – Тигеллину; две ночные вазы (Hydria Urna) – безутешной вдове...» И если «свидетели засвидетельствовали», что ты аномальный воробей – не надо кочевряжиться! А лучше покаяться в грехах, составить правильное завещание и со спокойной совестью вскрыть себе вены. Чинно и благородно!

Памятка «вскрывающимся»: «В завещании должно быть обязательно упомянуто имя Нерона, иначе воля усопшего считается недействительной, а завещание поддельным! В этом юридическом случае имущество преступника целиком поступает в императорскую казну...»

«Я, Гай Петроний Арбитр, признаю себя виновным в том, что злоупотребил доверием кесаря нашего, Нерона, и примкнул к

заговорщикам с целью насильственного свержения государственной власти. Добровольно ухожу из жизни и завещаю: родовое поместье в Кампании (Familia Penates) – императору нашему, Нерону, в знак глубочайшего сожаления о содеянном; городское жилище на Эсквиллине (Domus Urbis) – главному казначею нашему, Тигеллину, который своевременно раскрыл мои гнусные замыслы; загородный домик в Байях (Casa Praetorium) – моей безутешной вдове...»

Резолюция Нерона: «Этой дуре хватит ночных ваз (Hydria Urna)».

Имущество... Ох уж это имущество! Все, что нажили граждане Римской империи за время правления Божественного Юлия, Божественного Августа, Божественного Тиберия, Божественного Калигулы, Божественного Клавдия и Божественного Нерона. Куда без имущества порядочному гражданину?! Ведь он же не галл какой-нибудь или скиф, прости господи! «А какие у вас претензии?! – мог воскликнуть Нерон. – Предки мои дали вам это имущество! Я как наследник – забрал его обратно! И помните, что вы остались должны за амортизацию!»

Кое-какую недвижимость можно бы было продать, да кто, извините, купит?! Когда тебя объявили врагом отечества... Кто согласится стать соучастником заговора супротив императора? Ведь ты посягаешь на то, что причитается Нерону по завещанию. «Да как же так, братец?! – воскликнет император. – Я все сделал: справил суд, довел человека до самоубийства, а ты, хороший такой, хочешь оттяпать у меня виллу?!» И посланники от Нерона будут незамедлительно. Так называемые «хирурги», что помогали нерешительным гражданам вскрыть себе вены. «Не можешь – научим! Не хочешь – заставим!»

Рекомендация Нерона: «Мы не должны казнить своих граждан, потому что убить – значит простить!»

Что же случилось с Гаем Петронием Арбитром? А ничего особенного – он впал в немилость и свел счеты с жизнью. Эка невидаль! Да сотни граждан были вынуждены поступить аналогичным образом. И каких граждан! Философ Сенека, поэт Лукан, оплот римской нравственности – Тразея Пет... Поглядывая с вершины истории на древние беды, мы ужасаемся, но не очень. Две тысячи лет человеческих гнусностей мешают нам сопереживать по-настоящему. Помилуй боже, случались за это время и добродетельные поступки. Но кто же сейчас говорит о добродетели? Мы повествуем об эпохе

Нерона. И, с точки зрения античной истории, эпизод с Петронием ничем не примечателен. Ну, был такой римский деятель по имени Гай или Тит. Был принят в ближайшее окружение императора, считался соратником Нерона по части развлечений и даже на этом поприще сыскал себе славу «законодателя изящного вкуса»...

Мой неисторический дед любил полистать газеты сорокалетней давности, списанные из городской библиотеки. Брал пожелтевшую от времени годовую подшивку, читал и возмущался: «Эх, твою мать, посмотрите, что Розенкранц делает!» А что ужасного мог вытворять Розенкранц на том свете?! «Он тридцать лет как лежит в гробу! – сообщал я. – И только от воплей твоих – переворачивается!» – «Так ему и надо! – злорадно ухмылялся мой дед. – Пусть не думает, что можно приехать на ассамблею и выразиться подобным образом!» Я уточнял, что ни на какие ассамблеи покойный Розенкранц уже не приедет. Но дед, потрясая газетами, продолжал возмущаться, как будто история творилась при его непосредственном участии. И в данной повести мы будем придерживаться заразной методологии моего деда...

Осенью 1482 года в Милане был опубликован текст, названный «Сатириконом», принадлежащий перу некоего Петрония Арбитра. Итальянские издатели предупреждали, что рукопись полностью не сохранилась и публикуется «как есть». Этот фрагмент, словно «пожеванный крокодилами», еще в 1422 году обнаружил Поджо Браччолини во время своего путешествия из Англии в Рим. Тот самый Поджо, которого любезные потомки обвинили в подделке «Анналов» Корнелия Тацита. Да-да! Тот самый Браччолини, что рылся по всем книгохранилищам, куда его заносила судьба и специальные экспедиции в духе плутовского романа. Большой знаток античной стилистики, Поджо Браччолини мог сподобиться на исторический труд типа Тацитовой «Летописи» и на сатиру в манере Петрония Арбитра, как, например, «Фацеции». В монашеской рясе, ради удобства, наш Поджо Браччолини шарил, считай, по всем монастырским библиотекам и в широкие рукава нередко запихивал предметы своих изысканий. Ничто человеческое не было чуждо Поджо Браччолини, однако в подделке «Сатирикона» его никто не обвинял.

Чуть позже, в Париже или Кельне, никто доподлинно не знает – где именно, Поджо Браччолини обнаружил еще один фрагмент

«Сатирикона», который окрестил «Обедом Трималхиона». И в целом Литература обогатилась «пятнадцатой», «шестнадцатой» и, возможно, «четырнадцатой» главой Великого романа. Наиболее полное собрание фрагментов было опубликовано после 1650 года. И всё. На этом находки закончились...

Если не считать подделку лихого французского лейтенанта по фамилии Нодо, который вдруг обнародовал самый полный текст «Сатирикона», якобы обнаруженный в Праге, наверно во время пивной экспансии по местным кабакам. Этот «полный текст» с первого взгляда «опознали» как стряпню из полковой кухни месье Нодо, и далеко не лучшего качества. (Однако какие в те времена были грамотные офицеры!) И мы упоминаем об этой нелепице с единственной целью – дабы подчеркнуть древность вышеупомянутой подделки, которая относится к 1692 году...

Итак, все исторические и литературные соображения сводились к тому, что роман под кодовым названием «Сатирикон» был написан в эпоху Нерона и повествует об эпохе Нерона. Из этого времени был известен только один Петроний, заслуживающий внимания. «Законодатель изящного вкуса», о котором повествует Корнелий Тацит. Исследователи почесались и отождествили «Законодателя» с «Арбитром», поскольку приятнее иметь биографию автора, чем восхищаться романом, который был создан неизвестно кем. Отождествили, невзирая на то обстоятельство, что в латинском значении слова «arbitre» больше от «наблюдателя», чем от «третейского судьи»...

Тацит (или Поджо Браччолини?!) пишет, что «Нерон стал считать приятным и достойным роскоши только то, что было одобрено Петронием». Одобрено так одобрено... «В печать и в свет – разрешаю!» Однако даже при беглом знакомстве с «Сатириконом» можно заметить, что автор не навязывает собственных вкусов, не дает характеристик и тем более – не служит «проводником» каких бы то ни было, как безнравственных, так и высокодуховных, идей. То есть не судит, а именно наблюдает. Не обличает, а смеется. И либо мы имеем на руках лицемерного скорпиона, либо – двух Петрониев, из которых один – «Арбитр», а другой – «Законодатель». Но почему же исследователи держатся за тождественность автора «Сатирикона» и римского гражданина из «Анналов» Корнелия Тацита? А все из-за

последнего обеда... Ибо считается, что завещание Петрония Законодателя и есть «Сатирикон».

Когда Нерон, следуя доносу, дал понять гражданину Петронию, что больше не заинтересован в его существовании – Петроний не стал испытывать терпение императора. Созвал друзей и вскрыл себе вены. После чего и состоялся тот знаменитый обед, описанный Тацитом, да с такими подробностями, как будто вездесущий Корнелий сам находился среди гостей. Ему и предоставим слово: «Расставаясь с жизнью, он (Петроний) не торопился ее оборвать и, вскрыв себе вены, то, сообразно своему желанию, перевязывал их, то снимал повязки. Разговаривая с друзьями, он не касался важных предметов, и от друзей он также не слышал рассуждений о бессмертии души, но они пели ему шуточные песни и читали легкомысленные стихи».

И вот человек, истекающий кровью, во главе обеденного стола – диктует свое завещание, в котором описывает безобразные оргии императора и поименно называет всех распутников и распутниц. После чего отправляет подобное завещание Нерону и, покончив с обедом, засыпает навсегда... И когда он успевает написать «Сатирикон» – я не понимаю!

Персонаж

Прага. Типичная квартира в типовом доме

Должен сознаться, повелительница, что мне нередко приходилось грешить: ведь я – человек, и еще нестарый. Но до сих пор ни разу не провинился я настолько, чтобы оказаться достойным смерти. Перед тобой – повинная голова. К чему присудишь, то я и заслужил. Я совершил предательство, убил человека, осквернил храм. Соответственно этим преступлениям – требуй наказания. Захочешь моей смерти – я приду с собственным клинком...

Петроний Арбитр. Сатирикон

Какая мне разница – Гай или Тит?!

Он сидел в ванне по пояс в кровавой воде, и не надо оканчивать медицинский университет, чтобы распознать труп, здравствуйте, уважаемый труп, с вами разговаривает живое тело, я не стала кричать, ой, мамочки, я не стала набирать дрожащими пальцами номер девятьсот одиннадцать, я присела на край ванны и принялась изучать труп, как будто всю жизнь только этим и занималась, не знаю, что на меня нашло!

Еще, не пойми для чего, я засунула в ванну указательный палец, чтобы измерить температуру воды, девушка, море сегодня теплое, мог бы спросить труп, как будто я собралась купаться вместе с ним, сказала «бррррр», и, когда труп еще двигался, он залез туда в верхней одежде, чтоб не замерзнуть, в рубашке и брюках, а стильный пиджак за несколько сотен баксов положил перед ванной, как банный коврик, убрал с табуретки тазик с замоченным бельем и поставил туда лакированные туфли, начищенные до блеска, я взяла и вернула свой тазик обратно, не знаю, что на меня нашло!

Но возможно, вода просто остыла, покуда я шлялась по городу часа четыре, и свидетелей у меня нет, потому что я шлялась черт знает где и не помню сама, куда заходила, а труп в это время взял и отрезал опасной бритвой рукава рубашки по локоть, а потом вскрыл себе вены и успокоился, глядя, как медленно течет кровь, а может, кровь текла быстро, и через пару минут он потерял сознание, вытер бритву о галстук и бросил ее в раковину, то есть вначале, как психопат, искромсал себе вены, а потом преспокойно стал вытирать бритву, что выглядит очень странно, но не идет ни в какое сравнение с надписью на лбу, которую он сделал химическим карандашом, не знаю, что на него нашло!

ГАЙ ПЕТРОНИЙ АРБИТР

Вот это было странно так странно, можно сказать, непорядочно, потому что приличные люди не занимаются каллиграфией в чужой ванне, не упражняются с химическим карандашом и не заглядывают в тапки с женским бельем для стирки, чтобы не схлопотать по морде! От этого вывода я разозлилась и моментально пришла в себя! После чего стала анализировать ситуацию...

Как человек мог вообще что-нибудь написать на собственном лбу? И с какой стати? Он же не гуттаперчевый мальчик? Значит, кто-то ему помог – до или после смерти. И карандаш был не химический, а мой. Для глаз, а не лобной части. Черного цвета. И теперь он был в стаканчике вместе с зубной щеткой. А я же не дура, чтобы туда его ставить. Я вытащила карандаш из стаканчика и написала на своей руке большими печатными буквами слово «ТИТ». Потом поднесла руку ко лбу покойного и сравнила цвет. Он. Затем отошла к раковине и принялась отмывать со своей руки «Тита».

Можно было подумать, что я – зомби. У меня в ванной находится труп, а я веду себя, как бы помягче сказать, нечувствительным образом. Не падаю в обморок, не зову на помощь, не трясу в судороге конечностями. Можно было подумать, что четыре часа назад я зарезала этого мужчину, а потом преспокойно отправилась в ближайшее заведение – пить кофе со сливками. После чего вернулась обратно, пронумеровала труп и теперь размышляю – что с ним делать дальше.

По правде говоря, именно об этом я и размышляла. Что делать дальше? Конечно, можно закрыть глаза, сосчитать до пятидесяти и понадеяться, что труп исчезнет таким же невероятным способом, как появился. А можно вытолкать труп за дверь и спустить на первый этаж в лифте. Пусть его там находят. И думают – откуда он взялся. А я приму каких-нибудь транквилизаторов и вымою ванну. Потому что не хочу общаться с полицией. За всю свою жизнь я не совершила ничего предосудительного – это моя точка зрения. А по мнению полиции – может, и совершила. Откуда я знаю? И весьма вероятно, что мои законы не сходятся с общепринятыми. Но в любом, извините, случае – к этому трупу я не имею ни малейшего отношения. Только была с ним знакома, когда он еще не был трупом.

И тогда я решила звякнуть другой знакомой. Возможно, она объяснит, что делает наш общий труп в моей ванной комнате. Иначе вся эта история пахнет дешевым детективом. Пахнет? Я осторожно принялась, ничего вонючего в воздухе не обнаружила, но все-таки обильно опрыскала ванную дезодорантом. И еще подумала – хорошо! Хорошо, что в целях личной гигиены я пользуюсь пшикающими дезодорантами. А если б я пользовалась роликовыми? Как можно дезинфицировать ими покойного? В общем, я думала как идиотка. Поплотнее закрыла дверь в ванную комнату и пошла звонить по телефону.

– Привет, Янка! – поздоровалась я.

– Хммм, – ответила она. – Ну, привет, Анита!

– Янка – это я! – напомнила я. – А ты – Анита!

– Я в курсе, – ответила она. – Только почему ты назвала меня Янкой?

– Я ошиблась! – призналась я.

– Я так и поняла, – ответила она. – Поэтому и назвала тебя Анитой.

И если бы нас подслушивали все полицейские службы мира, они бы сошли с ума!

– Послушай, Анита! – сказала я.

– Слушаю, – ответила она.

– Ты сейчас дома? – спросила я.

– В Занзибаре! – ответила она. – Ты куда звонишь-то?

– Тебе! – удивилась я. – А что, неправильно соединили?

– Ладно, – сказала она. – Проехали.

– Если бы! – намекнула я о превратностях судьбы, с ударением на последней букве.

– Да кабыыы! – поддержала меня Анита. – Послушай...

– Слушаю, – с готовностью ответила я.

Пусть Анита расскажет мне о своем трупe в ванной, а я стану ее утешать – охать, ойкать, повизгивать и говорить, что ничего ужасного не случилось.

– Короче! – выругалась Анита. – У меня пальцы в лаке!

– А у меня в крови, – сообщила я, разглядывая свой указательный палец.

– Продезинфицируй, – посоветовала мне Анита.

– Уже не поможет, – вздохнула я и покосилась на дверь в ванную комнату.

И тогда Анита перешла к вопросу, которого, собственно, я ждала и ради которого звонила.

– А что случилось? – спросила она.

– Я пришла домой и обнаружила в ванной труп с перерезанными венами и надписью на лбу.

– Это всё? – поинтересовалась Анита.

– Нет, – призналась я.

– Тогда перезвони попозже, когда у меня лак высохнет.

– И еще – это Густав Шкрета! – все-таки добавила я.

– Давай сначала! – потребовала Анита. – Что делает у тебя в ванной Густав Шкрета?

– Ничего не делает, – вздохнула я. – Уже часа четыре...

– Ты сексуально невоздержанная нахалка, – подытожила Анита. – Он пьян?

– Он мертв.

– Ну-ну, – сказала Анита. – Пусть отдохнет. А потом с новыми силами...

– Ни за что! – возмутилась я. – Он мертв натурально!

– Еще раз с начала! – потребовала Анита.

– Да сколько можно! – снова возмутилась я. – У меня в ванной труп Густава Шкреты. С перерезанными венами. И меня сейчас вытошнит.

– Сейчас приеду! – сказала Анита. – Через десять минут! Можешь подождать?

Я подумала, что эти десять минут я посижу спокойно и послушаю короткие гудки в телефонной трубке. Не хотелось оставаться одной в квартире с покойником. Но потом решила, что это глупо. Вдобавок если Анита еще задержится, часа на полтора, то не сможет меня об этом предупредить. И тогда я положила трубку и как замороженная уставилась на часы.

– Пятьсот девяносто девять, пятьсот девяносто восемь, пятьсот девяносто семь...

«А если убийца покойника прячется в бельевой корзине, как в детективной повести „Свидетелей не будет“? – подумала я. – Что тогда?»

– Пятьсот девяносто шесть, пятьсот девяносто шесть, пятьсот девяносто шесть...

«Тогда он карлик, – подумала я, припоминая, какого размера у меня бельевая корзина. – А с карликом я справлюсь. Главное, чтобы он не прятался в стенном шкафу, потому что стенной шкаф куда больше. Там могут спрятаться двадцать два карлика. Восемь штук – в правом отделении, восемь штук – в левом, четверо – на верхней полке, и парочка – в отделении для перчаток. Если я правильно сосчитала. А двадцать два карлика – это перебор. Bust! Лучше всего, конечно, – Black Jack, но двадцать одно очко редко выпадает...»

От звука «Зззззз!!!» я подпрыгнула на полметра. Вначале схватилась за телефонную трубку и только потом сообразила, что это звонили во входную дверь. Обходя стороной тумбочки и стенные шкафы, я прокралась в прихожую и всем телом прижалась к двери, как будто к живому Густаву Шкрете...

– Хватит моргать в глазок! – не выдержала Анита. – Открывай!

– Что-то я не очень тебя узнаю! – настороженно отозвалась я. – В каком году у тебя день рождения?

– Убью! – не к месту возмутилась Анита и приподняла над своей головой лохматый парик.

– Ага! – Я признала подругу и распахнула входную дверь.

Анита скинула туфли в прихожей и побежала в ванную комнату. Крикнула там «Ого!» и прибежала обратно. Я только успела закрыть дверь на все засовы.

- Сегодня какой день недели? – спросила Анита.
- Не знаю, у меня месячные, – невпопад отозвалась я.
- Дура! – охарактеризовала меня Анита. – Сегодня четверг!
- Так я же и говорю... – вставила я.
- А Шкрета приходит к тебе по пятницам... – продолжала Анита.

И тут до нее наконец-то дошло: – Хотя, как я понимаю, на этой неделе Густав Шкрета к тебе не должен был приходиться! Вообще! Разве только чтобы попить чая...

– А чай он не пьет! – напомнила я.

– Вот поэтому, – подхватила Анита, – у меня к тебе есть два вопроса!

– Выкладывай! – разрешила я.

Анита вытаращила на меня глаза, чтобы подчеркнуть всю важность задаваемых вопросов, затем сощурилась и снова стала тарашиться.

– Что ты мигаешь, как испорченный светофор?! – удивилась я. – Красный – зеленый, красный – зеленый!

– Вопрос первый! – сказала Анита. – Риторический! – подчеркнула она. – Почему все женщины стервы?

– Не знаю, – честно ответила я.

– Тогда вопрос второй! – предупредила она. – Почему ты так располнела?!

Я молча вытащила из-под кофты две сковородки и продемонстрировала их Аните.

– Понятно, – сказала она. – Корсиканская диета! Вопрос номер один снимается с повестки дня!

Анита повесила свой кудлатый парик на вешалку в прихожей, сняла плащ и ухватилась за ручку стенного шкафа.

– Одну минуту! – воскликнула я и со своими сковородками заняла удобную позицию для утрамбовки карликов. – Теперь открывай!

– Сковородки тефлоновые? – уточнила Анита.

– Ага, – подтвердила я.

– Не пригорают? – осведомилась она.

– Когда жарить бифштексы – нет, – доложила я. – А яичницу приходится отскребать.

– Бифштексы! – ужаснулась Анита. – Да ты с ума сошла! Подумай о собственных бедрах!

– Мне незачем думать о собственных бедрах, – ответила я. – Пусть Густав Шкрета о них думает. Это он любил бифштексы.

Тут мы вспомнили о покойнике и слегка загрустили.

– О бедрах надо помнить всегда! – патетически произнесла Анита.

Бедный, бедный Густав Шкрета! Прискорбно знать, что тебя хоронят две идиотки! Стоят у могилы и рассуждают о траурных платьях. Какой фасончик у жены, а какой у любовницы. Вот поэтому женщин пускают на кладбище только под колокольный перезвон, чтобы покойник не слышал, о чем они болтают. И так-то получаются не похороны, а дефиле.

Анита, глядя, как я воинственно помахиваю сковородками, открыла стенной шкаф, повесила туда плащ, хмыкнула и отошла в сторонку.

– В доме завелась моль? – шепотом спросила она.

Я отрицательно покачала головой и стала внимательно осматривать шкаф – не прячется ли карлик за бюстгальтером?

– Ну и бардак у тебя в шкафу, – сказала Анита. – Можно еще пару трупов найти.

И как в воду глядела! На нижней полке я совершенно случайно обнаружила свой купальник, который напрасно искала еще пару недель назад. Тогда я положила на полку тефлоновые сковородки, вытащила купальник и принялась его разглядывать.

– Тоже, нашла время, – недовольно пробурчала Анита. – Лучше скажи, почему мы не можем вызвать полицию?

Я троекратно пожалала плечами, усиленно размышляя – как из этого купальника сделать бикини. Сверху отрезать, снизу отрезать, а середину пустить на тесемочки... Потому, что разговор о полиции хуже разговора о предстоящем купальном сезоне.

– Да что же тебя корежит? – удивилась Анита. – Впрочем, как знаешь. Ты ведь хотела заполучить Густава Шкрету в свое личное пользование? Ну, вот теперь и наслаждайся!

– Теперь я хочу от него избавиться, – заметила я.

– Да-а?! – удивилась Анита. – Надо же! И кому он теперь нужен?!

Это был вопрос. Когда мужчина уходит самостоятельно, есть вероятность, что он забудет дорогу обратно. Особенно если треснуть его на прощание сковородкой. А когда мужчина устроился в ванне, имеет подпорченный вид и непонятные намерения – избавиться от

него намного сложнее. Закопать на пустыре – жалко, а пойти прогуляться – он даже не собирается. «Дорогая, я только выйду на минуточку, чтобы купить себе пачку сигарет!..» И поминай как звали! Я засекала по секундомеру – заядлые курильщики возвращаются в лучшем случае через месяц. И не всегда – к тебе... Интересно, а есть ли на свете женщины-землекопы? Бывают плакальщицы, а могильщицы есть? «Увы-увы, мой бедный Йорик! Я знала его, пьяницу, когда-то!»

– Что ты реवेशь, как корова?! – воскликнула Анита, потому что слезы катились у меня по лицу – от нижних ресниц до подбородка. Там я собирала слезы в купальник, чтобы не тереть глаза, иначе они опухнут и покраснеют.

– Шкрету жалко, – сказала я.

– Себя пожалей, – возразила Анита. – Шкрете уже все равно, а ты теперь будешь заниматься чистописанием.

– В смысле? – удивилась я.

– До посинения! – пояснила Анита. – Гай Петроний Арбитр, Гай Петроний Арбитр, Гай Петроний Арбитр... На лбу у каждого следователя!

Я моментально прекратила реветь, потому что живо себе представила эту картину. Как я расписываю лысины всем желающим. «А-р-б-и... А-р-б-и... Не морщите лоб, господин следователь! У меня слово „тыррр“ не помещается!»

– Во-первых, «тыррр» – это не слово, а окончание, – поправила меня Анита. – А во-вторых, «тыррр» – это ситуация, в которую мы с тобой попали! Пойдем на нее поглядим... Только не переспрашивай, как идиотка, «на кого на нее»?!

И мы отправились в ванную комнату – посмотреть на ситуацию по имени «тыррр».

– Ну? – спросила у меня Анита. – Как он?

– Нормально, – предположила я, потому что еще на пороге закрыла лицо руками, чтобы лишний раз не посмотреть на Густава Шкрету.

– Фу, ты! – выругалась Анита. – Я спрашиваю, что он делает? То есть, – поправилась она, – я спрашиваю, как он выглядит?

– Наверное, так же, – ответила я. – Ты разве сама не видишь?

– Не вижу, – призналась Анита. – Потому что боюсь открыть глаза.

Тут все-таки нам пришлось побороть страх и взглянуть на покойника.

– Вампиры в Сиэтле! – брякнула Анита. – А ты уверена, Янка, что не имеешь к этой надписи никакого отношения? Ни правой, ни левой рукой?

Конечно, бывают у меня и сумасбродные поступки. Например, полгода назад я купила брючный костюм на два размера меньше, чем в состоянии на себя натянуть. Только потому, что меня разозлила продавщица. «Это не ваш размер!» – сказала она, вертя тощим задом. «Мой!» – уверенно возразила я. «Это не ваш размер!» – повторила она, пиликающая, как раненая трясогузка. «Мой!» – рассвирепела я. После чего пришла домой и порезала купленный костюм на ленточки... Что же касается Густава Шкреты, то лоб у него не самое привлекательное место для упражнений. Хоть письменных, хоть устных. И если бы мне понадобилось...

– А что вообще это значит? – заинтересовалась Анита. – Мммм, мммм и мммм? – Она обозначила каждое слово звуком, как будто стеснялась говорить о веревке в доме повешенного.

– В том-то и дело, – откликнулась я. – Про Арбитра с Петронием все понятно! На прошлой неделе я заскочила к «Старому Эдгару», а там все мужчины смотрели футбол. Ты бы слышала, как они орали: «Арбитра на мыло! Арбитра на мыло! Петрония на колбасу!»

– Что-то я не помню такого футболиста по фамилии Арбитр, – нахмурилась Анита.

Года два назад бедняжка Анита имела роман с болельщиком и теперь считалась крупным специалистом по части футбольной экипировки. Ну например, что под юбку не принято надевать ботсы, если ты не шотландец и не шотландка.

– А кто такой Гай? – продолжала я. – Может быть, это Гей, а мы с тобой неправильно прочитали?

Анита задумалась и стала рассуждать логически. То есть поочередно загибать на левой руке пальцы, покуда из них не получился кукиш.

– Густав Шкрета был подлецом! – убежденно сказала она. – Но подлец и гомосексуалист – это разные вещи! У меня вот сосед –

квартирный гей. В смысле сосед по лестничной площадке. Милейший человек, но какая от него польза?

– А какая польза теперь от Густава Шкреты? – вставила я. – И что делают с мертвыми гетеросексуалами?

Анита принялась загибать пальцы на другой руке.

– Можно тебя на минуточку? – сказала Анита, когда пальцы закончились. – На минуточку, – повторила она и стрельнула глазами в сторону Густава Шкреты, как будто он мог подслушать наши секретики.

Мы вышли из ванной комнаты, плотно закрыли за собой дверь и устроились на диване.

– Давай вызывать полицию! – предложила Анита.

– Вначале потренируемся, – возразила я. – Ты придумай каверзные вопросы, а я буду на них отвечать.

Однажды я видела по телевизору, как работает детектор лжи. Кривые лапки елозили по бумаге; преступник был похож на новогоднюю елку, увешанную гирляндами; и единственное, что мне не понравилось, – это однозначные ответы: «да» или «нет». Анита видела такую же телепередачу, поэтому первый вопрос задала с пристрастием:

– Сколько будет, если четыреста двадцать восемь умножить на триста сорок семь?

– Ты что, с ума сошла?! – возмутилась я, потому что всегда сомневалась, сколько будет пятью пять.

– Сто сорок восемь тысяч пятьсот шестнадцать, – важно сообщила Анита. – Долларов! – подчеркнула она. – Я всегда задаю этот вопрос, чтобы сбить человека с толку.

– А почему именно «долларов»? – уточнила я.

– А чего же еще считать? – искренне удивилась Анита. – Можно, конечно, всю сумму перевести в евро, но много потеряешь на конвертации.

– Ты спишь с биржевым маклером! – догадалась я.

– Нет, к сожалению, – покачала головой Анита. – Просто недавно я делала ремонт в прихожей и клеила под обои «Файненшл таймс».

Она достала из сумочки записную книжку, открыла на букве «янка» и поставила жирный минус напротив моего имени.

– Это еще зачем? – спросила я.

– Первый ответ мимо кассы! – пояснила Анита. – Ты поменьше верещи, побольше соображай. Потому, что ты, – она накарякала слово «ты» в своей записной книжке и подчеркнула его два раза, – ты в ужасном положении.

Из-за того, что есть у меня ванна! Что само по себе не является преступлением, а только вместе с банными принадлежностями.

– Давно вы знакомы с Густавом Шкретой? – пролаяла Анита, как полицейский бульдог.

– Нет, – однозначно ответила я, помня о детекторе лжи.

– Зачем же врать? – прищурилась Анита. – Ты с ним знакома уже пару лет.

– Да, – ответила я.

– Вы состояли с ним в интимных отношениях?

– Нет.

От возмущения Анита подпрыгнула на диване и ядовито спросила:

– А с кем он сожительствовал по обыкновению?

– По пятницам? – уточнила я. – Или по четвергам?

Однако Анита работала над своей ролью по Станиславскому и шлифовала образ свирепого полицейского.

– Гав! Гав! – сказала она. – Итак, вы утверждаете, что в последний раз видели Густава Шкрету в прошлую пятницу. Это было до убийства или после убийства?

А я тоже читала и Станиславского, и Немировича-Крютченко, и меня нелегко запугать.

– Я не знаю, когда произошло убийство, господин следователь! – отчеканила я. – Может, в прошлую пятницу, а может, четыре часа назад. Но я регулярно принимаю ванну, наливаю туда воды, и за неделю труп непременно бы всплыл!

– Так-так-так, – сказала Анита. – Выходит, что до сегодняшнего дня Густава Шкреты там не лежало? А где же он шлялся с понедельника по четверг?!

– Наверно, валандался с вами, господин следователь, – предположила я.

Тут Анита закрыла свою записную книжку и положила ее в сумочку. Потом поднялась с дивана, прошла по комнате и остановилась возле зеркала, чтобы поправить прическу. Убрала со лба

прядь, навесила ее обратно, постояла еще немного перед зеркалом и вернулась обратно на диван.

– Как сейчас дам по башке телефонным справочником, – спокойно сказала она. – Выходит, госпожа подозреваемая, вы знали и молчали...

– О чем?

– Обо мне и Густаве Шкрете, – уточнила Анита.

– Конечно знала, – кивнула я. – Он весь пропах твоими духами, как будуарный кот.

– Вот зараза! – неизвестно по поводу чего выругалась Анита. – Ты все знала, а я напрасно мучилась!

– Могла бы спросить, – съехидничала я.

Тут мы пожали друг другу руки. После чего Анита задумалась на полсекунды и допустила, что Густав Шкрета покончил с собой от раздвоения личности. И, как подлец, – у меня дома.

– Может быть, он к тебе лучше относился? – предположила Анита. – Чем ко мне... Я понимаю, что это слабое утешение, но все-таки...

* * *

Мы познакомились с Густавом Шкретой в кафе.

В тот день разорался мой непосредственный шеф, и я ушла с работы пораньше. «Где факсимильное сообщение из Индонезии?!!» В глаза его не видела... С шефом у меня существует негласная договоренность, во всяком случае – я так думаю, что существует. Он на меня орет, а я молча складываю личные вещи. Когда он уходит в свой кабинет, я набираю телефон Аниты и визгливым голосом сообщаю, что я теперь «безработная». «Что-что-что?» – переспрашивает Анита. «Без-ра-бот-на-я!!!» – как сирена, верещу я, чтобы от моего голоса полопались все стаканы в кабинете начальника. «Ага, – говорит Анита, – значит, встречаемся у „Старого Эдгара“». После чего она бросает телефонную трубку и начинает орать на свое непосредственное начальство. Что в таких нечеловеческих условиях она работать не может, не будет, не хочет, и пусть не надеются! Ее начальство предполагает, что у Аниты критический день, а у нас получается масса свободного времени. Я со своей коробкой врываюсь

в кафе «У старого Эдгара» и занимаю обычный столик. «Где этот извращенец по имени Эдгар? – интересуюсь я. – Еще не помер? Пусть принесет мне два сухих мартини!» Дежурная шутка, потому что никто не знает, в честь какого Эдгара назвали это кафе лет пятьдесят назад...

Я потягиваю мартини и с интересом рассматриваю содержимое своей коробки: кнопки, скрепки, факсимильное сообщение из Индонезии... Вскоре в кафе залетает Анита. «Передайте этой старой сволочи, Эдгару, – говорит она, – чтобы сегодня не попадался мне на глаза!» Бармен воспринимает дежурные шуточки словно скала, о которую разбиваются глупые волны. Анита плюхается за наш столик, достает сигаретку, пускает дым и туманно улыбается. Потому что приятно в середине рабочего дня выпить с подругой по бокалу мартини и пощебетать о разной чепухе...

В тот день Густав Шкрета у «Старого Эдгара» не появился.

* * *

– Да, – сказала Анита. – Слоны уходят помирать на слоновье кладбище, а Густаву Шкрете понравилась твоя ванна.

– Но как он сюда попал? – задумалась я.

Анита быстренько подскочила к окну, буквально обнюхала раму и подоконник и радостно доложила:

– Следов проникновения не обнаружено!

Теперь она корчила из себя комиссара Мегрэ, только без трубки. А как Густав Шкрета забрался на четвертый этаж, Аниту не волновало.

– Он же не ящерица, чтобы ползать по стенам, – возразила я. – И даже не человек-паук.

– Тогда Густав Шкрета проник через дверь! – важно сообщила Анита, как будто открыла закон всемирного тяготения. – Снял слепок, подобрал отмычки, засунул кредитную карточку в щель...

– Прекрати, – сказала я. – У Густава Шкреты были ключи от моей квартиры.

В этот момент Анита изображала, как можно взломать обыкновенную дверь обыкновенной фомкой.

– Ключи?! – воскликнула Анита. – Как же я сразу не догадалась?! У Густава Шкреты были ключи! И ты еще спрашиваешь – как он сюда

попал?!

– Да, спрашиваю! – подтвердила я. – Потому что Густав Шкрета вечно тыкался твоими ключами в мою замочную скважину!

– В смысле? – насторожилась Анита. – Ты на что намекаешь?

– На Густава Шкрету! – фыркнула я. – В левом кармане у него лежали ключи от твоей квартиры, а в правом кармане – ключи от моей квартиры. Или наоборот.

– Ты даже об этом знаешь? – удивилась Анита. – А я все хотела повесить бирки: «Янка», «Анита». Да постеснялась. Он постоянно забывал твои ключи у меня на тумбочке!

– А у меня – твои! – поддакнула я.

– Вот таким подлецом был Густав Шкрета! – подытожила Анита.

Мы снова обменялись рукопожатиями.

– Надо изъять у Густава Шкреты наши ключи! – предложила Анита. – Зачем они покойнику?

– Да, – согласилась я. – Теперь ключи ему ни к чему. Как мертвому припарки.

И мы отправились в ванную комнату, чтобы обследовать пиджак Густава Шкреты. Но ничего там не обнаружили.

– Надо посмотреть, что у него в брюках, – задумчиво сказала Анита.

Я отрицательно покачала головой. И тогда Анита тяжело вздохнула, подошла к ванне и принялась шарить там руками, как будто разыскивала под корягой рака.

– Ты знаешь, – сообщила мне Анита, поглядывая на Густава Шкрету, – а я начинаю к нему привыкать. В таком состоянии.

– Главное, не увлекайся, – предупредила я.

Потому что Анита имела слабость к рискованным экспериментам.

– Нет там никаких ключей, – наконец заявила она и отошла от ванны.

Итак, по разным бредовым обстоятельствам, о которых я здесь умалчиваю, обращаться в полицию мы не могли. Поскольку на многие вопросы у нас с Анитой не было ответа. На какие-то вопросы нам не хотелось бы отвечать. А то немногое, что мы собирались сообщить, вряд ли могло полицию удовлетворить. И тогда мы нашли хитроумный способ избавиться от Густава Шкреты.

– А давай отвезем его к Йиржи Геллеру! – предложила Анита.

– Ты думаешь, это поможет Йиржи Геллеру вжиться в образ писателя? – осторожно спросила я.

– А разве нет?! – Анита уже прониклась этой идеей. – Пусть он почувствует себя мастером детективного жанра!

Я подумала и согласилась, что это сюжет. Во всяком случае – в стиле пани Хмелевской, которую мы читали с большим удовольствием. Только вот как обстоят дела у так называемого Йиржи Геллера со здоровьем? Может быть, с перепугу он окочурится, и тогда мы будем иметь на руках два трупа.

– А я его предупрежу, – успокоила меня Анита. Она быстренько набрала номер телефона, протараторила: – Алло! Это Йиржи Геллер?! Здравствуйте! Мы сейчас к вам приедем! – И тут же повесила трубку. – Ну, вот, – сказала Анита и выразительно посмотрела на меня. – Теперь все в курсе и во всех подробностях!

Я махнула рукой, потому что Аниту не переделаешь. И нам оставалось только выловить Густава Шкрету из ванны и отвезти его к Йиржи Геллеру. Чтобы собрать все подозрительные детали в одном помещении...

– Постой! – воскликнула Анита. – А как обычно перевозят трупы?

Немного посоветовавшись, мы решили не заворачивать Густава Шкрету в ковер, а только отгладить мятые брюки, нацепить на него пиджак и слегка поддурманить физиономию. Тогда он вполне сойдет за нашего пьяного приятеля. А если надпись на лбу прикрыть какой-нибудь шляпой, то – за очень пьяного приятеля. Почему-то мы не решились эту надпись застирывать, даже с «Ванишем». Вероятней всего, мы сомневались в рекламе этого отбеливателя.

Не стану описывать, как мы сушили Густава Шкрету феном и готовили к выходу в свет. Понятное дело, что мужского головного убора у меня в гардеробе не нашлось, а прятать Густава Шкрету под «колесо с гусиным пером» было заманчиво, но чересчур экстравагантно. «Таблетка» с вуалькой ему тоже не подошла. Поэтому мы обрядили Густава Шкрету в артистический берет, подхватили под руки и с грустным видом покинули мою квартиру.

– Сильно намок, – посетовала Анита в коридоре.

– Ага, – подтвердила я. – Килограммов двадцать набрал от прежнего веса.

Посапывая от натуги, мы затащили Густава Шкрету в лифт и приперли его к стеночке. Со стороны могло показаться, что две симпатичные девушки просто без ума от странного парня в женском берете. И слава богу, что консьержка не высунулась из своей конуры, когда мы спускали Густава Шкрету по лестнице. Он так стучал своими лакированными туфлями!

Как только мы очутились возле дороги, Анита стала ловить такси и делала это ногами, потому что не могла выпустить Шкрету из рук.

– У тебя стрелка на правом чулке поехала! – заметила я.

– Вот зараза! – выругалась Анита. – В самый неподходящий момент!

Но тут остановилось такси.

– Спальна улица! – сказала Анита, как только мы разместились на заднем сиденье.

– А номер дома? – уточнил таксист.

– Вам говорят человеческим языком, – возмутилась Анита, – улица Спальна! Где-нибудь посередине! А дальше не ваше дело!

– Как скажете, – пожал плечами таксист, включил счетчик, и мы наконец-то тронулись с места.

А Густав Шкрета стал заваливаться на Аниту, хватать меня за коленки и вести себя отвратительным образом при торможении. Но особенно его заносило на поворотах!

– Вот повезло парню! – обзавидовался таксист.

– Вы не могли бы ехать потише?! – спросила Анита.

– Я не в силах сдержать эмоций! – пожаловался таксист. – Не каждый день увидишь такого красавца, как ваш!

– Вам надо смотреть на дорогу, – намекнула Анита, – а то получится два красавца!

Что с нами могло случиться, в отличие от мужчин?! Как опытные рецидивистки, мы бросили такси вместе с водителем за два квартала от дома четырнадцать и зигзагами потащили Густава Шкрету по улице Спальна.

– Он оставляет за собой следы, – заметила Анита.

Густав и правда вычерчивал на асфальте две кривоватые линии своими лакированными туфлями.

– Надо было надеть на него тапочки, – сказала я.

– Всего не предусмотреть! – посетовала Анита. – Это какой номер дома?

– Кажется, восемнадцатый, – ответила я.

– Дьявол! – чертыхнулась Анита. – Разворачивайся обратно! Мы проскочили мимо!

Наконец со второй попытки нам удалось попасть в нужный дом и подняться на третий этаж с помощью лифта.

– А вот и мы! – радостно объявила Анита, как только Геллер открыл дверь. – Доставка товаров на дом!

– Я ничего не заказывал! – сказал Йиржи Геллер.

– А это подарок от фирмы! – пояснила Анита.

Тут Густав Шкрета выскользнул из наших рук и завалился на спину. Предательский берет съехал у него на макушку, и теперь всякий грамотный гражданин мог прочитать, что предназначено Густаву Шкрете.

– Гай Петроний Арбитр, – произнес Йиржи Геллер. – Что вы с ним сделали?

– Слегка подрумянили губной помадой, – призналась Анита.

Я же предупреждала, что надо справиться о здоровье писателя... Как только Йиржи Геллер услышал про губную помаду, он побледнел и потерял образ. Очень уж впечатлительные эти писатели!

Кампания

Провинция Римской империи

При тех же консулах сгорел от удара молнии гимнасий, а находившаяся в нем статуя Нерона расплавилась и превратилась в бесформенный медный слиток. Был также сильно разрушен землетрясением многолюдный кампанский город Помпеи...

Корнелий Тацит. Анналы

На первый взгляд, Кумский залив – лишь небольшая морщина на «голенище» Италии, неподалеку от места, где у римского «сапога» начинается подъем. Но что за странная кабинетная привычка – путешествовать по географической карте и живые картины Италии подменять пятнами Роршаха?! Давайте возьмем увеличительное стекло, чтобы взглянуть на средиземноморские ривьеры вооруженным глазом! Давайте сделаем из карты треуголку и натянем на уши, чтобы послушать, о чем судачат торговки рыбой на городском рынке. «Мария! Мария! Ты видишь того идиота в треуголке и с увеличительным стеклом?!» – «Пресвятая Богородица! Да это же Наполеон!»

При ближайшем рассмотрении Кумский залив больше напоминает подкову, прибитую не на своем месте и скорее всего – для украшения римского «сапога». Во времена империи здесь, на побережье между Мисенским мысом и полуостровом Соррен, отдыхала римская знать и другие состоятельные граждане. Плебеи оставались в душном городе – жевать лепешки и пялиться на бесплатные зрелища. «Шоу и хлеба! Шоу и хлеба! Львы – христиане: 3–0!»

«Тридцать пар гладиаторов Гнея Аллея Нигидия с заместителями будут биться с восьмого по шестой день до августовских календ! Большая звериная травля, прохладительные напитки, тент! Объявление написал Эмилий Целлер, один, при лунном свете...»

От мыса до мыса – все было усеяно пансионатами, тавернами и сувенирными лавками. Многочисленные постройки вдоль побережья создавали обманчивое впечатление, что это один приморский город. Самые живописные места были раскуплены еще при Ромулах и Ремах, и ныне римская знать отдыхала с неслыханными удобствами – бассейн, терраса и «Милетские истории» на сон грядущий. Усадьба Катона, где он трудился над «Сельским хозяйством», превратилась в гостиницу, а мало-мальски пригодные для жилья сооружения брали в аренду даже во время памятного извержения Везувия. То есть 24 августа 79 года.

«Во владении (Familia Penates) Юлии Феликс, дочери Спурия, сдаются внаем: элегантная купальня для достойной публики, художественные мастерские на втором этаже, меблированные комнаты для проживания. При заключении договора на долгосрочный срок – гибкие скидки!» (Сейчас объявление Юлии Феликс хранится в Национальном археологическом музее в Неаполе, а разные курятники на побережье Неаполитанского залива – всё так же сдаются внаем!)

Какая-нибудь хижина рыбака надстраивалась и надстраивалась, и к восьмьсот тридцать третьему году от основания Рима трещала по швам от постояльцев. Случалось, чтобы попасть к себе в арендованный закуток среднего класса, отдыхающий был вынужден карабкаться на третий этаж по наружной лестнице. А если он вовремя не оплачивал аренду, предприимчивый хозяин вынимал деревянные ступени, и несчастный курортник со всем своим семейством не мог вернуться на землю для полноценного отдыха, покуда его не выкупят родственники. Тогда он спускал на веревке пустую корзину, и сердобольные граждане бросали туда всякую снедь, чтобы сиделец не помер с голода. «Марио! Марио! Лючия тебе прислала отличного вина!» – «Долгих ей лет жизни! Клади кувшин в корзину!»

Вот это был отдых так отдых! Актеры, музыканты, циркачи поддерживали атмосферу непрерывного праздника. Античный путешественник Страбон писал, что многие римляне находили удовольствие в подобном образе жизни и с радостью выбирали Кампанию для своего постоянного пристанища. Манерный Сенека пером бичевал разврат, публицистически возмущался, стилистически негодовал... («Песок без извести!» – так отозвался Калигула о его

сочинениях.) И скорее всего курортное веселье мешало великому просветителю сосредоточиться над «Моралиями». Был такой жанр в римской литературе, и ничуть не хуже «Сатирикона». Однако не надо думать, что автор «моралий» – это высоконравственный человек, а сочинитель «сатириконов» – низкопробная личность. Ведь зачастую все как раз наоборот! Вот и Сенека затыкал пальцами уши и отсылал из Кампании свои нравственные письма к Луцилию...

«Мы должны выбирать места, здоровые не только для тела, но и для нравов. Я не хотел бы жить среди палачей и точно так же не хочу жить среди кабаков. Какая нужда мне глядеть на пьяных, шатающихся вдоль берега, на пирушки в лодках, на Кумский залив, оглашаемый музыкой и пением, и на все прочее, чем жажда удовольствий, словно освободившись от законов, не только грешит, но и похваляется?! Мы должны бежать подальше от всего, чем возбуждаются пороки!»^[10]

Но уезжать никуда не торопился... Ведь, по сути дела, всякое человеческое восприятие – зеркально. И если вы видите в некоем тексте порнографию, то не спешите об этом распространяться, поскольку любое литературное произведение – это психологический тест. Говоря иначе – проективный метод исследования личности при помощи 12 специальных таблиц. И ваше «видение порнографии» может заинтересовать психиатрическую комиссию. «Вы хотите об этом поговорить?! Вы хотите об этом поговорить?!»

Беззаботную публику несколько не тревожили моралии Сенеки. Римляне не бежали прочь от соблазнов и удовольствий. Наоборот – обустроивались с удобствами и фантазией. Возводили дамбы, сооружали искусственные гавани, так что самые большие корабли могли причаливать к берегу без опасения. В окружающих горах кампанцы прокладывали тоннели, где на протяжении многих километров дорога была удобна для проезда.

Благодаря плодородию этих мест кампанцы жили богато. Здесь разливали по бочкам наилучшие италийские вина: фалернское, статанское, каленское. Плодородная земля давала до четырех урожаев в год, что обеспечило материально и предков, и потомков. В действительности, ехидничает Страбон, они дошли до такого сумасбродства от роскоши, что на ланч заказывали битву гладиаторов, а на ужин – выступление актеров. Когда кампанцы без утомительного боя сдались Ганнибалу и приняли его войско на зимние квартиры, то

настолько изнежили неприятельских солдат разными удовольствиями, что обалдевший Ганнибал получил обратно, по его же словам, не воинов, не мужчин, а капризных и избалованных женщин. Римляне, утвердив господство в Кампании, научили, как им показалось, местных жителей уму-разуму, но под конец разделили «печальную» участь воинов Ганнибала.

Случались в жизни кампанцев и неурядицы: землетрясения и наводнения. Как раз незадолго до исторической трагедии, а именно – в 63 году, предвестником извержения Везувия явилось землетрясение, которое частично разрушило Помпеи. Но все забывалось, реставрировалось и заново отстраивалось, и во времена Нерона грозный Везувий представлялся как «живописная гора, покрытая цветущими садами». Только плоская вершина его была совершенно бесплодна и пепельного цвета.

Мнение местных жителей: горючий материал у Везувия истощился, и огня больше не будет...

Грандиозный перформанс устроил в Кумском заливе император Гай Калигула. По словам Светония, это было зрелище «новое и невиданное дотоле». Ибо главный римский иллюзионист Калигула перекинул через залив мост длиной в три с половиной километра. Для этой акции он собрал отовсюду грузовые суда, построил на рейде двумя шеренгами и присыпал землей. А затем два дня разъезжал по этому мосту – взад и вперед, взад и вперед... В первый день – с маленьким щитом и мечом, а на следующий – с дубовым венком на голове. Правда, в Риме из-за нехватки судов для подвоза хлеба начался голод, но зато местные жители от души повеселились, глядя, как Калигула разъезжает по Кумскому заливу, да на лошадке...

Вообще-то, сдерживать всеобщее веселье вменялось в обязанности императорской гвардии. Эксперимент Нерона, который однажды удалил караул из театра, дабы «оградить воинов-ветеранов от театральной распушенности», вызывает умиление. Что же творилось на представлении аттической комедии, если сам «антихрист» сомневался – можно ли его преторианской гвардии, хоть и по долгу службы, находиться неподалеку от сцены? Дети кричали, женщины верещали, а иной раз какая-нибудь гетера пыталась выбраться на сцену, нагло заявляя, что она ничуть не хуже любой из актрис, а лучше! И в ответ сирийские танцовщицы, чтобы подтвердить свой

высокий профессионализм, скидывали одежды и отплясывали дальше в обнаженном виде... Необузданные выходки зрителей и споры между поклонниками того или иного актера, как свидетельствует Тацит, превращались в настоящие битвы. Он же пишет, что Нерон хотел проверить на практике, сможет ли народ соблюдать благопристойность после удаления стражи. Проверил. И от страха перед настоящими беспорядками вернул в театр воинские караулы.

Именно здесь, в римской Кампании, происходят события, описанные в романе «Сатирикон» Петрония Арбитра. И, по мнению некоторых исследователей, знаменитый «Обед Трималхиона» мог вполне состояться в Помпеях...

Подделка

Прага. Мрачное средневековье

В 1692 году французский лейтенант по фамилии Нодо дополнил латинский текст «Сатирикона» собственными вставками и опубликовал якобы полный текст романа, сославшись на рукопись, найденную в Праге...

Пани Вендулка дважды проваливалась в преисподнюю аки ведьма. В 1422 году и в 2002 году. О чем имелись официальные свидетельства.

«В лето <...> от Рождества Христова на площади у городской ратуши была замечена женщина, которая разжигала смуту с полного Божьего попущения. Она бродила по рынку и наводила свои порядки прямо под окнами магистрата и невзирая на близость законодательной власти. Эта дикая женщина выбирала кочан капусты, осматривала со всех сторон, бормотала какое-то древнее заклинание: „Каждый охотник желает знать, где сидит фазан“ – и перекладывала капусту на другое торговое место. После чего перемещалась в пространстве, снова брала кочан и катила по площади к следующему продавцу. Отчего меж крестьян на рынке происходила смута, поскольку каждый считал, что его кочан лучше. На вопрос – зачем она это делает, женщина отвечала, что перед Богом все равны – и кочаны, и кочерыжки. На вопрос – кто дал ей право судить людей, словно капусту – женщина отвечала презрительным смехом, в связи с чем и была заподозрена как ведьма. Схвачена и предъявлена инквизиции для идентификации...

Ей припомнили, что год назад произошло страшное градобитие – на двадцать восемь немецких миль, в какую сторону ни пойдешь от Праги. Она отвечала угрозами, что зовут ее Вендулкой, что град – это застывшие капли тумана, и если не развеется инквизиторский туман, то в голове у каждого члена трибунала произойдет не менее страшное градобитие, а уважаемые члены трибунала будут выглядеть в глазах потомков полными идиотами. Вследствие чего было установлено, что

она Вендулка признала себя виновной в наведении порчи на поля и огороды, но только в радиусе восемнадцати немецких миль, в какую сторону ни пойдешь от Праги. Праведный и компетентный суд под председательством Исидора Каморника, посоветовавшись, решил возложить ответственность за остальные десять немецких миль, подвергшихся градобитию, на кого-нибудь другого, дабы подчеркнуть свою объективность в данном процессе...

Далее подсудимой было предложено выбрать способ установления истины. Вендулка ответила, что дыба лучше всего стимулирует воображение, и если уважаемому трибуналу хочется выслушать исповедь ведьмы, то надо ее вздернуть. А если просто поболтать о прегрешениях – то достаточно взять ведьму за косу и основательно оттаскать. Суд счел возможным прислушаться к словам Вендулки, и для начала благочестивый Исидор Каморник, перекрестившись, самолично оттаскал подозреваемую за косу, после чего пришел в ясное расположение духа и видел свечение в дальнем конце зала, где проходило заседание трибунала. Страдающий близорукостью Исидор Каморник обратил внимание на это свечение слишком поздно – оно исчезло без должного объяснения, что было расценено как сокрытие важных улик при помощи бесовской силы, а она Вендулка была оттаскана за косу еще раз для общей пользы. После чего Исидор Каморник всецело положился на „Этимолог“ и стал расследовать дело Вендулки, опираясь локтями на эту книгу...»

Исидор Каморник. Скажи-ка мне, женщина... Тебя подвергли грамоте или ты заблуждаешься от природы?

Вендулка (нараспев). И да, и нет! И розы, и колючки!

Исидор Каморник. Как это может быть, бесовское отродье?! Отвечай по существу!

Вендулка. Грамоту знаю, а читать не могу.

Исидор Каморник. Брезгуешь, что ли?

Вендулка (хихикает). Прихожу в полное недоумение!

Исидор Каморник. А когда открываешь книгу, тебя корежит? Вот так... (Показывает.)

Вендулка. Нет, меня передергивает. Вот так... (Показывает.)

Исидор Каморник (в праведном гневе). Прикройся, ведьма! Ишь как тебя трясет! Ишь как тебя изгибает! И не думай, что можешь смутить меня разными похотливыми позами!

Вендулка (*невинно*). А вы, как я понимаю, большой знаток по части поз.

Исидор Каморник. Коз?!

Вендулка (*фыркает*). Можно сказать и так!

Исидор Каморник (*доверительно*). Да, ведьма! Мы тут повидали всякого, чего и присниться не может!

Вендулка (*уточняет*). В страшном эротическом сне?

Исидор Каморник (*из чувства противоречия*). В сомнамбулическом состоянии! (*И сам поражается своей образованности.*) О, как!

Секретарь. Как пишется слово «сомнамбулически»? Самном? Или сомнам?

Вендулка. Гномсам!

Исидор Каморник (*Вендулке*). А тебя не спрашивают! (*Секретарю.*) Пиши как получится! Для приговора все сгодится!

Секретарь (*что пишет, то и произносит*). Гном-сам-бу-лически!

Исидор Каморник (*Вендулке*). А ну-ка покажи еще – как тебя выворачивает...

Вендулка. Всегда пожалуйста! (*Снова показывает.*)

Исидор Каморник (*Секретарю*). Записывай... В ходе следствия обнаружено, что подозреваемая совершает телодвижения, подобно Лилит на Адаме.

Вендулка (*деловито*). Кто такая Лилит?

Исидор Каморник. Первая демонесса из женщин.

Вендулка (*заинтересованно*). Это было до Евы, или после, или все вместе?

Исидор Каморник (*осеняет себя крестным знаменем*). Это был неудачный эксперимент Господа! (*Снова осеняет себя крестным знаменем.*) Прости меня, Господи!

Секретарь. Как пишется слово «ревизионист»? Реви или риве?

Вендулка. Раббе!

Исидор Каморник (*Вендулке*). Чтоб тебе лопнуть! (*Секретарю.*) Откуда взялось это слово?

Секретарь (*смотрит в протокол*). После заявления о неудачном эксперименте сами знаете Кого. Вот тут у меня записано... (*Цитирует.*) Исидор Каморник – ревизионист!

Исидор Каморник (*Секретарю*). Я тебе сейчас устрою ревизию! Полную! Сколько выпито у Старого Эдгара, сколько пергаментов испорчено, сколько вдовушек обнадежено, сколько раз ты падал со стула во время судебного делопроизводства...

Секретарь. Все понял! Про Исидора Каморника ревизиониста – вычеркиваю! Прямо затмение какое-то на меня нашло! (*Рвет протоколы суда в клочья.*) И открылась мне Истина, и узрел я геенну огненну!

Исидор Каморник (*назидательно Секретарю*). Твоя истина слишком обременительна для наших налогоплательщиков. Вон сколько пергаментов изодрал...

Секретарь (*опасно раскачиваясь на стуле – «Скрип-скрип! Скрип-скрип!»*). Да я ради Истины отца родного не пожалею! Мне Истина дороже правды!

Секретарь суда внезапно падает на пол вместе со стулом.

Исидор Каморник. Доигрался.

Вендулка (*как всякая порядочная женщина, когда застолье превращается в пьяный дебош*). Ну, я пошла!

Исидор Каморник (*невозмутимо*). Иди.

Вендулка. Что? И ловить меня не будете?

Исидор Каморник (*невозмутимо*). А зачем? Через полчаса сердобольные граждане притащат тебя обратно. Чтоб ты не мучилась на свободе. Ибо! Место твое здесь, и мое – здесь, и пьяницы этого... Секретарь! Займите наконец свое место, как подобает!

Вендулка. Да он спит!

С пола доносится храп секретаря суда. Исидор Каморник, не покидая своего председательского места, швыряется в Секретаря разными канцелярскими принадлежностями.

Секретарь (*очнувшись, вскакивает с пола и тут же оглашает вердикт*). Виновна, ваша честь!

Исидор Каморник (*Секретарю*). Оставь мою честь в покое и не лезь поперек батьки со своими вердиктами!

Вендулка. Так это, получается, – сынок ваш?

Исидор Каморник. Мне, как лицу духовному, иметь ублюдков не полагается! Но приходится... Иначе какого дьявола я стал бы его терпеть?!

Секретарь (*уточняет*). За счет магистрата.

Исидор Каморник. Могучий дуб роняет на землю желуди, и желуди пожирают свиньи! Ибо все в этом мире укомплектовано Господом! Прах к праху, свинья к свинье! Но какой-нибудь завалящийся желудь, не замеченный свиньями, пускает корни и прорастает, как жалкое подобие могучего дуба! Кто виноват?! Свиньи! Неужто по воле Господа мне дадено такое потомство?!

Вендулка (*Исидору Каморнику*). А в чем заключался неудачный эксперимент? Сами знаете Кого.

Исидор Каморник (*охотно поясняет*). Изъян человеческого рода состоит в бинарности рода человеческого! Сам по себе мужчина был создан как существо абсолютно безгрешное. А в остальном каждой твари полагалось по паре. Льву – львица, орлу – орлица, и, чтобы поддержать вселенскую гармонию, к доброму человеку присовокупили изъян. Иначе говоря – женщину! (*Воздевает руки к потолку.*) Прости меня, Господи, ибо – не понимаю! За что?! За какие грехи мне было отпущено такое наказание?! Льву – львицу, орлу – орлицу, тигру – тигрицу... А мне – женщину.

Секретарь. У меня есть альтернативное предложение насчет вселенской гармонии!

Исидор Каморник (*подозрительно*). Какое?

Секретарь. Ларец на дереве, утка – в ларце, заяц – в утке, у зайца – яйцо...

Исидор Каморник. Дальше можешь не продолжать!

Вендулка. Выходит, я изначально виновата, потому что родилась женщиной?

Исидор Каморник. Априори! Априори! Ибо сказано, что все несчастья словно проснулись, как только появилась женщина. До этого времени счастливый Адам разгуливал по райскому саду голый, босый и никого не стеснялся... (*Открывает «Этимолог», находит нужное место, цитирует.*) «Тогда Бог создал Лилит, первую женщину, так же, как Он создал Адама, разве что использовал грязь и ил вместо чистого праха. Из союза Адама с этой демонессой и с другой, подобной ей, по имени Наамах, родился Асмодей и еще множество демонов, которые

до сих пор досаждают человечеству. Через много-много лет Лилит и Наамах пришли на суд Соломонов, скрывшись под обличем иерусалимских шлюх». (*Закрывает «Этимолог». Обращаясь к Вендулке.*) И теперь мы пытаемся выяснить – а вдруг ты сама Лилит, пришедшая к нам на суд с целью поглумиться над существующим делопроизводством... Поэтому прекрати на меня зыркать, аки дьявол, и отвечай на вопросы... Кто способствовал твоему образованию?

Вендулка. Мама и, как его, папа. Он поспособствовал и сгинул, а мама была обязана способствовать еще девять месяцев.

Секретарь (Вендулке). Полные имена родителей, пожалуйста! Мне для протокола...

Вендулка. По матери я Кшижикова. Что же касается отца, у него было три фамилии. Короткая – Этот Как Его. И длинная – Этот Как Его Что Ехал В Город И Остановился В Нашем Доме Переночевать. А третья фамилия моего отца – не для протокола. Потому что...

Исидор Каморник (орет). Прекратить безобразие! (*Вендулке.*) Я спрашивал – кто обучил тебя грамоте?

Вендулка. Можно сказать, что дядя.

Исидор Каморник. Ведьмы частенько называют черта своим родственником... Твой дядя такого же свойства?

Вендулка. Нет, он дядя наоборот... Служит Богу в монастыре Святого Галла.

Исидор Каморник (уточняет). Распевает псалмы или подсчитывает церковную выручку?

Вендулка (степенно). Дядя мой переписчик. И, может быть, «Этимолог», что на твоём столе, переписан его рукой.

Исидор Каморник. Ну, будем надеяться, что он человек прилежный и не наделал ошибок, когда переписывал «Этимолог».

Вендулка. А как это можно проверить?

Исидор Каморник. Никак. Ведь, если мы будем сличать мой «Этимолог» с другим «Этимологом», возникнут сомнения – какой из них истинный. Что повлечет за собой недоверие в подлинности обоих. И покуда мы будем искать первоисточник – всю веру изъест червь сомнения...

Вендулка. Судя по состоянию дел в монастырской библиотеке, многие рукописи и сейчас изъедены червями и пожеваны мышами. А лет через тридцать-пятьдесят и вовсе превратятся в труху.

Исидор Каморник. Ты предрекаешь?

Вендулка. Я уверена.

Исидор Каморник. Тогда перекрестись, потому что – все в руках Божьих. И если какой-нибудь рукописи предстоит превратиться в труху, значит, в ней содержится ересь, недостойная глаз человеческих!

Секретарь. И выходит, что я занимаюсь богоугодным делом! (*С яростью рвет протоколы суда.*)

Исидор Каморник (*Секретарю*). Полегче, сын мой, полегче! Не переусердствуй! Ибо сказано: заставь дурака – он всякому чучелу будет молиться!

Секретарь. Скупой платит дважды, а слепой – трижды!

Исидор Каморник. Дурацкое дело подшивай смело!

Секретарь. Не суди, да не встретишься с прокурором!

Исидор Каморник (*прикрикивает на Секретаря*). Хватит! (*Вендулке.*) На самом же деле – человеку достаточно только веры, а вера не нуждается в литературном переосмыслении! Ибо! Все книги произошли от «Этимолога».

Секретарь. А все писатели – от дьявола.

Исидор Каморник (*Секретарю*). Вот видишь, и у тебя бывают трезвые мысли.

Секретарь (*самодовольно соглашается*). Захаживают, захаживают!

Вендулка (*разводит руками*). Теперь понятно, почему говорят, что история всегда повторяется дважды... Один раз в виде отца, а другой раз – в виде его антипода.

Исидор Каморник. Да как ты смеешь, женщина в обличии Сатаны, пускаться в подобные рассуждения?! (*Быстро успокаивается.*) Однако вернемся к твоему дяде... Ты говорила, что это он, по воле дьявола, обучил тебя грамоте.

Вендулка. Почему именно дьявола?

Исидор Каморник. А каким же еще образом придет человеку в голову обучать женщину грамоте?

Вендулка. Ну, скажем, я не совсем обучена...

Исидор Каморник. Поясни, ведьма!

Вендулка. То есть буквы знаю, а что они означают – не ведаю. Ведь дядя мой – переписчик, а не толмач, вроде тебя. Вот я и переписывала...

Исидор Каморник. И слова Божьего не понимала?

Вендулка. К слову Божьему меня на двадцать восемь немецких миль не подпускали. Я переписывала латынь – дынь, бздынь!

Исидор Каморник. Что это значит – «дынь, бздынь»?

Вендулка. Понятия не имею! Для меня все слова – как листочки с прожилками. Перепишешь абзац – кустик, перепишешь страницу – дерево...

Исидор Каморник. И сколько же роц ты повырубила?

Вендулка. Много. Года три как я этим занималась. Только не думала, что запасаю дрова для инквизиции.

Исидор Каморник. Тогда говори без утайки – как выглядели книги, что ты переписывала?

Вендулка. Обыкновенно.

Исидор Каморник. Тогда рассказывай, что в этих книгах было написано!

Вендулка. Вы думаете уличить меня во лжи?! Я только могу воспроизвести по памяти некоторые места. Если уважаемый секретарь уступит мне место...

Секретарь. Да ради Бога.

Вендулка усаживается за стол секретаря и быстро пишет. Исидор Каморник встает со своего председательского места, подходит к Вендулке и читает вслух ею написанное.

Исидор Каморник. «ПАМЯТЬ У МЕНЯ ТАКАЯ ХОРОШАЯ, ЧТО Я СОБСТВЕННОЕ ИМЯ ЧАСТЕНЬКО ЗАБЫВАЮ. НА ПЕРВОЕ БЫЛА СВИНЬЯ, УВЕНЧАННАЯ КОЛБАСКАМИ, А КРУГОМ ЧУДЕСНО ИЗГОТОВЛЕННЫЕ ПОТРОХА. НА ВТОРОЕ – МЯГКИЙ СЫР, МОРС, ПО УЛИТКЕ НА БРАТА, ПЕЧЕНКА, ЯЙЦА В ГАРНИРЕ, РУБЛЕННЫЕ КИШКИ, ГОРЧИЦА И ВИНЕГРЕТ...»^[11]

Вендулка. А я-то мучилась, когда переписывала! Все думала – почему мне так есть хочется?!

Исидор Каморник. Иначе говоря, дьявольское создание, ты не можешь нам пояснить – откуда взялся этот отрывок?! Из какой книги?! Кто автор этой ереси и что сие означает?!

Вендулка. Нет!

Исидор Каморник. А на дыбе?!

Вендулка. Могу пофантазировать, но к истине это нас не приблизит.

Исидор Каморник. Практика показывает обратное... *(Отходит от Вендулки и снова занимает свое председательское место на кафедре. Задушевно.)* Как-то ранней весной две ведьмы мне заявили, что ели младенцев с репой! И были уличены во лжи, поскольку репа в тот год еще не уродилась! Тогда на дыбе они сознались, что овощи у них остались от прежнего урожая!

Секретарь. Да на какой дыбе-то?! Если у нас только два членовредительских приспособления! Вот этот стул – на котором я сижу, и вот этот стол – за которым я прозябаю!

Вендулка. Так я нахожусь под пытками?! Как мило. *(Качается на стуле – «Скрип-скрип! Скрип-скрип!».)*

Исидор Каморник. Ну, словом – я вас проинформировал! Мы, инквизиторы, ради установления истины – ничем не побрезгуем!

Секретарь *(передразнивает)*. Мы... инквизиторы...

Исидор Каморник *(к Вендулке, не обращая внимания на реплику Секретаря)*. Поэтому, если ты, ведьма, переписывала книги с целью разжечь в себе сладострастие – это дыба. А если с интересом, то – сразу же на костер!

Вендулка. Я по возможности переписывала со старанием. Но должна вам признаться, что некоторые места – пропускала...

Исидор Каморник. Какие именно? Кайся, кайся, ведьма, да поподробнее!

Вендулка. Могу нарисовать!

Вендулка пишет, Секретарь зачитывает.

Секретарь. «ЗА ЭТИМ ПРОЯВЛЕНИЕМ ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЯ ПОСЛЕДОВАЛИ ТАКИЕ ЛАКОМСТВА, ЧТО – ВЕРЬТЕ НЕ ВЕРЬТЕ – МНЕ И ТЕПЕРЬ, ПРИ ВОСПОМИНАНИИ, ДУРНО ДЕЛАЕТСЯ. ИБО ВМЕСТО ДРОЗДОВ НАС ОБНОСИЛИ ЖИРНОЙ ПУЛЯРДОЙ И ГУСИНЫМИ ЯЙЦАМИ В ГАРНИРЕ, ПРИЧЕМ ТРИМАЛХИОН ВАЖНЫМ ТОНОМ ПРОСИЛ НАС ЕСТЬ, ГОВОРЯ, ЧТО ИЗ КУР ВЫНУТЫ ВСЕ КОСТИ...»

Исидор Каморник *(Вендулке)*. И по каким же соображениям ты пропустила этот отрывок?

Секретарь. Мне кажется, надо сделать обеденный перерыв!

АНТРАКТ,

во время которого Исидор Каморник перемещается за стол секретаря, Вендулка – на авансцену, а Секретарь – на председательскую кафедру. Зрители остаются на своих местах.

Вендулка (в ритме монолога). Этот отрывок мне показался слишком длинным, вдобавок в тот день я плохо себя чувствовала, а дядя...

Секретарь (с интонациями Понтия Пилата). Оставим на время твоего дядю... Сперва мы расследуем, кто этот Трималхион, о котором упоминается в книге. Не было ли в монастыре послушника или монаха со сходным именем?

Вендулка. Может, и был, да только меня в монастырь не пускали. Я со своими юбками находилась в деревне поблизости. Там и переписывала все, что приносил дядя...

Секретарь. Да бес с ним, с твоим дядей! Хотя скажи-ка – может быть, поминал твой дядя Трималхиона, когда спотыкался?

Вендулка. Нет, твою мать, то есть ваша честь, Антихриста поминал, был такой грех! Однажды ему прищемило дверью указательный палец, так дядя беспрестанно его поминал! И черта, и дьявола, покуда дверь не открыли. А чтобы Трималхиона – не припомню...

Секретарь. Тогда послушай меня, ведьма... Этот Трималхион – второе имя Антихриста!

Вендулка. Можно перекреститься?

Секретарь. Зря смеешься! Ведь в переводе с древнегреческого имя «Трималхион» означает «трижды противный»!

Вендулка. И что из того?

Секретарь (Исидору Каморнику). Ты все записываешь?

Исидор Каморник (секретарю). Все как по нотам! Не извольте беспокоиться!

Секретарь (Вендулке). Так слушай дальше... Ибо названо Число Зверя в Апокалипсисе, и суть ему – три шестерки. Это и есть трижды

противный – Трималхион! Вот какими черными книгами занимался твой дядя, и место ему в аду!

Вендулка. Можно перекреститься снова?

Секретарь. Можно-можно... Что ж ты не крестишься? А?! Рука не поднимается?!

Вендулка со страшным визгом срывает с себя одежду и в одном исподнем проваливается в преисподнюю.

Исидор Каморник (Секретарю). Что будем делать? Может, скажем, что подсудимая выбросилась из окна?

Секретарь. Записывай...

Секретарь надиктовывает, а Исидор Каморник прилежно записывает.

АДАМ И ЕГО ПЕРВАЯ ЖЕНА – ВЕНДУЛКА – НИКАК НЕ МОГЛИ УЖИТЬСЯ ДРУГ С ДРУГОМ... «ПОЧЕМУ Я ДОЛЖНА ЛЕЖАТЬ ПОД ТОБОЙ? – СПРАШИВАЛА ОНА. – МЕНЯ ТОЖЕ СОЗДАЛИ ИЗ ПРАХА, ПОЭТОМУ Я РОВНЯ ТЕБЕ». КОГДА ЖЕ АДАМ ПОПРОБОВАЛ СИЛОЙ ДОБИТЬСЯ ОТ НЕЕ ПОСЛУШАНИЯ, ВЕНДУЛКА В ЯРОСТИ ПРОИЗНЕСЛА ТАЙНОЕ ИМЯ СОЗДАТЕЛЯ, ВЗЛЕТЕЛА В НЕБО И ИСЧЕЗЛА...

Двенадцать фактов XII

Щёчка, щёчка, сколько нас?^[12]

Петроний Арбитр. Сатирикон.

Обед Трималхиона

Факт первый. От романа Петрония современным читателям достались только отрывки. Данное обстоятельство придает роману «Сатирикон» характер сатуры,^[13] причем в большей степени, чем вставные фрагменты в стихах и прозе.

Факт второй. Как пишет Тацит: «Расставаясь с жизнью, Петроний не касался важных предметов, и от друзей он не слышал рассуждений о бессмертии души, но они пели ему шуточные песни и читали легкомысленные стихи».

Факт третий. Мы реставрируем «Обед» аналогичным образом, поименно (*nominatim*) перечисляя всех «распутников и распутниц», принимавших активное участие в застолье.

Факт четвертый. «Ну и как тебе наш сюжет?» – осторожно спросил Густав Шкрета. «Согласен, – ответил я. – И теперь у вас есть идея! Образ, Писатель и его Подobie. Евангелие об Йиржи Геллере...»

Факт пятый. Все это хорошо, однако есть еще Автор реставрации, что нависает над романом в роли Саваофа и отправляет письма по электронной почте другу своему, Александру. Явление Автора у нас запланировано в главе под названием «Жульен».

Факт шестой. Образ Трималхиона выдержан в строгих, канонических традициях (см.: Петроний «Сатирикон»).

Факт седьмой. Личность Вендулки независима от эпохи и проявляется при каждом удобном случае. По всей вероятности, это одна и та же Вендулка, возможно, сама Лилит или кто-нибудь из ее ближайших родственниц.

Факт восьмой. Смерть Густава Шкреты обставлена весьма художественными подробностями. В частности, клеймо «Петроний

Арбитр» на лбу у покойного, что характерно для всякой литературной мистификации.

Факт девятый. Не верьте Писателю! Он все равно вас обманет!

Факт десятый. В одном купе ехало шесть пассажиров: Янка в чулках, Анита в брючном костюме, неизвестный товарищ возле окна, дамочка с иллюстрированным журналом, Густав Шкрета, якобы сводный брат Йиржи Геллера из Тюрингии, а также странный господин, что согласился стать Йиржи Геллером... И скорее всего это не детектив, а натуральное издевательство.

Факт одиннадцатый. Писателя в состоянии алкогольного опьянения похищает некая дама и сажает его под замок. Кому, извините, нужен такой писатель? Но обратите внимание на эпиграф самой первой главы романа: «Две девушки и мужчина заняты какой-то литературной работой: девушки рассматривают папирус, у мужчины в руках таблички для письма...»

Факт двенадцатый. Автор реставрации готов доказать, что все предыдущие события серьезным образом взаимосвязаны.

Глава первая

«Аперитив»

Именно потому, я думаю, и выходят дети из школ дураки дураками, что ничего жизненного, обычного они там не видят и не слышат, а только и узнают, что рассказы про пиратов, торчащих с цепями на морском берегу, про тиранов, подписывающих указы с повелением детям обезглавить собственных отцов, да про дев, приносимых в жертву целыми тройками, а то и больше, по слову оракула, во избавление от чумы...

Петроний Арбитр. Сатирикон

Меня интересовали фотографические открытки. В детстве я коллекционировал марки. В период полового созревания мне было на все наплевать, кроме прыщей на собственной морде. В двадцатилетнем возрасте, после того как я начитался Набокова, меня занимали бабочки. Но, побегав с сачком по полю день или два, я пришел к неутешительному для себя выводу, что на бабочек мне тоже наплевать и пусть за ними гоняется Набоков, раз ему так хочется. Потому что на нашем поле водились однообразные маленькие дуры, а не бабочки. И проще было разводить в доме моль, чем коллекционировать крапивниц, рискуя сломать себе шею в какой-нибудь канаве. Не знаю – что стимулировало творчество Набокова, и если – нашпиливание бабочек «на кол», то его творчество мне несимпатично. Хотя понятно, что все славянские авторы немного сумасшедшие. А если они нормальные, то это и не авторы. Во всяком случае – не славянские. Ну, да и бог с ними – «коллекционера» в понимании Фаулза и Набокова из меня не получилось. Поскольку я никак не мог проткнуть хотя бы одну бабочку иголкой. Вот вставлять запятые и дефисы где ни попадя – моя слабость. А чтобы загнать кому-нибудь в задницу металлический стержень – увольте меня, бога ради, от подобной литературы!

Но вернемся к моим увлечениям. Я собирал старинные эротические открытки начала двадцатого века. Когда мыслительные процессы – как извлечь из девушки пользу при помощи фотоаппарата и вспышки – только зарождались. Не ведаю, что на первых порах занимало меня больше. Несовременные позы тех девушек, рассчитанные на восприятие тех юношей, или ажурные чулочки, приспущенные для завлечения галантерейщиков и буржуа. Вдобавок я умилялся, глядя на антикварные комодики, которые так нежно обнимали пожелтевшие от времени кокетки. И всевозможные ломберные столики не оставляли меня в равнодушии. То есть старинные девушки с мебелью пробуждали во мне низменно-исторические чувства...

Тут мне вспоминается один случай, когда я присутствовал на лекции о иератическом письме. Собственно говоря, ничего особенного, а всего лишь – форма древнеегипетской письменности. Однако после двухчасовой лекции к профессору подошел молодой человек и выразил ему свое удивление. «Я не понимаю, – поведал он, – что эротического вы находите в древних иероглифах?!» Так вот... Мой интерес к фотографическим открыткам строился на бытовых подробностях. Как сложилась жизнь этой девушки и ее ломберного столика? Облупившийся лак на ножке и завлекательно приспущенный чулок давали мне моральное оправдание покопаться в их личной жизни. Эстетика – вещь коварная, и если столик, подточенный жучками, все же позволял задуматься о сущности и формах прекрасного, то девушку требовалось тщательно отлакировать. То есть восстановить эротический интерес к данному изображению. Довольно странная реставрация, не правда ли? Но именно из-за этого низменно-исторического чувства беломраморные статуи, выставленные в Лувре исключительно для изучения пропорций, начинали вдруг мне фривольно подмигивать, невзирая на отбитые христианскими вандалами органы и части...

Здесь, как мне кажется, необходимо дополнить картину фарисейского усердия вандалов. Некая статуя «афродиты», по мнению лицемеров, представляла собой возмутительный образец древнегреческого искусства. У этой статуи вместо антично-аскетичного лобка была кучерявая порнография с живописно-лохматыми завитушками. Такая жизненная подробность не украшала

беломраморного истукана, и к дьяволу летела вся концепция искусственного оплодотворения римлян. Тогда средневековые мастера тщательным образом отшлифовали лобок «афродите». Отчего вышеназванная конструкция стала выглядеть только фривольнее. Во всяком случае, это потертое место сразу бросалось в глаза со значительного расстояния! Само собой разумеется, что не в буквальном смысле, а фигурально выражаясь.

А как вам понравится, что в Эрмитаже все «подозрительные» римские вазочки запиханы на верхние полки. Как будто директор музея, господин Пи, сам их разрисовывал, а потом неожиданным образом застеснялся. Мне приходилось неоднократно подпрыгивать с целью разглядеть из принципа, что же на этих вазочках изображено. И к большому неудовольствию престарелых смотрительниц, которые расценивали мои телодвижения как отвратительные танцы козлоногого Пана. «Молодой человек! Ведите себя прилично!» За исключением одного случая, когда молоденькая сотрудница Эрмитажа вызвалась мне помочь. Но к сожалению, девушка оказалась довольно subtilной, и вместо того чтобы меня поднять, она предложила всего лишь пересказать увиденное. «Ой-ой-ой!» – сообщила мне девушка, когда я присел, энергично раздвинул ей ноги, засунул туда свою голову и выпрямился... Теперь сотрудница Эрмитажа сидела у меня на шее и с удовольствием озиралась. «Ой-ой-ой!» – повторила она, когда разглядела изображения на римских вазочках. Хорошо, что нас не застукал за этим занятием директор музея, а именно – уважаемый господин Пи. Вероятно, он тоже сказал бы: «Ой-ой-ой!» Хотя, если честно, я только пропагандировал античное искусство.

Еще в Эрмитаже на довольно приличном уровне, то есть ниже моего пояса, выставлен для всеобщего обозрения греческий «килик», то есть плоская чаша, расписанная изнутри. Не знаю, по каким критериям русские искусствоведы отбирают и запихивают римские вазы на верхние полки, только роспись на греческом килике самая откровенная: «Гетера с двумя фаллами». Правда, в современном звучании эти мужские предметы больше известны как «фаллосы», но надеюсь, что суть остается прежней...

Как только встала из мрака младая с перстами пурпурными
Эос,

Двое любовников сразу пришли к Феллиниде!^[14]

Простите, увлекся... Так вот, я думаю, что килик с гетерой выставлен в Эрмитаже как своеобразный урок нравственности. Ибо не то порнография, что ты видишь, а то – как на тебе это отражается! Хотя я не совсем догадываюсь – как объясняют русским детям назначение предметов, что в обеих руках у гетеры. Конечно, на первый взгляд, она исполняет «Танец с саблями» Хачатуряна, но на второй взгляд – я рефлекторно начинаю подпрыгивать...

Естественно, вы можете у меня спросить – почему при обилии военно-архитектурной тематики я интересуюсь римско-греческим непотребством? Высматриваю вазочки безнравственного содержания, вместо того чтобы открыто восхищаться классическими пропорциями. Я восхищаюсь! И если с официальной частью у нас покончено, то, с вашего позволения, я продолжу...

Я догадываюсь, что общество и хозяйство, например в Римской империи, не строились преимущественно на сексуальных отношениях. Тогда давайте выделим эту мысль и присобачим Венере Милосской прядильный станок. Все равно неизвестно, в какую сторону у нее были загнуты руки. А прядение шерсти в домашних условиях олицетворяло для римлян чистоту женских помыслов. Конечно, я сомневаюсь, что с этими целями была изготовлена прославленная статуя, зато «при станке» Венера будет выглядеть приличнее, и даже оголенный торс подчеркнет трудолюбие римской пряжи, которая в жаркий день запарилась на работе и поэтому слегка приобнажилась. Аллюзия достаточно глупая, но не хуже попыток запрятать на верхние полки сомнительные горшочки с целью нравственного воспитания (и физического развития). Поэтому я могу себе представить – о чем таком размышлял средневековый «реставратор», работая над лобком «афродиты»! Однако он, в свою очередь, заботился обо мне, думая – как бы побольше отбить жизненно важных органов у античных статуй.

Мне же конкретно все равно – чем предосудительным занималось «древо хомо сапиенсов». Осуждать людей разумных не моя епархия. Но лицемерная забота каких-то придурков о моей нравственности провоцирует меня на бóльшие безобразия, чем те, к которым я был предрасположен от природы. Вдобавок и у нормальных людей

создается впечатление, что древние римляне и греки в какой-то момент «остатуились», словно на них посмотрела Медуза Горгона. Жили-были – и замерли за сочинением нравственных писем к Луцилию и Цицерону. И уместно предположить, что будущие исследователи, глядя на бесполые манекены в магазинах одежды, станут реконструировать нашу жизнь аналогичным образом. Как жизнь манекенов...

«В настоящее время манекен перестает быть просто вешалкой для одежды. Благодаря специально нанесенному макияжу наши манекены практически не отличаются от реальных образов. Позы манекенов передают естественные движения людей в реальной жизни. Сборно-разборная конструкция моделей и надежная опорная подставка позволяют установить манекен в любом месте. С этими манекенами покупатель при выборе той или иной модели одежды чувствует себя комфортно и раскрепощенно...»^[15]

Разрешите представиться: Густав Шкрета – манекен мужской; произведен в Праге; рост средний; цвет телесный; возраст сорок два года; специального макияжа нет; сохранность приемлемая. Интересуюсь открытками с кисейными барышнями начала двадцатого века...

В Праге великое множество всяких антикварных и букинистических лавок, но каждый коллекционер со временем выбирает себе определенный маршрут и не бегаёт, аки савраска, по всему городу. Где-то понравится продавец, где-то атмосфера, а где-то отыщется редкая книга или вещь, и вы будете посещать эту лавочку регулярно, в расчете на подобную удачу... У меня было три таких места, о подробных адресах – умолчу. И вот однажды в лавке букиниста, которая устраивала меня по всем показателям – продавец, атмосфера и выбор, я разглядывал только что приобретенную фотографическую открытку...

Крошка Фифи – лучшие воспоминания!

Спальна улица, дом четырнадцать...

Судя по всему, открытка была изготовлена не позже тридцатого года прошлого века. Мне не пришлось обращаться в реставрационные мастерские за консультацией и ждать результатов радионуклидного анализа, потому что на моей открытке имелась дата – 1930. Именно в этом году «Крошка Фифи» облюбовала канapé, чтобы увековечить себя на фотографии. Я поблагодарил букиниста и вышел из лавки в чудесном расположении духа. Спальна улица была в двух кварталах отсюда, погода хорошая...

«Почему бы не навестить Крошку Фифи или то, что от нее осталось?» – подумал я и отправился на поиски дома номер четырнадцать.

В Старом городе ничего не менялось лет триста. Собственно говоря, в этом и заключается мистика Праги – довольно легко представить себе пражского Голема с кружкой для подаваний. «Пожертвуйте что-нибудь на собор Святого Витта и будете избавлены от пляски святого Витта!» Впрочем, я неоднократно замечал, что люди склонны врать по поводу своих фантазий. Они заполняют страницы книг подробными отчетами, как в летний душный вечер им привиделся на дороге Кафка. Еще охотнее им представляется коллективный призрак – Ярослав Гашек под руку с бравым Швейком. На двадцати, на тридцати, на ста сорока страницах. Как Гашек и Швейк гуляют по узким улочкам Праги, вроде бродячих собак, по пешеходному маршруту номер три для туристов, посещающих Старый город с мини-разговорником. А далее следует непременно описание черепичных крыш, которые «заливаются румянцем на утренней заре» и никак не обрушатся на головы графоманов.

Эти литературные фантазии вызывают во мне только чувство собственной неполноценности. Потому что готические и мистические образы Старой Праги предпочитают со мной не сталкиваться в темных переулках. Кстати, у них хорошо поставлена служба контрразведки, и когда я выхожу погулять, то ничего аномального не встречаю... Вот пробежала собака с шелковым платком на шее, вот пролетела ворона с облигацией в клюве, а вот и дом номер четырнадцать по улице Спальна...

Я вытащил из кармана «эротическую» открытку и снова принялся ее исследовать. На предмет – что мы здесь видим, кроме отчаянно декольтированной Крошки. Канapé, пальма, абажур... Фифи

увековечила себя возле окна, в котором отпечатался дом напротив, со специфически декорированным фасадом. Я бы не взялся определить архитектурный стиль этого дома, поскольку «декор» и «декольте» – разные вещи. Но для себя отметил, что это, должно быть, «полуодетое рококо», и судя по некоторым оригинальным «завитушкам» – первой половины восемнадцатого века. На фотографии виднелась часть балкона, который сохранился до нашего времени, и если провести от него параллельную линию, то окна Фифи находились на уровне третьего этажа...

Но дом напротив отягощали собой два балкона, что было, наверное, архитектурно обоснованно, однако вносило сумятицу в рекогносцировку. Тогда я принялся бегать по улице и прицеливаться на обе постройки с разных позиций, покуда не понял, что второй балкон смотрит на дом номер шестнадцать, мне глубоко чуждый. А ретроспективная квартира находится в правом крыле дома номер четырнадцать.

Мне оставалось пойти и постоять у дверей, потому что на чай с пирожными я не рассчитывал. Мало какому хозяину или хозяйке придется по вкусу история, что некогда тут был бордель, а дорогая прабабушка лежала на канаве и развлекала посетителей. Но стоило попытаться, хотя бы из принципа, попасть в квартиру, устроить вечер воспоминаний, посмотреть семейный альбом с фотографиями... И, размышляя, что надо бы обратиться к врачу – пусть проверяет, какая собака меня укусила, я тем не менее подошел к парадной, изучил список жильцов и выбрал кнопку, чтобы вступить в диалог с переговорным устройством. Но диалога не получилось...

– Проходите! – тут же отозвалось устройство мужским голосом, и дверь в парадную открылась.

Тогда я ступил за порог, вызвал пассажирский лифт и стал подниматься для заключительного этапа реконструкции. На площадке третьего этажа меня поджидал господин в домашнем халате с вензелем из причудливо перевитых букв. Мне показалось, что я разглядел J и G.

– Guntag!^[16] – поздоровался этот господин.

Характерная манера проглатывать некие гласные и согласные выдавала в нем уроженца Тюрингии.

– Вы немец? – все-таки уточнил я.

Он рассмеялся.

– Итальянец? – не унимался я.

Он отрицательно покачал головой.

– Француз?!

– А вы к кому? – спросил тогда господин по-чешски и приветливо улыбнулся, как психоаналитик.

Не знаю вдруг почему, но мне захотелось выложить ему всю правду – как в трехлетнем возрасте я пробовал есть уголь. Наверное, витаминов не хватало. Но я не нашел ничего лучшего, как спросить:

– Простите, Фифи дома?

После чего я был готов сказать: «Fiedersehen!»,^[17] глотая гласные и согласные, как это принято в Тюрингии, и учтиво откланяться, бормоча, что, по всей вероятности, я ошибся адресом.

Но господин с инициалами J и G указал мне на распахнутую дверь в свою квартиру и скорее всего по-польски сказал:

– Прóшу, пана!

После этого утверждать, что я все равно ошибся, было бы глупо. Вдобавок у меня возникала редкая возможность увидеть квартиру, а может, и канапе, на котором Фифи позировала неизвестному фотографу. И единственное, что меня настораживало, так это встреча с самой Фифи, будь она в баночке или инвалидном кресле. Я все-таки неплохо отношусь к женскому полу, чтобы сравнивать живописное полотно с подрамником и злорадствовать, глядя на «графские руины». Как говорила одна моя приятельница другой приятельнице: «Через двадцать лет ему исполнится шестьдесят, а ты никому не будешь нужна!» Ко всему прочему, мне предстояло сделать выбор в пользу какого-нибудь инициала, чтобы избежать двусмысленности по поводу господина. Какую дать ему характеристику – J или G? И, слегка пораскинув мозгами, я выбрал...

– А какого возраста «фифи» вас интересуют? – между прочим спросил господин G.

Такой незатейливый вопрос органично вписывался в мои размышления, хотя не совсем уверен, что в исполнении господина G слово «фифи» значило имя.

– Двадцатилетнего, – без запинки ответил я. – Ну, в крайнем случае, лет двадцати пяти...

– Пикантный возраст, – согласился со мной господин G. – Но исключительно как приправа к винегрету.

Я тоже мастер больших и малых силлогизмов, а также – аллегорий, намеков и недомолвок. Поэтому решил уточнить.

– Мы говорим о чем? – нахмурился я.

– О девушках, – пояснил господин G. – Надо взять все, что осталось от бабушки и прабабушки, мелко нарезать, заправить свежим майонезом и перемешать.

– И что получится?

– Бомба! – доверительно сообщил господин G. – По правде сказать, нередко выходит просто двадцатилетняя кобыла, но сейчас не о ней речь...

– У вас интересная кулинарная книга, – заметил я. – А вы действительно полагаете, что всякая женщина – это ядерная смесь?

– Адская! Адская! – подтвердил он. – Но далеко не всякая. Потому что у женщин было две прародительницы – Ева и Лилит! И теперь их можно оценивать только в сочетании с Адамом. А сама по себе женщина в этой области никак не проявляется, и нельзя сказать наверняка, от какой она бестии произошла. Лилит или Ева? Ева или Лилит? Покуда женщина не встретится с Адамом и не испортит ему жизнь весьма характерным способом.

– Но... – задумался я. – Обязательно испортит?

– Вы истинный потомок Адама! – рассмеялся господин G. – Нельзя так серьезно относиться к чужим словам! Дай бог, чтобы вам встретилась Ева, не то Лилит накрутит из вас веревки!

– Лучше две Евы, – пожелал я и решительно переменял тему, чтобы не углубляться, сколько Ев для мужчины самое лучшее. – Ну, хорошо, я праправнук Адама... А вы в таком случае от кого произошли?

– Вопрос на засыпку? – снова рассмеялся господин G. – По типу, что вы делали до революции?! Отвечаю... Я прямой потомок библейского Змея, который обитал на яблоне и зачем-то соблазнил Еву. Наверно, от безответного чувства к Лилит...

– Скорее всего, Лилит не любила яблок, – вставил я.

– Возможно, – усмехнулся господин G. – Но это грустная и печальная история, и я тоже не хочу углубляться...

Его родословная меня не удивила – каждый стремится хоть как-то выделиться из общего числа «хомо сапиенсов». А вот манера отвечать словами на мои мысли произвела большое впечатление.

– Проходите в гостиную, присаживайтесь, – меж тем произнес он.

Я сразу узнал эту комнату, потому что все выглядело как на фотографии. Канаве стояло на своем обычном месте, а за окном виднелся дом напротив со своим балконом.

– А теперь показывайте фотографию, – спокойно предложил господин G.

Это уже не вписывалось ни в какие логические построения. Я мог допустить, что чертово канаве было намертво прикручено здесь от сотворения мира, но каким сверхъестественным образом господин G догадался о фотокарточке в моем кармане?!

– Нет ничего проще! – рассмеялся он, видя мое изумление. – Я, конечно, и дальше мог бы интриговать, но дальше некуда...

А я был готов поверить в мистическую Прагу и призрак Кафки.

– Вы любите в это время хороший коньяк? – спросил господин G. – Хотя, – он оборотился к импровизированному бару, – хороший коньяк полезен в любое время суток. Особенно в вашем состоянии...

Я молча с ним согласился, то есть кивнул, а затем предъявил фотографию Фифи для опознания.

– Ага! – воскликнул господин G, бегло взглянув на мою открытку. – Блондинка! А значит, с коньяком я несколько поторопился... Под блондинку рекомендуется пить шампанское. Но, – господин G на секунду задумался, – я предлагаю пренебречь такими формальностями.

Я снова кивнул в знак согласия.

– Дело в том, – поведал господин G, когда мы выпили по рюмке действительно хорошего коньяка и господин G налил по новой, – дело в том, что существует несколько фотографий Крошки Фифи на канаве. Более того, все эти «фифи» – совершенно разные. У меня – брюнетка, у вас – блондинка. Разумеется, есть и рыженькая, да только на черно-белой фотографии этот окрас теряется. И вы далеко не первый, кто интересуется Крошкой Фифи...

Я мысленно перебрал всех знакомых филокартистов и каждому отпустил нелестный эпитет.

– Да-да, – подтвердил господин G. – Вы не первый! Я появился здесь раньше на целых три месяца и собрал неплохую коллекцию. Арендывал квартиру и, можно сказать, имею исключительные права на образ Фифи в этих интерьерах. Крошка Фифи на канаве, Крошка

Фифи в будуаре, Крошка Фифи у ломберного столика. Впрочем, у меня есть и письменный договор со всеми «фифи», подкрепленный разнообразными женскими ругательствами. «Чтоб ты сдох, старый сквалыга!», «Чтоб тебе пусто было!» и «Чтоб тебе черти платили столько же!». А это, как вы сами понимаете, не шуточки, а юридически грамотно составленный документ!

– Тогда позвольте предложить тост, – подытожил я. – За ваше здоровье!

– Спасибо! – с благодарностью отозвался господин G. – С такими договорами оно мне действительно пригодится!

Мы снова выпили, и теперь подошло время для более детального знакомства.

– А с кем, извините, имею дело? – осведомился я.

– Да дел-то еще никаких нет, – заметил господин G, поставил свою пустую рюмку на стол и отрекомендовался: – Йиржи Геллер.

Я полагаю, что дьяволы и шпионы должны обладать неприметной внешностью, чтобы легко затеряться в толпе и без труда втереться в доверие. Йиржи Геллер имел все задатки неуловимого Джона и мог развезжать по пригороду и предлагать товары по каталогу без риска, что его опознают и покусают собаки. Иначе говоря, он выглядел как заурядный коммивояжер, который не брезгует застраховать бездомного от пожара. Посредственные художники стремятся нарисовать дьявола с рогами и прочими неприятными атрибутами. Да кто же с таким чудовищем подпишет хоть какой-нибудь договор?

– Предлагаю выпить еще для закрепления знакомства, – сказал Йиржи Геллер. – Вы не против?

Я только развел руками, мол, после первой и второй мало кто против третьей рюмочки, разве что – отъявленный негодяй. И тут спохватился, что до сих пор не представился.

– Густав Шкрета! – отрекомендовался я.

– Конечно-конечно, – успокоил меня Йиржи Геллер, разливая коньяк по рюмочкам. – Густав Шкрета... Это псевдоним?

Я не сразу нашелся что ответить.

– Почему вы так думаете? – удивился я.

– Ну, всякое бывает... – улыбнулся он. – Скажем, вы родились чехом, а хотите стать шведом или итальянцем по эстетическим соображениям. Вам не подходит культурная прослойка из Яна Жижки

и Швейка, а ближе, например, Чиполлино и Гарибальди. Что прикажете делать?! Когда отечественные читатели вас не понимают, а в писателях вы не находите ничего созвучного. Самый простой выход из создавшегося положения – это взять себе итальянский псевдоним и перейти в другую литературную ипостась. Отринуть Ярослава Гашека и прочие национальные традиции. Например, не пить пива!

– Ну, это вы слишком! – вставил я.

– Или, – продолжал Йиржи Геллер, не обращая внимания на мою реплику, – вам просто не нравится фамилия «Шкрета». Да что это за фамилия, я вас спрашиваю?! Что она отражает?! Если прабабушка вышла замуж во второй раз, а бабушка – в третий, и новую фамилию дали маленькому ребенку, а тот, когда вырос, в знак протеста взял и женился на вашей матери, и в результате у вас образовалась фамилия, которая вообще непонятно откуда взялась. Можно ее носить, а можно выбрать из телефонной книги, разницы никакой, если ваша фамилия не Рокфеллер...

Эту речь Йиржи Геллер обрушил на меня скороговоркой, из чего я сделал вывод, что речь долго копилась на кончике языка и теперь сошла, как лавина.

– Меня назвали Густавом в честь деда, – важно пояснил я. – А Шкреты жили на берегах Влтавы еще до прихода римлян.

– Вот и чудненько! – воскликнул Йиржи Геллер. – Давайте выпьем за вашу уважаемую фамилию, которая не подвержена инфляции и девальвации.

Мы выпили.

– Я что-то не понял, – скривился я, закусывая лимоном. – Вас не устраивает собственная фамилия?

– Только в связи с переходом на евроценты! – подтвердил Йиржи Геллер. – Я начинаю задумываться, а не сменить ли мне фамилию, чтобы стать, скажем, Йиржи Обсценным. Или Йиржи Евро.

– Если вам по душе такая эмиссия, – дипломатично заметил я, – думаю, Европарламент не будет против. Вдобавок евро на два порядка солиднее геллера, а то и больше. Что же касается Йиржи Обсценного – я тоже переживаю о кроне. И как адекватная реакция на единую европейскую валюту Йиржи Обсценный вполне уместен.

– А помните, – подхватил Йиржи Геллер, – как мы по курсу меняли кроны на талеры, франки на фунты, гульдены на рубли?

Помните, с каким интересом рассматривали иностранные монетки?

– Не помню, – ответил я. – Но все равно спасибо!

– А что теперь предлагать французу, немцу и австрияку?! – не унимался Йиржи Геллер. – Банальные тридцать сребреников?! А как же национальная специфика?!

– Прямо в душу наплевали! – согласился я, допивая очередную рюмочку. – А сколько будет, если тридцать сребреников перевести в евро?

– Сразу видно, – заметил тут Йиржи Геллер, – что вы человек без предубеждений. Иногда очень трудно договориться с людьми, которые заранее считают, что некоторые понятия не рассматриваются как предмет торговли. Мне же, наоборот, кажется, что история о душе противоречит фактам. А за художественный образ можно и заплатить...

– Постойте, вы покупаете мою душу?! – предположил я и удивился своей догадливости.

По всей вероятности, четвертая рюмка коньяка добавила мне прозорливости.

– А что такое душа? – поинтересовался Йиржи Геллер. – Какой-нибудь жизненно важный человеческий орган для пересадки? Вроде почки или печени?

Я критически оглядел Йиржи Геллера, словно хозяйка позавчерашний гуляш, и продолжал не совсем логично:

– Да кому нужна ваша дохлая почка?!

– А кому нужна ваша испорченная душа?! – тут же откликнулся Йиржи Геллер. – Вы, извините, не девственница! И в настоящее время на рынке испорченных душ всякие предложения намного опережают спрос!

Обидно, когда полагают, что даже для преисподней ты не имеешь никакой ценности.

– Мы говорим конкретно? – насупился я.

– На редкость, – подтвердил Йиржи Геллер мои самые мрачные гипотезы. – Не хотите ли еще рюмочку?

– Не откажусь, – тактично согласился я, поскольку был абсолютно уверен, что наша «торговля» еще только в самом разгаре. – Хорошо, оставим в покое мою душу. Но есть же еще и совесть?!

– На сделки с совестью до осени наложен мораторий, – безапелляционно заявил Йиржи Геллер. – Знаете ли, пора летних отпусков, женские измены, мужские клятвы... Много вы видели совести в дамском чемодане среди бикини? Ее не берут с собой на Багамы даже в качестве ручной клади. И если не передумаете, то осенью мы сможем куда-нибудь пристроить вашу совесть. Мои комиссионные в данном случае составляют от семи до десяти процентов...

Эти фразочки Йиржи Геллер отпускал без улыбки, и можно было поверить, что хвост он привязывает к спине, а копыта прячет в галошах, для конспирации.

– Вы дьявол? – спросил я тогда напрямую.

– А вам непременно надо что-то продать? – осведомился он.

Тут наша размеренная беседа была прервана на самом идиотском месте. В гостиную ворвалась девушка лет двадцати пяти при полном параде. То есть в «верхнем» белье, которое носится напоказ в отличие от повседневного.

– Каждую неделю одно и то же! – выругалась девушка и плюхнулась на канапе. – Так?

– Крошка Фифи, – представил ее Йиржи Геллер. – Поможет нам адаптироваться в борделе начала века.

– Или так?! – Девушка поменяла эротическую позу, нисколько не обращая внимания на рассуждения Йиржи Геллера. – Давайте побыстрее, побыстрее, побыстрее, потому что я на лекции опаздываю...

– Крошка Фифи учится в Университете, – пояснил Йиржи Геллер. – На бакалавра. Поэтому смотрит на наши развлечения снисходительно...

– А что мы должны побыстрее сделать? – спросил я, видя подчеркнутое нетерпение так называемой Фифи, которая ежесекундно поглядывала на часики, фыркала и закатывала глаза.

– Мы должны запечатлеть Крошку Фифи на этом канапе, – обрисовал Йиржи Геллер нашу задачу, но только в общих чертах.

– Сфотографировать? – попробовал уточнить я.

– Вы что же, филокартический маньяк? – удивился Йиржи Геллер. – Куда вам столько одинаковых карточек?

– Для продажи, – предположила Крошка Фифи. – Кстати, вчера я наткнулась на открытку начала века с какой-то подозрительной девкой и явно не из нашей гильдии. Скажите, это ваша работа?!

– А вы к кому обращаетесь? – любопытно спросил я.

Потому что Крошка Фифи вначале подтягивала правый чулок, а затем – левый, и теперь прикидывала, насколько ровно они сидят относительно пояса.

– Я обращаюсь к вам! – пояснила Крошка Фифи и убедительно щелкнула резинкой. – А что, здесь еще кто-нибудь есть?

– Ну, например, господин Геллер! – напомнил я.

– С ним-то все ясно, – заметила Крошка Фифи и щелкнула другой резинкой. – А вот вы утащили комплект раритетных «Дигест Юстиниана», и прямо у меня из-под носа. Было такое дело?

Я мог с закрытыми глазами дойти до лавки букиниста, где покупал «Дигесты», и рассказать по секрету, сколько за них отдал. Однако относительно Крошки Фифи сильно сомневался, потому что книги не продаются в отделе дамского белья и верхней одежды. Я в подобные заведения не заходил, а другой возможности столкнуться с Крошкой Фифи не находил.

– Что-то я вас не припоминаю, – возразил я и пожалел о сказанном.

– Значит, на канapé вы женщину себе представляете? – уточнила Крошка Фифи. – А среди книжных полок не помните?

Йиржи Геллер укоризненно покачал головой.

– Ну, тогда – черт с ними, с лекциями! – заявила Крошка Фифи. – Я буду сейчас восстанавливать память.

– Кому? – пролепетал я.

– Вам! – подчеркнула Крошка Фифи.

Тут она щелкнула сразу двумя резинками и ухватилась руками за бюстгальтер. Скинула бретельку с левого плеча, скинула с правого...

– Погодите! – завопил я. – Что вы делаете?!

– Восстанавливаю память! – невозмутимо сказала Крошка Фифи. – Черт, заело! Геллер, вы не можете мне расстегнуть лифчик?

– Не надо! – воскликнул я. – Я верну вам «Дигесты Юстиниана»!

– Будем считать, что память удачно восстановлена! – подытожила Крошка Фифи, возвращая бретельки в исходное положение.

Я вынул из кармана платок и вытер пот, как после сложной хирургической операции.

– Ну?! – усмехнулся Йиржи Геллер. – Теперь вы понимаете, чем женский образ отличается от прототипа? Под образом я имею в виду фотографию Крошки Фифи на канаве.

– Еще как понимаю! – заверил я.

– Кстати, – добавил Йиржи Геллер. – Наш прототип зовут Вендулкой...

Но если он рассчитывал, что юная леди прислушивается к нашему разговору и после рекомендации поднимется с канаве и сделает книксен, то Вендулка витала где-то в галантерейных эмпиреях. Она придиричиво разглядывала свои чулочки, словно фельдфебель новобранцев, а наш диалог воспринимала как птичье щебетание.

– Вендулка! – окликнул ее Йиржи Геллер.

– Приятно было познакомиться, – спохватилась она. – Про «Дигесты Юстиниана», пожалуйста, не забудьте!

– Ни боже мой! – поклялся я.

– Тогда, возможно, я успею на лекции, – сказала Вендулка. – Если никто не против.

– Я только за! – поспешно заверил я и за каким-то чертом добавил: – Хорошо, когда женщина скоро получит степень бакалавра.

– Вы уверены? – уточнил Йиржи Геллер. – Я могу задержать Вендулку еще минуты на три. Для ясности...

– Не стоит, – ответил я, поскольку темпераментная Вендулка снова принялась накручивать свой лифчик на пальчик.

– Можешь проваливать, – смиловивился тогда Йиржи Геллер и отсчитал Вендулке двести долларов.

– А когда-то давали шестьдесят, ^[18] – ностальгически припомнила Вендулка.

– Инфляция! – тяжело вздохнул Йиржи Геллер. – Вот тебе сто и сто! Это за двойную реставрацию образа! – пояснил он.

– Высокохудожественную, – съязвила Вендулка и скрылась в прихожей.

А еще через мгновение – хлопнула входная дверь.

По поводу произошедшего можно было поспорить, да только – не с кем. Йиржи Геллер с весьма довольным видом дегустировал коньяк и не вмешивался в мои размышления. В частности – за каким же чертом

была устроена так называемая реставрация? Дабы привить мне отвращение к собирательству открыток?

– Вендулка – моя племянница, – вдруг сообщил Йиржи Геллер. – Я помогаю ей получить образование.

– Поэтому вы дали ей аж двести долларов?

– Нет, – покачал головой Йиржи Геллер. – Потому что она в состоянии вас отловить и потребовать чetyреста.

Мы помолчали немного, чтобы я понял – от какой финансовой пропасти меня спас Йиржи Геллер.

– Выходит, я должен вам за половину Вендулки? – осведомился я и полез в карман за бумажником.

– Ни в коем случае, – остановил меня Йиржи Геллер. – Денег мне хватит на пять Вендулок, ну в крайнем случае – на четыре...

Наверно, он был весьма состоятельным человеком. Я бы не взялся профинансировать даже мизинец на левой руке его племянницы.

– Тогда, – задумался я, – как мне выразить свою признательность? Что я могу предложить, кроме денег, которые вас не интересуют?

Йиржи Геллер достал из бара свежую идею в виде бутылки бренди и снова наполнил рюмки.

– Вы же филокартист? – принялся рассуждать он. – А мне бы нужно составить семейный альбом. Побегать по антикварным лавкам. Подобрать фамильную ретроспективу. Всякие дедушки, бабушки, бывшие жены и сестры, домик в деревне зимой и летом...

Я рассмеялся, но это не произвело на Йиржи Геллера никакого впечатления. Тогда я рассмеялся во второй раз и с тем же результатом.

– Без фотографии дяди в цилиндре и тети в вечернем платье я чувствую себя как автор романа без персонажей, – спокойно пояснил Йиржи Геллер.

– Куда же они подевались? – искренне удивился я.

Йиржи Геллер слегка помедлил и приоткрыл мне завесу тайны, но ровно на один микрон.

– У меня нет и не было семейного альбома по ряду причин и обстоятельств, – отчеканил он.

Из чего я сделал вывод, что данная тема ему неприятна. Но мне никогда не приходило в голову присваивать изображения чужих родственников. Ни до, ни после Йиржи Геллера...

– Как вы себе это представляете? – спросил я.

– Что именно? – уточнил Йиржи Геллер.

– Свой семейный альбом, собранный мною...

– Безнравственным, порочным и аморальным! – без промедления сообщил мне Йиржи Геллер. – В том-то и дело... А вы?..

– Тогда почему бы вам не купить уже существующий? – озадачился я. – Вы знаете, сколько семейных альбомов попадает в антикварную лавку?

– Это плагиат, – покачал головой Йиржи Геллер. – Вдобавок весьма примитивный. Можно сказать, натуралистические подробности под видом реализма. Невесты в свадебных платьях и голые задницы младенцев. Слово они все равняются на какой-то один фамильный альбом, который называется – «Как в жизни!». А на самом деле их рожи и задницы просто загораживают перспективу, которая намного интереснее их личных анатомических подробностей.

– Но если убрать гиббона, – возразил я, – останется только голая ветвь и никаких перспектив.

– Ну, во-первых, – усмехнулся Йиржи Геллер, – вы мне гиббона не клейте! Пусть он покоится в семейном альбоме у Чарлза Дарвина. А во-вторых, мне просто не нравятся фотографии из серии «Здесь был Зденек». Если «был», то чья это рожа осталась на первом плане? Ах, это все-таки Зденек?! А где он был?! Если нет никакой возможности разглядеть остальные достопримечательности из-за его нахальной физиономии!

– Зачастую, – напомнил я, – фотографии сопровождаются пояснительными надписями.

– Как на кладбище, – подтвердил Йиржи Геллер. – А вы их читали? «Дядя Славомир на Вацловской площади». Или: «Тетя Иоанна на коне. Июль одна тысяча девятьсот девяносто девятого года». Да я и сам вижу, что это конь и Вацлавская площадь, но для чего здесь «дядя» Славомир Мрожек с обвисшими усами и «тетя» Иоанна Хмелевска в шляпке?

– Как только вы присобачили дяде и тете фамилии, – заметил я, – все тут же приобрело смысл!

– А я о чем говорю?! – воскликнул Йиржи Геллер. – Мне нужна семейная, подчеркиваю – семейная история, с артистичными дядями и тетями, а не короткая эпитафия. Очень кстати, что вы оказались филокартистом. Это для меня большая удача.

Что-то мешало мне расценивать знакомство с Йиржи Геллером так же положительно. Во всяком случае, он вызывал больше вопросов, чем я решался ему задать.

– Вы хотите, чтобы я подобрал фотокарточки для вашего, так сказать, фамильного альбома? – осторожно осведомился я.

– А почему бы и нет? – пожал плечами Йиржи Геллер. – Учтите, что меня интересуют родственники как усопшие, так и восстановленные.

– В смысле? – опешил я.

– Ну, грустно как-то рассматривать одних покойников, – пояснил Йиржи Геллер. – Хочется иметь и живых родственников. А в Праге я кроме Вендулки почти никого не знаю...

Тут я немного поразмышлял и предложил Йиржи Геллеру на выбор – фото «прабабушки-алкоголички в гусарском мундире» или изображение «двоюродного дяди-машиниста в составе локомотивной бригады».

– Вполне устраивает, – невозмутимо согласился Йиржи Геллер. – И то, и другое... Главное, чтобы образ был собирательный. И надо бы забронировать место в альбоме для молодой племянницы.

– «Крошка Фифи – лучшие воспоминания»? – любопытно спросил я.

– Над подписью я еще поработаю, – отверг Йиржи Геллер мои намеки. – А вот место надо выделить...

Я кивнул и вылез из кресла, чтобы поближе рассмотреть знаменитое канапе. Там на подушечке лежала книга, скорее всего оставленная Вендулкой. Да и название книга имела весьма подходящее – «Молот ведьм».

– Можно взглянуть? – спросил я у Йиржи Геллера.

– Ну разумеется, – ответил он.

Тогда я поднял книгу и принялся с интересом листать...

«Вес ведьмы являлся важным доказательством ее вины, по существующему убеждению, что ведьмы весьма легковесны. Иначе они не могли бы летать на помеле. Городские весы Средневековья имели обычно 134 фунта, против которых взвешивали ведьм для пробы, и если женщина оказывалась легче – ее официально признавали ведьмой...»

– Женская энциклопедия! – рассмеялся Йиржи Геллер. – Так вы согласны взяться за это дело?

– Согласен, – ответил я. – А книгу, с вашего позволения, я бы унес домой почитать... На сон грядущий...

Камень

Глава о том, как Поджо Браччолини и его переписчица по имени Вендулка ранним утром 1425 года покинули постоянный двор и направились в монастырь Святого Галла, где хранилась рукопись Петрония Арбитра. И о том, что из этого вышло...

Какая мне разница – Гай или Тит?!

Петроний или Трималхион?!

Если свинья преградила нам дорогу и важно хрюкала, утверждая, что лучше всех разбирается в апельсинах.

– Ученая? – спросил я трактирщика.

Он вызвался проводить нас до монастыря и теперь дышал мне в затылок, навьюченный, словно мул, разными съестными припасами, которые взял из трактира, чтобы задобрить монастырскую братию.

– Это просто свинья! – сказал трактирщик. – Надо дать ей по морде, иначе мы здесь не пройдем.

Мерзкое животное застряло в воротах и даже не думало двигаться с места. Однако утро было прекрасное, и я не хотел начинать новый день с мордобоя.

– Уважаемая свинья! – произнес я. – Не препятствуйте этому путешествию! Потому что нас ожидают великие литературные открытия!

– Да-а-а... – посочувствовал мне трактирщик. – Трудно жить образованному человеку... Эдак мы до вечера простоим, беседуя со свиньей! Дайте-ка я с ней по-свойски потолкую.

Но тут Вендулка, опередив трактирщика, врезала важной свинье промеж глаз, отчего та взвизгнула и поспешно освободила дорогу. Ну что за злобные твари эти переписчицы!

– То-то же! – одобчительно молвил трактирщик. – Всяк свинья знай свое корыто! А бисер надо метать перед пастырем, потому что паства бисера не понимает! Иной раз в трактире говоришь-говоришь пьянице, мол, что же ты дебоширишь в общественном заведении, скотина безмозглая?! И все без толку! А как дашь по башке бутылкой – паства мигом приходит в чувство.

Под эти наставления мы вышли с постоялого двора и продолжили свой путь по дороге, что, как я думал, вела к монастырю. Однако трактирщик махнул на нее рукой и свернул на тропинку.

– Пойдем через лес, – пояснил он. – Это намного короче и безопаснее.

– Мне так не кажется, – заметил я.

– Вы просто не знаете здешних мест! – пожал плечами трактирщик. – А в монастырь по дороге нынче никто не ходит, чтобы не встретить мою свояченицу.

– Да разве она разбойник?! – с удивлением воскликнул я.

– Хуже! – подтвердил трактирщик. – Сидит себе на лавочке и поджидает какого-нибудь растяпу. А как увидит, что человек заблудился, кланяется ему и говорит: «Доброго времени суток, странствующий рыцарь! Куда путь держишь?!» А голос у свояченицы сладкий, хоть на булку намазывай и по праздникам ешь. «Заходи, благородный юноша, в дом, – предлагает свояченица. – Отдохни с дороги, пилигрим несчастный!» А там уж и стол накрыт, и кровать постелена. Ну, человек расслабится и шагает к гадюке в апартаменты.

А дальше у них начинается свистопляска! То есть пляшет моя свояченица, а пилигрим только посвистывает, словно испорченная волынка. Потому что любовь проходит через десять минут, желание пропадает спустя полчаса, а женские фантазии никогда не кончаются. Просто с первыми петухами в них наступает временное затишье.

Вот рано утром выводит моя свояченица этого пилигрима обратно на дорогу и говорит напоследок: «Ты, мил человек, отползай потихоньку от моего дома! Не вводи лишний раз во искушение! А как очухаешься, поставь в церкви свечку за упокой души Корнелия Трималхиона! И не вздумай меня обмануть! Где хочешь найду, и тогда позабавимся по-настоящему!»

– И что же здесь плохого? – усмехнулась Вендулка.

– Корнелий Трималхион – это я, – пояснил трактирщик. – И, как видите, нахожусь в добром здравии! А свояченица вводит людей в заблуждение, чтобы меня отпевали по всей Италии. Может быть, с вашей точки зрения, здесь и нет ничего плохого, а мне неприятно. Вот поэтому раз в неделю я ношу в монастырь продукты, чтобы монахи закусывали и усердно молились за здравие Корнелия Трималхиона! Так сказать, для равновесия!

Мы с Вендулкой невольно расхохотались.

– Зря смеетесь, – обиделся трактирщик. – Тут плакать надо.

Однако не встретил никакого понимания с нашей стороны. Потому что его история со свояченицей не могла опечалить даже очень сострадательного человека.

– А в чем причина такой антипатии? – спросила Вендулка.

– Личная неприязнь, – вздохнул трактирщик. – Это самое необъяснимое чувство! Например, у быка личная неприязнь к красному цвету, а у моей свояченицы – ко всему, что связано с трактиром. Ведь он приносит доход, а это раздражает!

Здесь трактирщик решил, что сказал больше, чем следует, и мы с Вендулкой стали ему неприятны. Во всяком случае, он поспешил от нас отделаться и зашагал по тропинке с удвоенной скоростью.

– О-хо-хонюшки-хо-хо! – стонал на бегу трактирщик. – Силы небесные! Содом и Гоморра! И куда только смотрит святая инквизиция?!

Но мы с Вендулкой не отставали, потому что не хотели блуждать по лесу без провожатого. Тогда трактирщик внезапно остановился и заявил, что дальше не пойдет. Ни за какие коврижки!

– А что случилось? – уточнил я.

– Они еще спрашивают! – горестно запричитал трактирщик. – Безумные и слепые! Глухие и бесноватые! Мы тащимся в мужской монастырь с бабой – вот что случилось! А это есть неслыханное святотатство!

Здесь трактирщик указал на Вендулку пальцем, как будто только что обнаружил это прискорбное обстоятельство.

– Мне не нравится слово «баба», – невозмутимо заметила Вендулка. – И лучше его не использовать.

– А что будет?! – амбициозно воскликнул трактирщик и тут же получил от Вендулки по шее. Но у него хватило ума не вступать с ней в драку, а спрятаться за ближайшим деревом. – Боженька все видит! – вякнул оттуда трактирщик. – Что я пострадал за правду!

Конечно, у нас имелось рекомендательное письмо от кардинала Орсини, которое мне надлежало вручить отцу-настоятелю, но посвящать неугомонного трактирщика во все перипетии этого деликатного дела я не собирался.

– Выходи, – сказал я трактирщику. – И не бойся Божьего гнева! С отцом-настоятелем мы договоримся.

– Я не могу, – откликнулся трактирщик. – Вначале договоритесь со своей бабой!

– Да что же это за наказание?! – возмутилась Вендулка. – Еще раз назовешь меня бабой – накостыляю как следует!

– Вот-вот! – подтвердил трактирщик. – А мы люди темные и не понимаем, как обращаться к тому, кто в юбке.

– Подбери синоним! – посоветовал я.

В ответ послышался хруст валежника, и трактирщик, соблюдая все меры предосторожности, вышел из-за дерева.

– Спасибо за совет, – раскланялся он, пряча за спиной дубину. – Синоним подобрал.

Вот и разговаривай после этого с трактирщиками!

– Синоним – это близкое по значению слово, – пояснил я.

– А вдруг оно тоже не понравится?! – возразил трактирщик. – А крепкая палка понадежней любого синонима будет. Ибо сказано: «Глаголом жечь сердца людей и окультуривать дубиной!»

Это заявление удивило меня до невозможности, словно я встретил медведя, который шел по лесу и декламировал «Илиаду» Гомера.

– Довольно странно, – заметил я, – слышать подобные речи от вашей милости!

– Мой род занятий слабоумию не помеха, – самодовольно усмехнулся трактирщик. – А постоялый двор – это кладезь премудрости. Хочешь не хочешь, а что-нибудь да прилипнет!

Казалось, трактирщик остался доволен произведенным на нас впечатлением и с гордостью хлопнул себя по пузу.

– Теперь мы можем двигаться дальше? – уточнил я.

– Нет, – покачал головой трактирщик. – Мне еще надо прийти в себя после полученного потрясения... – Он достал из мешка большую бутылку с красным вином и присосался к ней, словно пиявка. – Ык, ык, ык, ык, ык, ык! – Так продолжалось минуты три, покуда трактирщик не вылакал полбутылки, после чего он приосанился и сказал: – Уф!

– Вот сволочь! – с восхищением выругалась Вендулка.

– Я думаю, – заметил трактирщик, пряча полупустую бутылку обратно, – что лучше теперь подойти к монастырю с наветренной стороны. Иначе монахи нас за версту учуют.

– Не нас, а тебя! – возразила Вендулка. – Воняет как из преисподней!

– Не знаю, не сравнивал, – съязвил трактирщик. – Однако тут наблюдается устойчивая тенденция: чем крепче вино, тем слаще благоухание.

– Мы еще долго будем разглагольствовать?! – не выдержал я. – Нам надо засветло попасть в монастырь.

– Ну, это раз плюнуть, – заверил меня трактирщик. – Монастырь очень большой, так что не промахнемся... Следуйте за мной!

И снова двинулся по тропинке, горлая дикую песню:

Под щебетанье пташек
Нам весело идти!
У Мэри был барашек^[19] —
Попробуй отвинти!

Парабам-бум-бум! Парабам-бум-бум!
Парабам-бум-бум! Парабам-бум-бум!
Парабам-бум-бум-бум-бум-бум-бум-бум!
Бум-бум! Бум! Бум!

Папашка строгих правил,
Чтоб Мэри соблюсти —
Барашка ей поставил
На пояс верности!

Парабам-бум-бум! Парабам-бум-бум!
Парабам-бум-бум! Парабам-бум-бум!
Парабам-бум-бум-бум-бум-бум-бум-бум!
Бум-бум! Бум! Бум!

Могучий был мужчина
Папашка и дебил!
Как раз перед кончиной
Барашек закрутил!

Парабам-бум-бум! Парабам-бум-бум!

Парабам-бум-бум! Парабам-бум-бум!
Парабам-бум-бум-бум-бум-бум-бум-бум!
Бум-бум! Бум! Бум!

Концы отдал папаша,
Христос его прости!
А замуж Мэри нашей
Не выйти, не зайти!

Парабам-бум-бум! Парабам-бум-бум!
Парабам-бум-бум! Парабам-бум-бум!
Парабам-бум-бум-бум-бум-бум-бум-бум!
Бум-бум! Бум! Бум!

Такая вот промашка,
И что тут говорить?!
Никто не мог барашка
Обратно открутить!

Парабам-бум-бум! Парабам-бум-бум!
Парабам-бум-бум! Парабам-бум-бум!
Парабам-бум-бум-бум-бум-бум-бум-бум!
Бум-бум! Бум! Бум!

И женихи кружили,
Как стая воронья!
А в сорок – положили
На девственность ея!

Парабам-бум-бум! Парабам-бум-бум!
Парабам-бум-бум! Парабам-бум-бум!
Парабам-бум-бум-бум-бум-бум-бум-бум!
Бум-бум! Бум! Бум!

Уж никому не надо
Подобной красоты!
Такая вот баллада

Про Мэри и болты!

– Парабам-бум-бум! – закончил свою песню трактирщик, споткнулся и рухнул на тропинку.

Да так, что земля задрожала, а с ближайших деревьев стали облетать листья.

– Вот и осень, – заметил трактирщик. – Пора сеять озимые...

Однако он не успел поделиться планами сельскохозяйственных работ, потому что вместе с мешками поехал в кусты, влекомый неведомой силой.

– Прощайте! – вякнул напоследок трактирщик и скрылся. – Не поминайте лихом! – послышалось из-за деревьев.

Исчезновение нашего провожатого отличалось внезапностью, словно черти его похитили, дабы покуражиться. И теперь из леса доносились жалобные вопли и стенания, как будто трактирщика жарили на медленном огне, а хруст валежника только усиливал это впечатление.

Тогда Вендулка подобрала дубину, что обронил трактирщик, и, подгоняемые любопытством, мы поспешили на звуки агонии, чтобы полюбоваться картиной страшного суда. Ибо слаб человек и падок на безобразные зрелища!

Наш провожатый отыскался метрах в тридцати от тропинки, связанный по рукам и ногам. Бедный трактирщик жалобно стонал, а рядом с ним стоял здоровенный монах и наслаждался видом поверженного противника.

– Присоединяйтесь, – сказал нам странный монах и пнул трактирщика, словно колоду. – Попался, стервятник?!

– Неисповедимы пути Господни, – посетовал трактирщик.

– Как бы не так! – возразил монах. – Наша встреча была предначертана! Ведь я силки на тебя поставил еще в воскресенье!

Вендулка подумала и собралась от души треснуть монаха дубиной, но тот почуял неладное и погрозил ей пальцем толщиной с оглоблю.

– Не женское это дело, – чинно сказал монах. – Не богоугодное!

– И бесполезное, – со вздохом подтвердил трактирщик. – Только дубина сломается. Разрешите представить нашего друга... Поп-

расторгуй!

– Расстрига! – поправил трактирщика странный монах. – И не друг я тебе, а кара небесная! Так что – лежи спокойно!

Однако неугомонный трактирщик продолжал возмущаться.

– Это каждый дурак сможет, – выговаривал он монаху, – накинуть веревку и дернуть, словно разбойник. Когда неподготовленный, в общем-то, человек идет себе лесом и песни поет. А ты в чистом поле за мной погоняйся!

– Делать мне больше нечего, – усмехнулся монах, – как, задрав на себе рясу, по полю бегать. Вдобавок от подобного зрелища нет никакой назидательной пользы. Ибо страшен диавол в кривляниях своих!

– Сволочь! – выругался трактирщик, пытаясь освободиться.

Однако его усилия ни к чему не привели.

– Что же ты ругаешься как извозчик? – усмехнулся монах. – Разве тебя не учили вежливости?

– Я человек культурный, но малограмотный, – ввернул трактирщик. – То есть все понимаю, а возразить не могу! Потому что у нас, простолюдинов, слова всегда сопровождаются жестами. А когда руки связаны, я культурно беседовать не могу.

– Ну, хорошо! – смилостивился монах. – Сейчас я возьму свою десятину и тебя освобожу.

С этими словами он расстелил на земле дерюгу и принялся вытряхивать на нее съестные продукты из мешков трактирщика. Мы же с Вендулкой были тут в роли немых наблюдателей, потому что никто не искал в нас поддержки или сочувствия.

– Негусто, – со вздохом сказал монах, разглядывая припасы.

Тут он принялся делить продукты, забирая себе только деликатесы. «ВО-ПЕРВЫХ – СВИНОЙ ОКорок, ДАЛЬШЕ – КОЛБАСКИ И ЧУДЕСНО ИЗГОТОВЛЕННЫЕ ПОТРОХА, ВО-ВТОРЫХ – МЯГКИЙ СЫР, МОРС, УЛИТКИ, ЧТО БЫЛИ ЗАГОТОВЛЕНЫ ТРАКТИРЩИКОМ ПО ШТУКЕ НА БРАТА, ПЕЧЕНКУ, ЯЙЦА В ГАРНИРЕ, РУБЛЕННЫЕ КИШКИ, ГОРЧИЦУ И ВИНЕГРЕТ...»

– Грабят, – подытожил трактирщик. – С особым цинизмом! Вдобавок нагло рассуждают о десятине, а забирают добрую половину! Можно сказать, две трети!

– Все согласно прейскуруанту, – пояснил трактирщику странный монах. – Ибо! За прошлую неделю я десять раз молился за здоровье Корнелия Трималхиона и только единожды за упокой, когда сильно проголодался. Был такой грех, не спорю! И поэтому оставляю братьям в монастыре мешки, бобы и макароны!

– Одна беда, – вставила Вендулка, – что за такие харчи усердно молятся только церковные мыши.

Странный монах неодобрительно посмотрел на Вендулку, развязал трактирщика и сказал:

– По этому поводу есть притча о девушке с ангельским личиком. Которая до того была хороша собой, что самые знаменитые художники съезжались в Эфес, где жила эта девушка, дабы запечатлеть ее ангельский образ на живописном полотне. «Мадонна на троне в окружении всех святых», «Мадонна в сиянии с четырьмя святыми», «Мадонна с гарпиями», «Мадонна с куропатками»... – да разве упомнишь все ангельские картины, для которых позировала наша девушка?! Многие люди говорили, что сами холсты излучают сияние, а сей возвышенный образ пробуждает в них только высокоморальные мысли и чувства...

Так продолжалось довольно долго, покуда один художник, по всей вероятности дилетант, не стал выяснять, о чем размышляет девушка, позируя для ангельских картин. Отчего ее лик становится таким одухотворенным?! «Я ни о чем не думаю, – честно отвечала девушка. – Мне просто хочется чихнуть и пукнуть, но я пытаюсь совладать со своими желаниями». На этом ее артистическая карьера закончилась. Потому что самые выдающиеся мастера нашего времени были не в силах отобразить такие страдания подручными живописными средствами.

Мораль сей притчи такова: всякая симпатичная девушка должна помалкивать, чтоб ее внутренний мир не нарушал художественной гармонии.

– Мне кажется, – сказала Вендулка, – что лучше набить оппоненту морду, чем трепать с ним нервы. Но сегодня на меня снизошло умиротворение, и я отвечу притчей на притчу...

Один монах был до того усерден в молитве, что мог заменить собой целый монастырь. Он взывал к Господу и денно и ночью, и летом и осенью, и в дождь и в засуху, и по каждому поводу и без

повода, и хотел получить знамение, что Бог услышал его молитвы. Иначе говоря, этого монаха одолел грех гордыни, когда люди думают, что всякое усердие должно быть непременно отмечено великой благодатью. Однако Господь все видит, и подлая цель дискредитирует затраченные на нее средства. Бог остается нем как рыба, а человек с повреждением лобной части. Потому что колотится головой о каменный пол без надлежащей мотивации.

И вот однажды церковные служки решили по-своему подшутить над не в меру усердным монахом. И стали бить в колокол при каждом его соприкосновении с полом. Вначале монах подумал, что этот перезвон – следствие полученной травмы, но после многочисленных совпадений пришел к выводу, что наконец-то вступил в диалог с Богом, и принялся задавать Ему вопросы. «Если Ты меня слышишь, – воззвал он к Господу, – ударь, пожалуйста, в колокол два раза!» И тут же получил подтверждение, что связь налажена и абонент находится в зоне устойчивого приема. «Если Ты меня видишь, – снова воззвал монах, – ударь, пожалуйста, в колокол только один раз!» И эта просьба не осталась без внимания. А монах от великой гордыни, что Бог его видит и слышит, стал биться об пол с удвоенной силой, вошел в резонанс с колоколом и позабыл, для чего столько лет он домогался подобного знамения.

Мораль сей притчи такова: если человек дурак, не надо искать этому лишний раз подтверждения.

– Кто дурак? – уточнил поп-расторгуй.

Но Вендулка тактично промолчала, что только украсило ее притчу.

– Ну, – сказал трактирщик, устраиваясь на земле поудобнее, – тогда и я расскажу одну историю. И можете считать ее притчей, за неимением ничего лучшего...

Как-то раз поспорила девушка с чертом – кто из них вреднее. «Я, – говорит девушка, – могу испортить жизнь человеку, не выходя за него замуж!» – «А я, – говорит черт, – не могу выйти замуж, но так подгажу, что человеку всякая девушка покажется ангелом!» Сказано – сделано! Стали они искать подходящего человека для своих экспериментов, потому что женатый мужчина и так Богом обижен, а свободный – поневоле предрасположен к разного рода выдумкам. То выпьет, то к девушке прицепится, на которую и черт не посмотрит.

Ну вот, заходят они в кабак, а там – тварь на твари и тварью погоняет. Иначе говоря, есть из чего выбрать и черту, и девушке. «Я, – хвастается черт, – сейчас обернусь девушкой и составлю тебе конкуренцию!» – «А я, – отвечает девушка, – сяду в сторонке, буду вести себя чинно и благородно, чулочки показывать только до колена, а дальше посмотрим – что из этого выйдет!» Так и поступили...

Утром встречаются черт и девушка и делятся впечатлениями. «Мне, – говорит черт, – прошлой ночью все-таки пришлось выйти замуж! Уж больно настойчивый мужчина попался. Но свой эксперимент я считаю удачным, потому что так называемый жених ничего подозрительного не заметил!» – «И сколько ты взял за свои услуги?» – интересуется девушка. «Триста талеров!» – похваляется черт. «А я – четыреста!» – говорит девушка. «И за что же такая надбавка?» – удивляется черт. «За гетеросексуальные отношения, – ухмыляется девушка. – А что еще остается делать, когда мужчина готов переспать хоть с чертом?!»

Мораль сей притчи такова: что черт, что девушка – все едино! А если нет никакой разницы – зачем переплачивать?!

– Друзья, – подытожил я, – давайте все-таки двинемся к монастырю. А ваши истории^[20] я потом запишу...

Глава вторая

«Кнедлики»

На круглом блюде были изображены кольцом 12 знаков зодиака, причем на каждом кухонный архитектор разместил соответствующие яства. Над Овном – овечий горох, над Тельцом – говядину кусочками, над Близнецами – почки и тестикулы, над Раком – венок, над Львом – африканские фиги, над Девой – матку неопоросившейся свиньи, над Весами – настоящие весы с горячей лепешкой на одной чаше и пирогом на другой, над Скорпионом – морскую рыбку, над Стрельцом – лупоглаза, над Козерогом – морского рака, над Водолеем – гуся, над Рыбами – двух краснобородок...

Петроний Арбитр. Сатирикон.

Обед Трималхиона

1

Мы встретились с Анитой в кафе «У старого Эдгара». Она заказала себе овощной салатик, не сильно обремененный калориями. Я – кружку пива, не очень обеспокоенный своей фигурой.

– Как прошел день? – спросила она, похрустывая овощами, как кролик.

– У тебя есть какие-нибудь порочные фотографии? – невинно поинтересовался я.

Анита на секунду прекратила хрустеть.

– Насколько порочные? – уточнила она. – Поскольку имеются фотографии, где я вещу семьдесят пять килограммов. С моей точки зрения – это безнравственно.

Я был вынужден согласиться, что «Молот ведьм» написала женщина, чтобы всякая стерва не хвасталась своей фигурой... «Ах ты, коза! А ну-ка иди взвешиваться!»

Тем временем Анита порылась в своей сумочке и вытащила оттуда несколько фотографий. Меня заинтересовала одна, где Анита двусмысленно улыбалась.

– Я бы взял эту, – сказал я.

– Ну и что здесь порочного? – удивилась Анита.

– Твоя иезуитская улыбка, – ответил я. – Мне кажется, что за кадром кого-то режут.

Анита подцепила на кончик вилки маленький кружочек редиски, оглядела его со всех сторон, повздыхала, как саранча из общества «Защитников природы», и отправила редиску в рот.

– Тебе неправильно кажется, – сказала она. – Видишь, на фотографии только что кончился дождь...

Хоть убейте меня, только на фотографии стояла прекрасная погода вот уж который месяц. А между тем Анита сосредоточенно разглядывала другой кусочек редиски, как будто бы все мне объяснила.

– Ну?.. – Я потряс в воздухе аномальной фотографией.

– Кончился дождь, – спохватилась Анита, – я закрыла свой зонтик и натянула чехол... Вот так!

– На нас обращают внимание, – предупредил я. – Потому что без зонтика у тебя неприличные жесты.

– Это не жесты, а ваша мужская логика, – возразила Анита и продолжала: – Натянула чехол на зонтик, а какой-то придурок мне говорит: «Как это ловко вы делаете!» Тогда я на него посмотрела, а Янка меня сфотографировала.

Анита рассмеялась, а я подумал, что женщинам надо запретить расчехлять и зачехлять зонтики и поднимать с земли всякие предметы с целью подлой провокации. Если у женщины вывалилась из рук пудреница или помада, надо пинать эти вещи за угол, а не иллюстрировать «Камасутру» в общественном месте...

– А что было дальше? – заинтересовался я судьбой неосторожного мужчины.

– Я сказала: «Как щас дам по башке зонтиком!» – призналась Анита. – И он ушел...

Я заказал себе еще одну кружку пива, чтобы разверзлась на столе пропасть между мною и диетическим салатом.

– Послушай, Густав, – сказала Анита. – Как можно прилично прожить женщиной хотя бы до сорока лет?

Я пожал плечами и отхлебнул из кружки.

– А что ты предпочитаешь, – не унималась Анита, – спать с идиотом или трахаться с маразматиком?

– Даже и не знаю, – честно ответил я.

– Вот видишь! – сказала Анита. – А нам приходится выбирать.

Мы помолчали, чтобы я оценил, на какие рискованные эксперименты идут женщины ради любви.

– Значит, я могу взять у тебя эту фотографию? – осторожно спросил я.

– Да бога ради, – разрешила Анита. – Но если с каверзной целью, то лучше возьми другую. Где мы с Янкой голые на мотоцикле.

– А что там ненормального? – деловито поинтересовался я.

– Мы обе не умеем ездить на мотоцикле, – улыбнулась Анита. – Зато можно черт-те что подумать.

– Например?

– Например, что я стерва... – Анита отставила недоеденный салатик в сторону и заказала себе «один сухой мартини с оливками». После чего продолжала: – На прошлой неделе – звоню подруге, которая не Янка. Звоню-звоню, а она не подходит к телефону. Наконец слышу голос: «Алло-о-о?!» – совершенно нечеловеческий. Как будто ее душили-душили, душили-душили и недодушили. «Ой, – говорю, – чего это голос у тебя такой странный?» А она, как изнасилованный паровоз, отвечает: «Я выполняю супружеские обязанности-и-и...» – «Стираешь?» – спрашиваю. «Не-е-ет!» – «Обед готовишь?» – «Не-е-ет!» – «Трахаешься, что ли?» – «Да-а-а!» – «Понятно! – говорю. – А чего это голос у тебя такой странный?!» Тогда она вешает трубку и сообщает своему мужу, что я циничная женщина, в смысле – стерва. Как ты думаешь, что делает ее драгоценный муж на следующий день?

– Перезванивает тебе.

– Правильно, – кивнула Анита. – И жалуется, что ничего романтического в семейных отношениях он не видит. А только слышит.

– А ты что? – спросил я.

Анита рассмеялась и «добила» свой мартини.

– Ну, ради женской солидарности, – сообщила Анита, – я подышала ему в телефонную трубку. «А-а-а! А-а-а! Йа-а! Йа-а! Натюрлихь!» А он сказал, что я действительно стерва.

Семейный альбом Йиржи Геллера пополнялся... У меня был достаточный выбор «прабабушек» и «прадедушек», но крайне мало «внучатых племянников». Мне раньше не приходилось собирать фотографии своих современников. Да и теперь сопливые младенцы в подгузниках не вызывали у меня умиления, особенно в натуральную величину.

Когда на столе все выпито и дорогие хозяева думают, как побыстрее избавиться от гостей, они достают альбомы и принимаются тыкать в глаза своими невинными младенцами. «А вот здесь нашему Юзику полтора года, а вот здесь – два с половиной». Естественно, что на всех фотографиях этот нахальный Юзик гуляет в панаме, но без штанов. Сегодня, по случаю дня рождения, он больше всех выхлебал «бехеревки», а я почему-то обязан смотреть на его голозадое детство. Шкодные дамочки отмечают на фотографиях некую деталь и лукаво поглядывают на Юзика, предполагая – насколько сия «деталь» могла увеличиться в своих размерах. То есть хоть как-то скрашивают время. А мне для достижения удовольствия хочется запустить альбомом в морду этому Юзику, чтобы он не рыгал во главе стола с важным видом...

Осенью в Праге нередки случаи другого фотосадизма. Когда добропорядочная на первый взгляд семья приглашает вас на фуршет, чтобы отметить свое возвращение из отпуска. И вот с синей мордой, одышкой и радикулитом вы приходите на это глумление и вынуждены слушать, что воздух в Праге не так полезен для здоровья, как, скажем, где-нибудь в Греции. Что после двухнедельного отдыха на Крите эта поганая семейка чувствует себя намного лучше, а вы скоро зачахнете, поскольку опять все лето проторчали в городе. Прямо с порога вам лезут в морду со своими фотографиями, словно вы пришли на презентацию, а не просто выпить и закусить. «Посмотрите, какое море, посмотрите, какие пальмы, посмотрите, какой отель!» Дамочки

то и дело скрываются в будуаре, где хозяйка дома задирает юбку и заворачивает на себе трусы, дабы продемонстрировать всем желающим свою загорелую задницу. И можно бы было сходить посмотреть, да тут снова достается альбом с видами местности, где эта задница достигла такого совершенства. «Посмотрите, какой закат, посмотрите, какой рассвет, посмотрите, какой песочек!» Муж, в свою очередь, описывает в сторонке преимущество курортного романа по сравнению с городским сексом. И мало того что женщин на взморье больше, но вдобавок они интереснее, темпераментнее и чаще! Воровато оглядываясь на супругу, муж развивает в слушателях комплекс неполноценности, рассказывая о количестве и качестве своих походов. И пусть на девяносто процентов он врет, все равно – на сто пятьдесят противно...

Ко всему вышесказанному можно добавить, что я не люблю фотографироваться. С целью – запечатлеть свою морду на переднем плане. Эгоизм – когда все вращается вокруг тебя, эгоцентризм – когда тебе нет до этого дела. Но в данном случае мне показалось забавным разместить свои снимки в альбоме Йиржи Геллера. В качестве сводного брата, например из Тюрингии... Вдобавок я не догадывался – что замышляет Йиржи Геллер на самом деле. Какие бесовские сполохи озаряют его мысли, с какими зарницами он просыпается по утрам, с какими черными петухами ложится спать... Я только предполагал, что странное желание Йиржи Геллера – не более как маргинальная фантазия богатого оригинала. Когда хочется чего-то, вплоть до новых родственников и другой жизни. Поэтому я составлял «семейный альбом» без оглядки на подлинную биографию Йиржи Геллера. О которой, по понятным причинам, ничего не знал...

– Мне кажется, – произнес человек за стойкой бара, – что первыми, по природе своей, умирают привратники и швейцары. Во всяком случае, их постоянно вылавливают из АКВА-РИВЕР, изъеденных РЫБОЙ-ФИШ. Рассказываю...

Один БЭД-МАЧО явился домой в приподнятом настроении. Ну, вы знаете этих горячих мексиканских парней, которые трижды

стреляют в дверь, прежде чем позвонить дважды. А наш ЧИЛИ-ПЕЙПЕР даже не вытер ног, не потопал своими ШУЗ-БУТС о коврик, дабы сказать: «АТЕНШЕН! АТЕНШЕН! МЕМЕНТО-МОРИ ПРИШЕЛ!» Вломился домой без предварительного покашливания, чем нарушил семейную ЛАВ-СТОРИ. Потому что его КОНЧИТА-ВАЙФ в это время скакала со своим ФРЕНД-СОМБРЕРО, но не в смысле, что на коне и в шляпе, а в смысле, что на кровати и без ТАНГО-ПАНТАЛОН. Ну, вы знаете этих горячих мексиканских девственниц, которые после замужества отрываются на полную катушку за все бесцельно проведенное время под присмотром ГРЕНДМАЗЕР-ФАШИСТ. А наша КОНЧИТА-ВАЙФ три года носила пиротехнические трусы, покуда не вышла замуж, и дважды в неделю устраивала фейерверки, когда занималась ПЕТТИНГ-ТОЙТИНГ. Днем ее запирали на ЦЕРБЕР-ЗАСОВ, чтобы сбегать с рук на руки в целостности и сохранности, когда наступит БОНУС-КЛОК, а на ночь привязывали к кровати, как ГАННИБАЛ-ЛЕКТОР. И две КАМЕР-УНДИНЫ следили, чтобы она не сделала БУБЛИ-ГУМ из веревок и не пошла прогуляться на ПЛАЦ-ПИГАЛЬ. Ну, вы знаете эту веселую песенку про «Елисейские Поля», где все помирают, как только увидят Париж с Эйфелевой башни.

Наш БЭД-МАЧО пришел ЭТ-ХОУМ, увидел такой ДЁРТИ-СЕКС и очень УПС-КРЕЗИ. Вытащил УЗИ-БРАУНИНГ, сказал «ХЭППИ-БЁЗДЕЙ» и попытался сделать БАРБИ-КЮ из КОНЧИТЫ-ВАЙФ. Потому что ФРЕНД-СОМБРЕРО после тяжелой САМБА-КОРРИДА уже не дышал и лежал на кровати словно ХОТ-ДОГ. А наша КОНЧИТА-ВАЙФ представляла собой определенную опасность без ГРАНД-САТИСФЕКШЕН. И могла порвать на БОБИК-ТРЯПКИ любого, кто помешал ей достичь КОНГРЕТЮЛЕЙШЕНС! Вот поэтому БЭД-МАЧО и целился в КОНЧИТУ-ВАЙФ, но попал в бронежилет фирмы «СИЛИКОН-СЕКЬЮРИТИ». Тут его и настигла МЮРДЕР-НОН-СТОП в виде рикошета.

Но вы знаете, что самое поразительное? Этот БЭД-МАЧО раньше работал привратником у ДОНА-ПЬЮЗО и выстукивал сообщения АЗБУКОЙ-МОРЗЕ для ХАУЗ-КОП. А как только его раскрыли и хотели пустить на аквариумный корм, наш БЭД-МАЧО сбежал в Мексику, изменил ФЕЙС-КОНТРОЛЬ, но все равно оказался

в АКВА-РИВЕР, куда его сбросила КОНЧИТА-ВАЙФ, чтобы тот не валялся на ФЕМИЛИ-НАРЫ и не портил воздух...

Человек за стойкой бара закончил рассказ и уставился на свой стакан с неподдельным ужасом, как будто увидел там бабушкины вставные челюсти.

– Жан Моисеевич! – завопил он. – Жан Моисеевич!

К нему подошел темнокожий бармен и слегка накапал в стакан из бутылки с джином. После чего щедро долил содовой.

– Моисеевич – это югославская фамилия? – спросил я.

– Русский эпитет, – уточнил человек за стойкой. – Потому что Жан экономит на мне джин.

– Странная привычка для бармена, – заметил я. – Ему жалко?

– Отвечай, расист! – потребовал человек за стойкой.

– Мне не жалко, – отвечал Жан Моисеевич. – Мне страшно.

Тут бармена отвлек другой посетитель, а человек за стойкой пояснил:

– Жан боится за свое заведение. На прошлой неделе я неудачно его покинул сквозь центральную витрину.

– Если бы! – откликнулся Жан Моисеевич. – Боковые створки тоже пришлось менять!

– Питер Устинов, – представился человек за стойкой бара. – На одну половину – русский, а на другую – писатель.

– Адская смесь! – согласился я. – Можно вас сфотографировать?

– Для обложки? – спросил Питер Устинов. – Или на память?

– На фотоаппарат, – уточнил я.

– Велком! – разрешил Питер Устинов. – Только мне надо привести себя в порядок. – Он достал из кармана расческу и попытался найти свое отражение в зеркале, но обнаружил только мое и очень этому удивился. – Сегодня я как-то странно выгляжу, – сообщил он. – Может, меня здесь нет?

Жан Моисеевич тяжело вздохнул и отодвинул бутылки, чтобы писатель смог разглядеть себя в зеркале.

– Ах вот где я прятался! – воскликнул Питер Устинов и погрозил африканцу указательным пальцем. – Я так и думал, что это черная магия!

– Вуду, – подтвердил Жан Моисеевич.

– Собственно говоря, – принялся рассуждать Питер Устинов, – писатель и должен существовать только на страницах своего романа. Вне этого поля – писатель не ягода. Вам кажется, что человек за стойкой бара ведет себя неадекватно, а на самом деле – он автор, и вы просто не понимаете замысла этого сочинения.

– Выпить весь джин, разбить витрину! – поддержал писателя Жан Моисеевич. – Очень сложный роман!

– Ты плохо знаешь современную литературу! – возразил Питер Устинов.

– Для этого бара, – сказал Жан Моисеевич, – я знаю вполне достаточно!

Он спрятал бутылку с джином и отошел, чтобы утихомирить другого клиента, футбольного болельщика, который хотел изменить счет матча, хлопая по телевизору.

– Это не игровой автомат, – сообщил ему Жан Моисеевич. – А здесь не казино в Монте-Карло!

– Вранье! – возразил футбольный фанат. – Я только что сделал три ноль в нашу пользу!

– Ну и хватит, – невозмутимо заметил Жан Моисеевич. – Прекрати, говорю, хлопать!

Тут они принялись обсуждать, какой счет лучше – пять ноль или триста долларов за сломанный телевизор, а Питер Устинов предложил мне сменить дислокацию.

– Я обретаюсь в доме напротив, – сообщил он. – А также располагаю запасами джина в количестве двух бутылок, для автономного погружения в современную литературу.

– Этого должно хватить, – согласился я. – А вы связно излагаете!

Мы попрощались с Жаном и вышли из бара, что находился рядом с кинотеатром «Весна».

Анализировать – значит уподобляться. Я рассматривал некую фотографию, где, по всей вероятности, старый нацист выжил из ума, как птенчик из скорлупки. На нем были женское платье с передником и офицерская фуражка времен гестапо... Этот снимок я обнаружил в

учебнике ботаники за восьмой класс, когда рылся на книжных полках в лавке букиниста. Поэтому предположил, что выживший из ума нацист когда-то работал в школе и преподавал «Жизнь растений». А фройляйн Анита была его ученицей...

Театральный фашист (в полном фашистском обмундировании). Гутен таг, дети! Вы видите эти дубовые золотые листочки на моих погонах?! Я ваш новый учитель ботаники! Тема нашего сегодняшнего урока – как приготовить детей с маслом! То есть влияние доктора Фрейда на подрастающее поколение. Фройляйн Анита, подите к доске, я дам вам линейкой по жопе! То есть по ягодицам!

Фройляйн Анита. Я не понимаю, о чем вы говорите...

Театральный фашист (орет, как на плацу). Сесть—встать!!! Сесть—встать!!! Сесть—встать!!! (Спокойно.) То есть прекратите разговоры в классе... Итак, доктор Фрейд в своем последнем выступлении по радио выразился достаточно ясно... «Когда я слышу слово „культура“, я хватаюсь за пистолет!» То есть так сказал доктор Геббельс. Портрет которого вы видите за моей спиной. То есть это портрет Вальтера Ульбрихта, а доктора Геббельса лежит в кладовке...

Фройляйн Анита. Я не понимаю, о чем вы говорите...

Театральный фашист (орет). Лечь—лечь! Лечь—лечь! Лечь—лечь! (Спокойно.) Да... Портреты меняются, а времена остаются. То есть наоборот. Я помню Вальтера Ульбрихта еще молодым ефрейтором. То есть это был Адольф Гитлер. Не в смысле, что Вальтер Ульбрихт был молодым Гитлером, а в смысле, что молодой Гитлер мог стать Вальтером Ульбрихтом. То есть когда мы были молодыми, то все мечтали кем-то стать. Я, например, с детства мечтал стать ботаником. То есть группенфюрером. И здесь мы органично возвращаемся к доктору Фрейду и теме нашего урока «Удобрение почвы патологическими характерами для повышения урожайности». То есть на месте, где похоронен старый нацист, должно произрасти два!

Фройляйн Анита. Я не понимаю, о чем вы говорите...

Театральный фашист (орет). Шапки снять!!! Шапки надеть!!! Шапки снять!!! Шапки надеть!!! (Спокойно.) Теперь поговорим о селекции растений. То есть о культивации. В буковом лесу должны произрастать только буковые деревья. Пальмы, финики и березы необходимо выкорчевывать. Это сорняки. То есть второсортный продукт, который пойдет на переработку. Идея не новая, то есть старая.

После переработки полученную золу надо развеять над буковым лесом для укрепления корневой системы. То есть нации.

Фройляйн Анита. Я не понимаю, о чем вы говорите...

Театральный фашист (*орет*). Снять—снять! Снять—снять! Снять—снять! (*Спокойно.*) А теперь, дети, послушайте историю – как я стал нацистом! То есть женофобом. Потому что женщины хуже евреев. То есть несравненно! Первую мою жену звали Гретхен... (*Гасит свет, включает кинопроектор.*) На редких кадрах из семейного архива вы видите меня в домашних тапочках и Гретхен с петлей на шее...

Кинопроектор (*голосом Евы Браун*). Зольдатен! У меня нет чулочков! Я сейчас повешусь!!!

Театральный фашист (*марширует и поет*).

Фрой-ляйн и фра-у, не крутите по-пой!
Марш, марш, зольдатен – расправимся с Европой!
Фрой-ляйн и фра-у, юбки задирай!
Марш, марш «нах Остен»! Айн, цвай, драй!

Кинопроектор (*торжественно-восторженным голосом*). Сегодня! Наши! Доблестные! Войска! Форсировали! Вислу!

Театральный фашист. Я достал Гретхет новые чулочки. То есть получил многочисленные осколочные ранения, и мне перебинтовали ноги. Но покуда я лежал в госпитале, моя Гретхен моментально повесилась! То есть на шею штабного офицера. И мне пришлось жениться во второй раз. То есть на Марте...

Кинопроектор (*голосом Евы Браун*). Зольдатен! У меня нет платица! Я сейчас выброшусь из окна!!!

Театральный фашист (*марширует и поет*).

Фрой-ляйн и фра-у! Розы и тюльпаны!
Марш, марш, зольдатен – грязные болваны!
Фрой-ляйн и фра-у от нас не убегут!
Фрой-ляйн и фрау – гут, гут, гут!

Кинопроектор (*торжественно-восторженным голосом*).
Сегодня! Наши! Доблестные! Войска! Получили! По! Морде! И!
Вернулись! Обрато!

Театральный фашист. Я достал своей Марте новое платье. Но по дороге домой был вынужден в него переодеться. И когда я подложил вместо сисек две железные каски, то догадался, что настоящим Гитлером была Ева Браун. Только женщине пришло бы в голову отправить нас на Восток, не думая о предстательной железе. То есть в Сибирь – с целью остудить наши яйца. Поскольку степень мужской агрессии зависит от температуры яиц... И когда я это понял, дети, то стал убежденным нацистом...

Фройляйн Анита. Я не понимаю, о чем вы говорите...

Как говорил Конфуций, «трудно найти женщину в темной комнате, если она негритянка». А если она шляется среди бела дня с наглой физиономией и заявляет, что видит тебя насквозь? Не знаешь, куда от нее деться...

Когда я занимался рекламой на кабельном телевидении и валял дурака в своем кабинете, приперлась ко мне ясновидящая. Пришлось от нее спрятать недоделанную модель парусника, футбольный мяч и полуголую секретаршу по имени Аделаида. Отмечу, что если модель не доделал я, то Айка сама по себе пребывала в полуразобранном состоянии, думая, что так и должна выглядеть настоящая секретарша, открытая для рекламодателей на девяносто процентов, если она с блокнотом, и на девяносто девять процентов, если она без блокнота. Поэтому я прятал Аделаиду, чтобы наши рекламодатели многозначительно не хмыкали, а сразу же переходили к делу. А то рассядутся в приемной, напротив Айки, и давай рассуждать о рекламе, что тоже хотели бы сняться в каком-нибудь экзотическом ролике.

Как только звенел колокольчик, возвещая, что новый рекламодатель бьет о нашу дверь, натасканная Аделаида, согласно моему приказу за номером «один-дробь-один», покидала свое секретарское место и скрывалась в стенном шкафу. Отсюда – все

беспрепятственно шлялись ко мне в кабинет, что сильно мешало доклеивать парусник...

– Кассандра, – представилась ясновидящая.

– Это ничего не меняет, – ответил я. – Все услуги будут по прейскуранту.

Конечно, я был несколько раздражен, потому что, во-первых, думал об Айке в стенном шкафу. Может, она хочет выйти, чтобы попить кофе или поболтать с подружкой по телефону? Вдобавок, если вы думаете, что наше кабельное телевидение распространялось на всю страну – вы мне льстите, поскольку оно всего лишь опутало проводами три квартала и ретранслировало что бог на эфир положит. Я, в свою очередь, принимал рекламные объявления и вел бухгалтерию, а секретарша Айка развлекала меня анекдотами...

Между тем ясновидящая продолжала зыркать глазами, определенно рассчитывая на скидку. Я же сомнамбулически перекидывал на столе бумаги из левой стопки в правую и делал вид, что страшно этим занят.

– Хорошо, – наконец согласилась Кассандра. – Я могу предоставить вам услугу за услугу, – и протянула мне длинный перечень всех ясновидящих услуг, где среди прочего предлагалось «вернуть любимого по фотографии».

Я тотчас же согласился. Потому что некий кобель из общества «кламбер-спаниелей», оставленный на мое попечительство, пропал еще, сука, на прошлой неделе. Этого кобеля оставила мне приятельница, когда переезжала к другому приятелю, то есть – не к моему приятелю, а к приятелю моего приятеля. «Что, если Ольф поживет у тебя? – спросила она. – Покуда я не освоюсь на новом месте». А я подумал, что лучше пусть у меня поживет блохастый кобель, чем все эти приятели и приятельницы с их неразборчивыми половыми отношениями.

По-моему, Ольф перенял повадки своей хозяйки и в скором времени тоже «съехал» в неизвестном направлении. И если бы не приятельница, которая периодически звонила и спрашивала, как поживает ее «кламбер-спаниель», я бы не почесался его разыскивать. В общем-то я люблю собак, но, в частности, Ольф был натаскан уничтожать любую мужскую обувь, находящуюся в прихожей. А, как вы сами понимаете, другой обуви я не носил. Поэтому приходил на

работу с подметками под мышкой. И если смотреть на мои ноги сверху, все выглядело вполне прилично, а если снизу – то было холодновато шлепать босиком по асфальту. «Он, вероятно, ревнует, – сказала приятельница, когда позвонила в очередной раз. – Он, вероятно, помнит, что я ушла от него в сопровождении мужских ботинок...»

И вот как-то утром, надевая туфли, я не нащупал под собой пола. То есть подошвы были на месте, а Ольф исчез. И даже не прибрал к лапам мои кредитные карточки... Я посвистел в прихожей, посвистел на лестнице, посвистел на улице, покуда прохожие не стали интересоваться – что у меня в глотке застряло, и отправился на работу. Размышляя по дороге, существует ли Декларация о праве на личную жизнь для «кламбер-спаниелей»? Когда я зашел в свой офис и Аделаида приготовилась затирать за мною следы – она этих следов не обнаружила. «Милочка, – спросили у нее однажды знатоки русской литературы, разглядывая на полу отпечатки босых ступней. – Кто у вас шеф? Лев Толстой или снежный человек?» Не обнаружила Аделаида следов и на следующий день, а в среду приперлась ко мне ясновидящая...

– Собачку вернуть – плевое дело! – рассуждала она. – Сделайте мне бегущую строку и принесите фотографию песика!

Состряпать рекламное объявление – тоже не великий труд, например, что «ясновидящая Кассандра зрит в оба». А как объяснить, для чего мне понадобилась фотография Ольфа? И без того мне приходилось время от времени бегать в прихожую, когда звонила моя приятельница, и лаять оттуда в сторону телефонной трубки, замещая пропавшего «кламбер-спаниеля». «Что-то сегодня голос у него хриплый!» – сетовала приятельница. «Пива холодного выпил!» – пояснял я.

– Детей у меня нет, жены у меня нет, фотоаппарата у меня нет... – Я методично перечислил своей приятельнице, что из предметов домашнего обихода у меня не задерживается, и перешел к главному: – Хочу изображение Ольфа в рамочке!

Приятельница прослезилась по телефону и тем же вечером прислала мне несколько фотографий: «Ольф и она на пленэре», «Ольф и она с косточкой» и «Ольф и она в моей квартире». Только ее здесь еще не хватало...

Эти двуличные фотографии я предъявил ясновидящей при нашей следующей встрече...

– О-е-йо! – молвила Кассандра, положив левую руку на сердце, а правую на изображение.

– Отвратительная скотина, – подтвердил я, хотя не уточнил конкретно, кого же именно имел в виду – «кламбер-спаниеля» или свою приятельницу.

– Дело не во внешности, – возразила мне ясновидящая, – а в судьбе... Ваша собачка погибла – там... Где пересекаются улицы Кшижикова и Крыжикова...

– Будем считать, что мы расплатились, – ответил я, поскольку предполагал, что от нашей рекламы у ясновидящей тоже не будет ни одного клиента...

Надо признаться – я расстроился, невзирая на то обстоятельство, что Ольф не являлся мне родственником. Но он столько в жизни переварил мужской обуви, что любая смерть была бы ему не страшна, кроме прямого попадания артиллерийского снаряда. А я почему-то не слышал, чтобы в районе, где пересекаются Кшижикова и Крыжикова, проходила хоть сколько-нибудь значительная войсковая операция. Поэтому, прихватив из конторы фляжку коньяка, я отправился помянуть Ольфа по месту гибели. И, как вы думаете, кого я встретил на этом «собачьем» углу? Разумеется, свою приятельницу. То есть хозяйку несчастного «кламбер-спаниеля».

Она сидела на автобусной остановке между баулом и чемоданом, и вид у нее был пришибленный. Как от прямого попадания артиллерийского снаряда. Я уж подумал, что ясновидящая гадала на гибель другого животного... Но мало-помалу, не без помощи коньяка, моя приятельница слегка ожила и стала рассказывать, что с приятелем моего приятеля у нее не сложилась судьба, не сошлись взгляды на жизнь, неудачно расположились звезды, и ровно в полдень ее выгнали пинками под зад... Что мне еще оставалось делать? Ловить такси и везти приятельницу к себе домой, размышляя – как объяснить ей смысл исчезновения «кламбер-спаниеля»...

Но блохастая тварь уже поджидала нас на пороге, словно оповещенная телеграммой, и никто бы теперь не взялся определить масть и породу этого пса. Как будто черти пару недель наводили порядок в аду, а вместо половой тряпки использовали нашего

«кламбер-спаниеля». Он завизжал от полноты ощущений, облюнявил меня, а затем хозяйку, и блохи торжественно занесли его в квартиру...

На следующий день Аделаида пригласила меня к телефону.

– Алло! – представился я.

– Это ясновидящая, – послышалось в ответ.

– Вы хорошо меня слышите?! – для начала спросил я.

– Более-менее, – сказала ясновидящая.

– Тогда слушайте дальше...

Все, что до этого случая я думал о ясновидящих, умещалось в одном нецензурном слове. А тут я с трудом уложился в тридцать минут.

6

У мужчины есть разные человеческие желания. Одно из них – выучить латынь. Или хотя бы – английский письменный, потому что ругаться устно, как Уильям Шекспир, я умею...

Янка пыталась преподавать мне английский язык, как мартышке. Для этого я приходил к ней на урок с двенадцатью тематическими карточками. На одной стороне – слово, на другой – перевод. Большого количества аллегорий за один присест мой мозг не выдерживал из-за перенапряжения...

Например, тема «Лето»: море, теплоход, девушки, пляж, пиво, чемодан, жара, песок, солнце, очки, вулкан, Помпеи...

Или тема «Книга»: обложка, фотография, автор, дрянь, гениальная, мусорная корзина, выставка, гонорар, запой, просветление, трилогия, клиника...

– А по поводу карточек, – сказала Янка, – мне вспомнился один случай... Играла я как-то в теннис на летних кортах. Конечно, больше всего меня привлекала экипировка: короткая юбка, топ и собственные загорелые ноги. Это мужчины выходят на корт с целью отработать подачу, а женщины – чтобы отшлифовать фигуру и показать новый спортивный костюмчик. А теннисная ракетка – вроде обязательного аксессуара, как дамская сумочка...

Ну вот, сижу я на лавочке, загораю, дожидаясь Аниту для полного комплекта, она где-то задерживается, а прыгать на корте принято

вдвоем или вчетвером, глупые правила, но ничего тут не поделаешь. Сижую и от нечего делать перебираю карточки, чтобы освежить в голове некоторые английские выражения. Потому что передо мной разминается смешанная пара: она шикарная блондинка под метр восемьдесят, одни ноги чего стоят; а он плюгавый бывший брюнет, отсвечивает лысиной и мешает сосредоточиться на приеме мяча. Блондинка подает, он вяло отбивает и, как самоубийца, пытается со мной заигрывать. «Идите, – говорит, – сюда, сыграем втроем! Go here! Play three together!» – «Нет, нет, нет, – отвечаю, – ни за какие кнедлики! The weather is bad for tennis! Погода неблагоприятна для тенниса...» Потому что такая блондинка мешкать не будет, врежет по лбу ракеткой, и никакой английский тебе не поможет. Какие с ней могут быть игры?! Да еще – втроем!

Тут мячик катится к моим ногам, блондинка резво его подбирает, смотрит на мои карточки и говорит: «Подождите, пока я закончу!» Ну, вроде бы я вела себя как полагается, не лезла на корт, не строила из себя Анну Курникову... «Хорошо, – говорю, – подожду. Don't worry! Не беспокойтесь!» А когда завершается это представление, бывшего брюнета уносят в раздевалку, а блондинка подходит ко мне и говорит: «Записывайте! Два-два-два-пятьсот-пятнадцать-восемьсот-семьдесят-шесть!» Я, как дура, записываю, но потом все равно спрашиваю: «А что это?!» – «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера! – отчеканивает блондинка. – Там очень легко познакомиться с иностранцем для выезда на постоянное место жительства за рубежом!» – «Но я не хочу выезжать за рубеж! – отвечаю я. – Хоть с обезьяной, хоть с иностранцем!» – «Да? – удивляется блондинка. – А за каким тогда чертом вы изучаете английский?!»

Янка закончила свой рассказ и рассмеялась.

На прошлой неделе мы изучали части человеческого тела. Вначале тоже по карточкам, но затем, для наглядности, Янка разрисовала себя фломастерами, то есть надписала – руки, ноги, живот и кое-что еще, о чем я имел представление как мужчина, но не догадывался, что все так сложно выглядит по-английски. Пришлось нам с Янкой проверить, насколько иностранный язык влияет на мою потенцию. И пока проверяли – все стерлось. И пришлось нам вернуться к традиционному способу, иначе говоря – к карточкам.

– Тема сегодняшнего занятия? – справилась у меня Янка.

– «Обед»! – объявил я и разложил на столе карточки лицевой стороной вниз.

И вот что у меня получилось...

ОБРАЗ	ПОДОБИЕ	ПИСАТЕЛЬ
ПЕРСОНАЖ	?	ПОДДЕЛКА
ПЕТРОНИЙ АРБИТР	ПИТЕР УСТИНОВ	ПОДЖО БРАЧЧОЛИНИ
ГУСТАВ ШКРЕТА	ЙИРЖИ ГЕЛЛЕР	ВЕНДУЛКА

Конечно, имелись разные варианты, например под «Писателя» подоткнуть «Питера Устинова». Или «Подобие» совместить с «Вендулкой». Или к «Образу» присобачить «Йиржи Геллера». Но карточки из колоды легли именно так.

– Ничего не понимаю, – покачала головой Янка и стала шерстить мой пасьянс...

С первой «шеренгой» она разобралась достаточно быстро – на лицевой стороне карточек был перевод:

IMAGE	SIMILARITY	WRITER
CHARACTER	UNKNOWN	FAKE

Зато со второй «шеренгой» у Янки возникли сложности. Под «рубашкой» «Петрония Арбитра» пряталось изображение конной статуи Веспасиана; на лицевой стороне «Питера Устинова» был портрет «человека за стойкой бара»; вместо фотографии «Йиржи Геллера» – золотая маска Тутанхамона; «Поджо Браччолини» олицетворяла собой скульптура из флорентийского собора Санта-Мария-дель-Фьоре; а под «Вендулкой» скрывалась «Крошка Фифи – лучшие воспоминания». Но особенно Янке понравился «театральный фашист» за подписью «Густав Шкрета».

– Что это? – спросила она, имея в виду весь пасьянс и конкретно – мое самочувствие.

– Древние говорили, – улыбнулся я, – что число гостей, приглашенных к обеду, должно исчисляться от граций до муз. То есть не меньше трех и не больше девяти.

– С древними я еще разберусь! – пригрозила Янка. – А кто такая Вендулка?

– Племянница Йиржи Геллера, – честно признался я.

– Интересные у нее воспоминания, – оценила Янка, разглядывая фотографию Крошки Фифи. – И где ты успел с ними ознакомиться?

– Совершенно случайно, – поспешно заверил я. – Лучше взгляни, какая маска была у Тутанхамона!

Но погребальное украшение египетского фараона Янку интересовало меньше, нежели чулочки Фифи. Она продолжала рассматривать популярную композицию с канапе и ковырять ее пальчиком.

– Кстати, – заявил я. – Ты запросто можешь познакомиться и с Вендулкой, и с Йиржи Геллером. В пятницу нас пригласили на обед в его загородную резиденцию.

– Почему это всякий курятник принято называть загородной резиденцией? – язвительно осведомилась Янка.

– Какой курятник? – удивился я.

– Да вот с такими цыпочками! – уточнила Янка, размахивая пресловутой фотографией.

Сегодняшний урок английского явно не задался.

– Значит, ты не поедешь? – осторожно осведомился я.

– Поеду из принципа! – заявила Янка. – И прихватю с собой Аниту! Для резерва! А то вон какие здесь бомбы на канапе... Ведь Йиржи Геллер и его Вендулка не будут против такой компании?

– Не будут, не будут, – подтвердил я и вытащил из колоды фотографию Питера Устинова. – Вот, – сообщил я, – попутчик для Аниты. Она сможет за ним заехать?

– А ничего получше для бедной Аниты не нашлось? – озадачилась Янка. – И почему она должна заезжать за мужчиной, а не наоборот?

– Ну, он очень скромный писатель и без машины, – пояснил я. – Живет напротив кинотеатра «Весна».

– Писатель? – отметила для себя Янка. – Хорошо, Анита за ним заедет. Она питает слабость к разным идиотам.

На этом и порешили...

Ножницы

Глава о том, как Поджо Браччолини, его переписчица по имени Вендулка, трактирщик и поп-расторгуй поздним вечером 1425 года наконец-то приблизились к монастырю Святого Галла на расстояние одной немецкой мили, но повернули обратно ввиду вновь открывшихся обстоятельств, о которых поп-расторгуй умалчивал до поры до времени, однако вскоре поведал своим попутчикам, что может легко проникнуть в монастырь и выкрасть рукопись Петрония Арбитра. И о том, что из этого вышло...

– Какая мне разница – Петроний или Тацит? – развел руками поп-расторгуй, как только мы рассказали, зачем направляемся в монастырь. – Я могу стибрить любую рукопись из монастырской библиотеки. Тут главное, сколько она весит и как мне заплатят – продуктами или деньгами?!

– Продукты у нас закончились, – напомнил трактирщик.

– Деньгами, – заверил я.

– Тогда не будем терять времени! – воскликнул поп-расторгуй. – Я отправляюсь в монастырь, а вы подождите где-нибудь в укромном месте и хорошенько подумайте, сколько сможете мне отвалить за раритетную рукопись.

– Вас никогда не мучила совесть? – ехидно осведомилась Вендулка.

– Нет, – покачал головой поп-расторгуй. – За мной охотилась только святая инквизиция, а чтобы совесть – не припоминаю. Вдобавок ваш Петроний не числится в анналах христианской литературы, и, стало быть, я попросту изгоняю беса.

– Мне кажется, – заметил я, – что инквизиция недаром за вами охотилась.

– Кажется?! – ухмыльнулся поп-расторгуй. – По этому поводу существует целая притча об инквизиторе и ноздророге, но я не буду ее рассказывать, а вкратце изложу только самую суть...

Однажды великому инквизитору приснился ноздророг. «Ну что за рожа?!» – подумал он и стал усердно молиться, с тем чтобы дьявол оставил его в покое. Однако пакостный ноздророг продолжал ему

сниться, вначале только по пятницам, а потом каждую ночь, не исключая священного времени с субботы на воскресенье. Тогда инквизитор подверг себя поруганию и отправился в Африку проповедовать среди язычников, в надежде, что вражье видение постепенно развеется от перемены климата.

И каково же было его изумление, когда в африканской саванне он, как говорится, нос к носу столкнулся с ноздророгом! «Изыди! Сгинь, дьявольское создание!» – с ужасом воскликнул великий инквизитор, что, собственно, вывело ноздророга из равновесия. «Позвольте! – сказал ноздророг. – На прошлой неделе, когда я мирно щипал травку, мне привиделся великий инквизитор. Но, как наркоман со стажем, я понял, что попросту белены объелся. Поэтому, если у вас глюки, не нюхайте ладан в таком количестве!»

Мораль сей притчи такова: когда вам что-нибудь кажется – вступайте в общество анонимных алкоголиков!

Столь парадоксальная мораль произвела на слушателей неизгладимое впечатление.

– Чем попусту брехать, лучше семь верст отмахать! – заявил трактирщик.

Поп-расторгуй принял его заявление к сведению и стал собираться в поход. А именно – глубоко вздохнул и хлопнул в ладоши, да так звонко, что нам уши заложило.

– Ну, – решил по-расторгуй, – мне, пожалуй, пора идти в монастырь. А то получается как в книге известного австрийского писателя! Мы ходим-ходим, брешем-брешем, а к Замку не приближаемся.^[21]

– Это тенденция всякого культурного мероприятия, – вставила Вендулка. – Цель гибнет под грудой обстоятельств.

– Поясните, – потребовал по-расторгуй.

– Охотно! – отвечала Вендулка. – Некая женщина все время жаловалась, что, если бы не разные обстоятельства, она могла бы стать великим композитором. А так ей приходится отплясывать нагишом в захолустном трактире. «Жизнь, – говорила она, – меня выгнала на панель, а могла бы сложиться иначе!»

И вот надоело Боженке слушать всякие рассказы и решил Он сотворить чудо. Дал этой женщине два рояля и мужа-мецената, о котором говорили, что со своими деньгами он из медведя сделает

приму-балерину. Однако медведь иногда хоть встает на задние лапы, а наша женщина, честно сказать, не знала, как подступиться к роялю. И, невзирая на вложенные средства, симфонии из нее не посыпались. А только стала она промышлять на панели, как прежде, потому что имела природную склонность к этому делу. Да и фигурой Бог ее не обидел.

Мораль сей притчи следующая: как задом ни верти, а от себя не уйти!

– Есть такая болезнь человеческого мозга – придумывать разную фигню! – подтвердил поп-расторгуй. – Можно облечь ее в философию и погубить свой разум окончательно. А можно сочинить роман и слегка поправиться!

– Вы это к чему? – нахмурилась Вендулка.

– Ни к чему! – развел руками поп-расторгуй. – Просто поддерживаю беседу на должном интеллигентном уровне.

– Эх! – заявил трактирщик. – Где наша не пропадала?!

– В каком, извините, смысле? – уточнила Вендулка.

– В смысле, рассказываю... – пояснил трактирщик. – В соседней деревне на бабу свалился горшок и повредил ей мозги. До этого времени ничем особенным она не выделялась, а тут принялась повторять: «Я ведь женщина умная! Я ведь женщина умная!» Ну, вылитый попугай, честное слово!

Обычно до тридцати лет всякая баба оперирует своей красотой, а после – практицизмом. То есть обнажается не целиком, а только местами, чтобы подчеркнуть их значение для супружеской жизни. Ну, приоткроет одну извилину, и достаточно, чтобы мужчина не спутал ее с корытом! А целыми днями вякать: «Я ведь женщина умная! Я ведь женщина умная!» – у баб в этой деревне было не принято. Ибо мозги здесь не самое главное. Что с ними дальше-то делать?!

Думали бабы, думали и в полном составе решили идти к терапевту. Поставили во главе колонны свою запевалу и с криками «Я ведь женщина умная! Я ведь женщина умная!» отправились в путь-дорогу. Да слегка заплутали! Поэтому походили они побродили часа четыре вокруг деревни, повякали-повякали и разошлись по избам.

Мораль сей притчи такова: когда женщина умная – это издали слышно!

– Я надеюсь, – сказала Вендулка, – здесь нет никаких намеков?!

– Боже упаси! – поспешно заявил трактирщик. – Мои простые истории безо всякого линейного подтекста. А только для развлечения публики и веселого времяпрепровождения!

Тут я подумал, что эти люди достаточно надо мной поиздевались, и решил прекратить их бессмысленные беседы.

– Ночь на дворе! – заметил я. – Вы будете грабить монастырь или нет?!

– Обязательно! – заверил меня поп-расторгуй. – Только сведу вас в укромное место, оставлю там же свои продукты и сразу займусь делом. Так что, считайте, Петроний у вас в кармане! Следуйте за мной!

Тут поп-расторгуй развернулся, взвалил мешок с продуктами себе на плечи и двинулся по тропинке прочь от монастыря.

– Куда?! Куда?! – снова завопил я. – Монастырь-то там!

– А моя лачуга – там! – откликнулся поп-расторгуй и пальцем указал в обратном направлении. – Неужто я брошу деньги, да посреди леса?!

– Какие такие деньги? – насторожилась Вендулка.

– Которые содержатся у вас в карманах, – уточнил поп-расторгуй. – А вдруг на вас нападут разбойники? Время-то нешуточное! Зато у меня в лачуге вы будете как у Христа за пазухой!

– Разбойники?! – воскликнул трактирщик. – Да в этом лесу, кроме тебя, никаких разбойников больше нет!

– Ну, как знаете, – обиделся поп-расторгуй. – Или сидите в лачуге и дожидаетесь моего возвращения, или давайте залог и поминайте как меня звали! Что выбираете?

– Залог, – подсказал мне трактирщик и пояснил: – Так мы скорей от него избавимся!

– Лачугу, – скрепя сердце предпочел я.

И, следуя за расторгуюем, мы двинулись по тропинке к его лачуге.

– А что с эстетической точки зрения лучше, – не унималась Вендулка, – предвкушение или неудовлетворение?!

– Хм, – заметил трактирщик и споткнулся.

– Предвкушение ведет нас вперед, а неудовлетворение – еще дальше! – заявила Вендулка. – И поэтому цель в искусстве недостижима!

– Смотря какая, – возразил трактирщик. – К примеру, мне для искусственного удовольствия надо напиться, утром опохмелиться, а

вечером снова утолить жажду! Вот и получается, что я буквально топчусь на одной цели! По этому поводу существует притча о...

– Хватит-хватит!! – воскликнул я. – Мне уже дурно от ваших притч!

– Тогда я спою песню, – как ни в чем не бывало заявил трактирщик. – А то страшновато бродить в темноте по лесу.

– Отлично придумано! – поддержал идею поп-расторгуй. – Ты, трактирщик, начинай, а я стану весело подпевать. Дабы никто не подумал, что я замыслил какое-нибудь злодейство...

– Вепе!^[22] – согласился трактирщик и заорал...

Трактирщик (*хмельные куплеты*):

Жил-был прилежный пивовар
У нас в монастыре.
Так он готовил свой отвар
С утра навеселе!
Нет лучше Пива ничего!
Да славится всегда
Святая Троица его —
Хмель, Солод и Вода!

Поп-расторгуй (*душераздирающий припев*):

Имеются в трилогии
Другие аналогии!
Другие аналогии,
Мадам и господа!
Другие аналогии
Там несколько убогие!
Там несколько убогие —
Хмель, Солод и Вода!

Трактирщик (*хмельные куплеты*):

В монастыре за речкой жил
Прилежный пивовар,
С утра пораньше привозил
В пивную свой товар!
Он был святым наверняка,
Поскольку никогда
Его не дрогнула рука:
Хмель, Солод и Вода!

Поп-расторгуй (душераздирающий припев):

Имеем в современности
Совсем другие ценности,
Совсем другие ценности,
Мадам и господа!
Пускай же в неизменности
Останутся для пенности,
Останутся для пенности
Хмель, Солод и Вода!

* * *

И вот, уважаемые дамы и господа, уж третий день мы с Вендулкой сидим в лачуге посреди леса за десять немецких миль от монастыря Святого Галла и дожидаемся попа-расторгуя, который отправился за рукописью Петрония Арбитра и словно провалился. Трактирщик снабжает нас продуктами, а я от нечего делать сочиняю «Фацеции»^[23]. Вендулка их переписывает без помарок. А как сложатся дальнейшие обстоятельства, неизвестно. Дарует мне Бог долгожданную встречу с Петронием и его персонажами? Никто не знает...

Глава третья

«Жульен»

*Вот тот, в чьем доме сегодня предстоит нам
возлежать за обедом! Это как бы прелюдия пира!*

Петроний Арбитр. Сатирикон

С Йиржи Геллером я познакомился в 2001 году при довольно невыразительных обстоятельствах и с тех пор каждое лето гостил у него в загородном доме. За мной была закреплена комната на втором этаже, которую Йиржи Геллер называл «артистической», хотя ничего художественного и театрального там не было, кроме далеких планов. Я полагал, что когда-нибудь здесь напишу роман, а Йиржи Геллер грозился прикрутить мемориальную доску. Мол, «однажды летом на этом чердаке известный чешский литературный критик и кинематографист закончил свое произведение в прозе». Мемориальный текст изменялся в зависимости от погоды, и дождливыми вечерами от нечего делать он растекался в эпиграфическую поэму для десяти египетских пирамид. Зато в погожий, солнечный день – усыхал до наскального рисунка. Словом, эта памятная доска служила объектом для постоянных шуточек и филологических упражнений.

– Послушайте! – выкрикивал Йиржи Геллер под моими окнами. – А как вам нравится «видный чешский писатель и общественный деятель»?!

Я смотрел на свой ноутбук и улыбался.

– Или сразу напишем «классик чешской литературы»?! – не унимался Йиржи Геллер. – «Его романы были изданы на всех языках мира, включая эсперанто и кисуахили!»

Не знаю, какими судьбами этот дом достался Йиржи Геллеру, но ничего подобного я больше никогда не видел, ни в жизни, ни в смерти. Первый этаж был построен в стиле французского карманного классицизма, когда каждый землевладелец хотел иметь свой мини-Версаль. Второй этаж неизвестные архитекторы выложили из бревен

или надстроили позже, но в целом сооружение теперь смахивало на козла в цилиндре. Сам Йиржи Геллер прилюдно не высказывался по поводу своего усадебного хозяйства, но, подмечая, с каким выражением он поглядывает на дом, можно было предположить, что подобные архитектурные «трианоны» и его вдохновляют на мерзкие эпитеты.

– Пожгу к чертовой матери! – время от времени восклицал Йиржи Геллер, однако не уточнял, с какого архитектурного стиля начнет, а каким закончит.

Дом скрывался от пожарной ревизии в диком саду, который больше напоминал заповедную пущу. Из чувства жалости я выращивал здесь цветы, в смысле копал и сеял, а Йиржи Геллер протаптывал дорожки во всех казуистических направлениях. И, пребывая в абстрактных фантазиях, он забредал на мою клумбу и зывал оттуда о помощи.

– Совершенно не представляю, как я здесь оказался! – оправдывался Йиржи Геллер, возвышаясь посреди клумбы в виде бахчисарайского фонтана. – Да сделайте что-нибудь! Помогите мне выбраться с минимальным ущербом для вашего ландшафта!

Помня об удачном эксперименте Гайд-парка, я возле каждой клумбы стал устанавливать предупредительные таблички, доску – «тропинка для ослов». Но Йиржи Геллер, в отличие от разборчивых британских джентльменов, продолжал разгуливать по саду как придется. Только однажды спросил, не задумал ли я заняться разведением вьючных животных?

– Я совершенно не против, – пояснил Йиржи Геллер. – Только вряд ли они умеют читать...

Однажды он решил украсить свое жилище и притащил из города несколько картин современных художников, развесил их в вестибюле и стал выпытывать, что я по этому поводу думаю.

– Ограбили преисподнюю? – осведомился я, глядя на новые интерьеры.

– Вы ничего не понимаете! – усмехнулся Йиржи Геллер с видом хранителя и куратора выставки садомитов.

– Может быть, – согласился я. – Но сцена расчленения мотоцикла бензопилой не очень-то мне близка...

Художник думает, что творчество – это синтез божественного и болезненного. Только не может определить – что у него от Бога, а что развивается вследствие перенесенного в детстве менингита...

– Когда выздоравливает художник, его искусство становится скучным, – возразил Йиржи Геллер в ответ на мои замечания, что подобные картины скорее диагноз, чем украшение интерьера. – Вдобавок сегодня вечером у меня соберутся аналогичные гости.

Йиржи Геллер всегда выражался несколько замысловато.

– Я не успеваю за вашими смысловыми ассоциациями! – возмутился я.

– Догоняйте! – пожимал плечами Йиржи Геллер.

Если ко мне иногда забредают на стопку кагора только две благообразные старушки, чтобы поделиться своими философскими воззрениями, то к Йиржи Геллеру съезжаются мракобесы со всей округи и буйствуют до утра. Эти оргии озвучиваются какофонией для подтверждения смерти Иоганна Баха и Людвиг ван Бетховена. Не в силах смириться или заснуть, я на втором этаже топаю и приговариваю: «Йоган – жив! Йоган – жив! Йоган – жив!» Тогда Йиржи Геллер поднимается ко мне и предлагает: «Присоединяйтесь к нам! Хватит плясать в одиночестве!»

– А вместо модной «Металлоконструкции» мы можем послушать Вагнера, – говорит он. – Ну например, оперу «Нюрнбергские мейстерзингеры» или «Валькирию». Сядем на метлы и будем летать по саду...

Хуже, когда они сидят тихо. Я начинаю нервничать и вздрагивать от каждого шороха. Мне кажется, что Йиржи Геллер с компанией замышляет новый вселенский потоп или готовится ко второму пришествию антихриста. Промучившись в неведении час-полтора, я набираю номер мобильного телефона Йиржи Геллера и спрашиваю о какой-нибудь ерунде.

– Соль у меня, конечно, есть, – отзывается Йиржи Геллер. – А что вы задумали в три часа ночи? Если бифштекс – мы тоже будем!

– А если – нет? – интересуюсь я.

– Тогда предложите какое-нибудь безобразие, – говорит Йиржи Геллер. – Нам что-то в голову ничего не идет... Постойте-постойте! А

какая вам нужна соль – поваренная или бертолетова?!

И через секунду я слышу, как Йиржи Геллер радостно сообщает гостям:

– Друзья! Нам предлагают устроить в саду фейерверки!

Еще к Йиржи Геллеру приезжает из Праги племянница по имени Вендулка. Не реже чем раз в неделю. И днем, когда нет гостей, она загорает в одной бейсболке под моими окнами. Мне кажется, кроме шапочки, на Вендулке еще что-то есть, но я из дурацкого принципа не вникаю в такие подробности. То есть рассматриваю Вендулку в целом как племянницу Йиржи Геллера...

Вендулка знает, что у нее не получаются женские образы: кукольные, романтические и жеманные. Там, где надо сказать «Ах!», она произносит «Рррр!». Поэтому мужчины ее избегают. Еще у Вендулкиной бабушки выходило картинно падать в обморок при виде мышки или лягушки, а затем эти семейные способности были утрачены. Вендулка уже не умеет закатывать глазки и корчить из себя дуру. Поэтому мужчины ее избегают. А Вендулка считает, что всякий мужчина создан по Образу и Подобию фонарного столба и надо подвести к нему электричество.

Очередные гости стали съезжаться к Йиржи Геллеру на обед, когда Вендулка сидела у зеркала и пыталась изобразить радушную хозяйку дома. Она улыбалась на разный манер и говорила:

– Добро пожаловать, черт побери! Как доехали, чтоб вам пусто было! Здравия желаю, гости дорогие, равняйся, смирно!

В зеркале отражалось все что угодно – от убийцы малолетних детей до сержанта морской пехоты, но только не дама, которая говорит: «Ах, как я рада!»

– Бейсболку сними, – посоветовал я. – И выплюнь жевательную резинку.

Но Вендулка только отмахнулась.

– Пусть гостей встречает Йиржи Геллер, – заявила она. – Если хочет, чтобы гости остались живы.

Тут Вендулка запустила в зеркало воздушным поцелуем, и странно, что оно не разбилось.

– А где Йиржи Геллер? – спросил я.

– Заперся в своем кабинете, – пояснила Вендулка, – и не желает оттуда выходить до самого обеда. Мне кажется, он что-то замышляет...

Ничего хорошего Йиржи Геллер замышлять не мог.

– А может быть, – предложила Вендулка, – лично вы встретите и развлечете гостей, покуда я приготовлю какое-нибудь снадобье, чтобы всех отравить?

– Тогда, – усмехнулся я, – мне лучше не есть и не пить на вашем обеде. Я буду присутствовать незримо, в виде авторских ремарок.

– Как знаете, – пожалала плечами Вендулка. – Да что там, черт побери, гудит?!

Из дебрей нашего сада выполз «фольксваген-жук» и остановился, продолжая отчаянно сигналить.

– Начинается, – выругалась Вендулка. – Пойду наводить порядок!

Я, в свою очередь, высунулся из окна и стал с интересом наблюдать, как Вендулка выбежала из дома, подобрала длинную жердь и пошла в штыковую атаку на «фольксваген». И если гости рассчитывали на радушный прием, то я помахал рукой, думая, что они поймут меня правильно и не будут ближайшие пять минут покидать своей машины. Покуда Вендулка не расправится с автомобильным гудком. Но гости рассудили иначе. Из «фольксвагена», словно черт из коробочки, выпрыгнула стройная женщина, обежала вокруг машины, открыла дверцу и принялась выволакивать какого-то мужчину с пассажирского места. Гудки тотчас же прекратились. А Вендулка и женщина быстро нашли друг друга и стали совещаться над телом, что лежало теперь на траве возле «фольксвагена». Вендулка, по всей вероятности, хотела его треснуть жердью, а женщина настаивала, что сделает это сама. Во всяком случае, жердь переходила из рук в руки, а мужчина продолжал валяться на траве, явно смирившись со своей незавидной участью.

– Я за хозяйку дома! – кричала Вендулка. – Дайте мне треснуть гостя, как полагается!

– А я его привезла! – возражала женщина. – И поэтому имею право врезать ему без очереди!

– Да меня попросту убаюкало! – вякнул в конце концов мужчина. – В автомобильном транспорте!

– Два километра он бился головой об руль! – негодовала женщина. – Это называется «убаюкало»?!

– Но меня же не стошнило! – оправдывался мужчина. – Вам на колени!

– Да! – подтвердила стройная женщина. – Потому что я задрала ноги на ветровое стекло! На всякий случай вместе с коленями! И два километра не могла нажать на педаль, чтобы остановиться!

– Дайте-дайте я ему тресну! – настаивала Вендулка. – Ах ты, пьяница!

– Мертвых не бьют! – заявил мужчина. – А живых классиков не бывает!

И устроился на траве поудобнее – головой в сторону Страдфорд-на-Эйвоне.

«Это писатель, – подумал я. – Потому что только в литературе как-то оправданно разжижение мозгов. А в порядочном обществе сразу же вызывают скорую медицинскую помощь. Или ветеринарную? Однако в любом случае – писатель чувствует, в какой стороне Страдфорд-на-Эйвоне!»

Стройная женщина и Вендулка, пораженные заявлением про классиков, решили оставить писателя в покое и пойти на веранду, чтобы выпить аперитива со льдом и понаблюдать за «уродом» с безопасного для приличных дам расстояния.

– Сейчас я воткну жердь, – сказала Вендулка, – чтобы знать, где он лежит!

– Не надо, – откликнулся писатель, – в меня ничего втыкать. Я видный!

– Лучше огородить его волчатником, – подтвердила стройная женщина.

«Это Анита, – подумал я. – Потому что она смугленькая и мне нравится это имя!»

Анита работает в туристическом бюро и считает, что занимается аферизмом. «Я убеждаю пингвинов посетить Северный полюс, а белых медведей – Антарктиду». Она полагает, что за подобные махинации ей мало платят. «За свой оклад, – говорит Анита, – я могу купить одну серьгу и стать пиратом». Ей кажется, что если порядочной девушке

стать пиратом, то можно круглый год плавать по теплым морям, не прибегая к услугам туристической фирмы.

– У вас есть красные треугольные флажки? – продолжала меж тем Анита. – Надо обложить его по периметру, чтобы машиной не задавило. А то я везла-везла его из города, а кто-нибудь возьмет и поставит на него грузовик. Будет жалко.

«И все-таки женщины весьма аккуратны, – подумал я. – Им одинаково неприятно сесть на торт и раздавить мужчину».

– В нашей местности нет грузовиков! – отрезала Вендулка.

– Большая оплошность! – вдруг заявил писатель. – Как-то читаю в одной популярной книге такой диалог. «Вы девственница?» – спрашивает он. «Да кто же в такой дыре может лишиться меня девственности?» – отвечает она.

Писатель раскинул руки и радостно захихикал.

– Надо нести его в дом, – решила Вендулка.

– Сам доползет, – предположила Анита. – Надо пообещать ему что-нибудь интересное.

– Кого именно? – осведомилась Вендулка.

– Бутылку джина, – уточнила Анита. – Ведь он графоман, а не ловелас.

– Большая оплошность, большая оплошность! – продолжал хихикать писатель, неизвестно по какому поводу.

– А ну-ка! – сказала Вендулка. – Ползите в дом, импотент несчастный! Там джин! Джин!

– Иду-иду! – согласился писатель.

Писательница Анастасия не получала от литературных трудов никакого коммерческого удовлетворения. И вполне обоснованно решила заняться проституцией, дабы хоть как-то оправдать время, потраченное на духовность. Вышла на панель с томиком Байрона и стала привлекать к себе внимание разными художественными средствами. А именно: бурно вздыхать и спазматически поддергивать свои чулки. От такой демонстрации нижних конечностей подзагулявшие мужчины моментально трезвели и возвращались домой. А писательница Анастасия, проторчав на панели часа четыре,

пришла к выводу, что духовность глубоко поразила все сферы ее деятельности и теперь придется просить милостыню... Тогда замужние женщины, которые всегда страдали от сравнения с незамужними, открыли для писательницы хорошо оплачиваемую вакансию, чтоб Анастасия регулярно шла на панель и возвращала мужчин в семью. Есть еще способы заработать своей духовностью на хлеб, извините, с маслом!

Вендулка с Анитой потащили писателя в дом, чтобы оставить его на попечение бара.

– Можете принять душ, – сказала Вендулка, когда они добрались до гостиной, а изможденный писатель, словно бревно, рухнул на диван. – Кто навязал вам эту ручную кладь?

– Подруга, – призналась Анита. – Я чувствую себя как портовый грузчик.

– Привет подруге! – рассмеялась Вендулка. – Чистые полотенца в шкафчике!

– Я мыться сейчас не буду! – вдруг заявил писатель. – Чтобы внезапно не протрезветь!

– От вас и не ждут ничего невозможного, – пояснила Вендулка. – Вот вам бутылка джина и прекратите икать!

После чего Вендулка отправилась в кабинет к Йиржи Геллеру, однако дверь оказалась закрыта.

– Гости прибыли! – сообщила Вендулка и стукнула кулаком дверь. – Что с ними дальше делать?

Из кабинета слышалось что-то нечленораздельное.

– У меня имеется два варианта, как развлечь гостей, – продолжала Вендулка, облокотившись на дверь. – Можно обмазаться взбитыми сливками и станцевать на столе! Или прочитать им трагедию Еврипида на языке оригинала?!

– Просто поговори, – посоветовал ей Йиржи Геллер. – У людей существует необъяснимая потребность обмениваться мнениями!

– А вы что там делаете? – не унималась Вендулка.

– Отдыхаю перед обедом! – отвечал Йиржи Геллер. – Позови меня, когда все соберутся!

Чем он был занят в своем кабинете?

– Обменяться мнением, – пробурчала Вендулка. – Надеюсь, что этот обмен будет равноценным.

Она еще раз стукнула кулаком в дверь и пошла обратно в гостиную. Где застала писателя в состоянии, более близком к вертикальному, чем к горизонтальному. Во всяком случае, по таблице Чарлза Дарвина он был где-то посередине между обезьяной и человеком и продолжал выпрямляться.

– Поведение за столом ограничивается его размерами! – беспрепятственно рассуждал писатель, покачиваясь, словно орангутанг. – Питер Устинов! – отрекомендовался он.

Писатель перебивается случайными заработками и очень любит зачеркивать. «Дайте мне точку опоры, – говорил Архимед, – и я переверну весь мир!» «Дайте мне текст, – говорит писатель, – и через пять минут от него останутся рожки да ножки». Иногда ему кажется, что таким образом он редактирует свою жизнь. «Выброшенные эпизоды, – говорит писатель, – я помещаю в особую папку под названием „Синонимы“. Чтобы в моей личной жизни не повторялось „дерьмо“ да „дерьмо“, а были подобраны смысловые эквиваленты».

– Мне кажется, что мы где-то с вами встречались, – изрек писатель, глядя на Вендулку.

Он таким образом анонсировал свою симпатию к спиртным напиткам крепостью свыше восемнадцати градусов и к неординарным девушкам – от восемнадцати лет выдержки.

– Мы встречались недавно возле этого дома, – напомнила писателю Вендулка. – Вы, как свинья, валялись на лужайке.

– А вы там часто бываете? Мммм? – продолжал писатель разрабатывать схему «знакомства на дискотеке» и даже сделал танцевальное па левой ногой.

– Осторожно! – воскликнула Вендулка, поскольку писатель сразу же после па стал заваливаться навзничь и только чудом снова оказался на диване.

– Писатель – это четвертая ипостась Творца! – важно квалифицировал писатель свой фантастический кульбит.

– Я сомневаюсь, – возразила Вендулка, критически разглядывая писателя.

– Да вы сами сосчитайте! – воскликнул он. – Образ, Подобие, Автор, Писатель и двенадцать апостолов в виде персонажей!

– Я все равно сомневаюсь, – настаивала Вендулка.

Тут после душа вернулась Анита в банном халате с инициалами J и G и в чалме из полотенца.

– Я тоже! – сказала она, и не по поводу предыдущего диалога, которого, разумеется, не слышала, а просто из женской солидарности, которая объединяет блондинку, брюнетку и рыженькую, как некогда Карла Маркса, Фридриха Энгельса и примкнувшего к ним Ульянова-Ленина.

– Кажется, у нас назревает диспут! – обрадовался писатель. – Относительно этого существует легенда о Деве и Единороге... Чтобы составить хороший обмен репликами, в дремучий лес отправляют девственницу и привязывают ее к дереву. Дикий Единорог выходит из чащи, и между ними происходит любопытная беседа. После которой девственница остается девственницей, так и не познавшей литературы!

– А кроме джина и девственниц вас что-нибудь интересует? – спросила Вендулка. – И что за пьяный бред вы тут несете?

Вместо ответа писатель звучно икнул три раза.

– Кажется, у вас назрела потребность, – заметила Вендулка, – обменяться мнением с какой-нибудь раковиной.

Надо ли сравнивать девственниц и бумагу? «А почему бы и нет? – думает писатель. – И то и другое можно покрыть своим интеллектом! Словно Геракл, который отяготил сорок девять дочерей царя Феспия. И если рассматривать девственниц формата А4 как сорок девять чистых страниц, то можно заполнить их шрифтом, например Times New Roman. Кто-то прочтет и скажет – зачем вы испортили девственниц?! Но никто не подсчитывал идиотов, что народились на свет от Геракла. Всем только бросался в глаза его подвиг!»

Мне надоело присутствовать дома в виде ремарок, и я отправился прогуляться по саду, чтобы развеяться от авторских мыслей. «Надо ли думать, что я зарождаю самые дурацкие?»

Вообще-то, мысли возвращаются ко мне, как бумеранг, если не перешибают людям ноги. Тогда они падают на диван, пораженные какой-нибудь идеей. Чаще всего чем банальнее мысль, тем успешней она валит с ног человека. И вот особь лежит на диване и мучается – что же автор хотел сказать? Где вывод и резолюция на этом произведении? Когда игривый не в меру автор просто-напросто вышел в сад погулять, запустил свой бумеранг и фиксирует – как тот летает по бумаге. Кто же предполагал, что читатель прячется в кустах и желает обогатиться чужими мыслями?! Кто же думал, что мы играем на результат, а не легко и весело отдыхаем?! «Ой!» – кричит читатель. «Извините, промахнулся!» – отвечает автор. Лукавит, собака! Ведь многие авторы зарабатывают себе на жизнь только тем, что набредят, и поэтому ищут для вдохновения некий галлюциногенный источник «Сивой кобылы». А поскольку нет оснований считать, что сивые лошади в интеллектуальном развитии сильно опережают гнедых, то источник «сивой кобылы» подобен Иппокрене. То есть равновелик мифологическому роднику, который возник от крылатого мерина по кличке Пегас! И вот вам вывод и резолюция!

Конечно, вы можете возразить, что мы отовариваемся в разных источниках. В подобном случае вложите эту дурацкую мысль в конверт и отправьте по адресу автора с пометкой «Данный сервис не входит в мою подписку».

Автор не страдает сомнением, поскольку он всего лишь подобие. «Если Боженька хочет видеть меня таким, – думает автор, – значит, в этом и есть смысл моего существования...»

Тут из кустов шиповника вылезли Густав и Янка. В довольно растрепанных словоформах. Густав Шкрета тербил свой галстук за узел, словно соболезновал по поводу всего произошедшего в кустах, а Янка деловито отряхивалась. И можно бы было предположить, чем они занимались на лоне природы, да неохота. С недавних пор я как автор опасаясь строить гипотезы об отношениях мужчины и

женщины в кустах шиповника. Дабы потом не объясняться, что всякие сексуально-публицистические сцены – отнюдь не внутренний мир автора.

Густав Шкрета достал из кармана блокнот, авторучку и решительно двинулся в мою сторону...

– Нет, нет и нет! – сразу же воспротивился я. – Никакие порочные связи я больше описывать не желаю!

Но Густав Шкрета раскрыл свой блокнот, перелистнул пару страниц и показал мне план местности, вероятно начертанный Йиржи Геллером. Во всяком случае, там были отмечены все мои клумбы за подписью «Авторская работа».

– Вы не подскажете, как нам найти дом известного чешского мецената? – спросил Густав Шкрета и постучал по плану авторучкой.

– Позвольте-позвольте, – отозвался я. – Вы ищете двухэтажный сарай Йиржи Геллера, чтобы продать ему какие-нибудь ужасные картины? «Шар на девочке» или «Вялотекущие часы Фридриха Ницше»? Я видел нечто подобное и до сих пор не оправился.

– Гм, – сказал Густав Шкрета. – Мне бы не хотелось комментировать выражения «оправился – не оправился» в связи с современным искусством. Тем более что я не торгую картинами.

– Да? – удивился я. – А почему здесь написано «План реставрации»?

Густав Шкрета закрыл свой блокнот и спрятал его в карман.

– План реставрации, – ответил он, – я тоже не хочу обсуждать.

Янка не вмешивалась в наши переговоры и продолжала отряхиваться, как будто меня здесь нет.

– Ну, если вы не склонны беседовать, – заметил я, глядя на строптивые персонажи, – идите по этой тропинке и упретесь в дом Йиржи Геллера.

Янка тут же отправилась по указанному адресу, а Густав Шкрета задержался возле меня.

– Надеюсь, что вы ничего такого не подумали? – деликатно осведомился он и покосился на Янку.

– Подумал, – признался я.

Густав Шкрета попытался определить, насколько мои мысли откровеннее его поступков, и не определил.

– Помните о высоком предназначении художника! – на всякий случай заявил он и двинулся следом за Янкой...

Когда Ганнибал со своими войсками перебирался через Альпы, на него присел боевой слон. Тогда среди армии возникло некоторое замешательство, потому что все только догадывались – с какими неблагоприятными целями гадкий слон опустил на великого полководца. Кстати, история стыдливо умалчивает об этом происшествии, а значит, цели были поистине неблагоприятные. Но средства, которые применил боевой слон, отражали его отношение к переходу через Альпы. Отсюда зеркальный вывод: великие цели нередко заканчиваются большим конфузом. Потому что простым обывателям на наши великие цели – как слону на Ганнибала!

Как только Густав заявил «о высоком», я ощутил, что «художник» проголодался. И если раньше не хотел идти на обед к Йиржи Геллеру, то, нагулявшись по саду, пришел к выводу, что теория относительности – хорошо, а десять бутербродов – лучше. Вдобавок позавчера меня снова обожрали «музы» – «Талия» и «Мельпомена». Так что рассчитывать на собственные съестные запасы мне не приходилось.

Почтенные «музы» жили достаточно далеко, по пенсионным меркам. В собственном коттедже возле ручья. Просыпались они поздно и стартовали после обеда с таким расчетом, чтобы добраться до нашего дома к ужину и покалякать со мной о древнегреческой драматургии. Невзирая на старческую подагру, они любили текилу с Аристофаном и по дороге обратно в родные пенаты ставили все окрестности на уши своими драматическими выкриками, рапсодиями и ателланами. Подзагулявшего путешественника или романтически настроенных любовников мог запросто хватить кондратий, когда из чащи в первом часу ночи на них выходила парочка «муз», размахивая костылями и ухая цитатами из Аристофана.

Вам рассказать, как топором жена убила мужа?!
Другая зельем извела, ума его лишила!

В Ахарнах женщина одна под ванной...
Отца зарыла!
Об этом Еврипид нигде не говорит!^[24]

Конечно, у «муз» имелись и вполне человеческие имена, но полноватая «Талия» все время хохотала, а худая, как штопальная игла, «Мельпомена» могла выпить текилы больше меня. И в сумме они составляли прелюбопытную парочку, не страдающую отсутствием жизненной энергии и аппетита...

– Странные у вас знакомые, – отмечала Вендулка. – И очень прожорливые.

– Зато не представляющие никакой опасности, – намекал я, что всякая женщина до определенного возраста может расцениваться как баллистическая ракета с угрожающим радиусом поражения.

– Вы женофоб, – заявляла Вендулка. – А почему «баллистическая ракета»?

– Потому что любая женщина движется по принципу свободно брошенного тела, – пояснял я.

– Когда в разводе? – уточняла Вендулка.

– Ага, – подтверждал я.

Тогда Вендулка морщила лоб, соображая, шучу я или издеваюсь.

– Вы надо мной издеваетесь! – обижалась Вендулка.

– Шучу, – возражал я.

«Талия» и «Мельпомена» недоумевают – как Диоген помещался в бочке. Путем сложных математических рассуждений, на портновский манер, они высчитывают, что Диоген был ростом с собаку. «И поэтому все называли его киником!» – приходят к выводу «Талия» и «Мельпомена»... После чего шьют Диогену собачью попонку, дабы философ не мерз холодными афинскими вечерами.

Когда я вернулся в дом и незримо присоединился к гостям Йиржи Геллера, они продолжали общаться. Вендулка принимала посильное участие в этих разговорах и управляла словопрениями словно Харон,

то есть с убийственными гримасами. Писатель же выступал в роли загребного...

– А кто-нибудь видел Йиржи Геллера в натуральную величину? – поинтересовался он.

Густав Шкрета, как школьник, поднял руку. Вендулка многозначительно хмыкнула.

– И что вы можете сообщить? – не унимался писатель.

Он принял позу роденовского мыслителя, уложенного на диван. В альтернативном положении писатель больше напоминал чудовище из готической архитектуры. Возможно, горгулью.

– Я скажу, – ответил Густав Шкрета, – что существуют приличия, которые не позволяют обсуждать хозяина в его доме.

– Тогда выйдем в сад, – предложил писатель, но потом решил не подниматься с дивана. – Или вынесите меня отсюда, – уточнил он.

Янка думала, что Густав Шкрета в кустах шиповника намного лучше, чем в постели. У Аниты имелись другие ландшафты для размышлений. А сам Густав Шкрета просматривал «семейный альбом» Йиржи Геллера и рассуждал вслух:

– Дядя, тетя, брат, племянница...

– Нужны мне были такие родственники! – ляпнула вдруг Вендулка.

Что нарушило движение мысли в направлении «Мужчина – Женщина». Янка на промежуточной станции вышла из этого поезда и стала думать, что Анита в постели, наверное, лучше Густава Шкреты.

– А что конкретно вас не устраивает? – спросил Густав Шкрета. – Я в качестве сводного брата из Тюрингии или Анита Фогель в форме сестры милосердия?

– Всё, – обобщила Вендулка. – Но особенно фотография графа Дракулы.

– Это я, – повинился писатель. – После двух порций «Кровавой Мэри».

– Неужели? – удивилась Вендулка.

– Ну, после трех, – сознался писатель.

– А вы не пробовали сниматься в кино? – спросила Вендулка, глядя на писательскую фотографию...

Все разговоры писатель сводит к Литературе. И это сводит Литературу с ума... «Здравствуйте, – говорит Литература, – и до свидания!» Ее помещают в частную психиатрическую клинику, где со вкусом подобрана библиотека.

– В нашей литературе есть две тенденции, – сообщил писатель. – Либо роман без сюжета, либо сюжет без романа! И скоро обе тенденции останутся без читателя!

– Что будете тогда делать? – спросила Вендулка.

– Ну, – принялся рассуждать писатель, – похороню литературу, справлю по ней поминки и дважды в неделю буду ходить на кладбище и читать стихи...

Любовь скончалась раньше суммы,
Отпущенной на этот случай!

– Эти стихи о чем? – уточнила Вендулка.

– О любви читателя к современной литературе, – пояснил писатель и снова продекламировал:

Я с возрастом таращусь на вершины
Без прежнего, спортивного желания...
Как обладать тобой до половины
За двадцать пять процентов содержания?!

– А вы не хотите похоронить свои стихи? – осведомилась Вендулка. – И может, литература еще поживет!

– Вам повезло, – заметил писатель, – что я хорошо воспринимаю критику. Но могу и встать! Это на Льва Толстого можно брехать все что вздумается. А я способен еще подняться с дивана и навалить!

– А я могу взять сковородку и адекватно ответить, – ввернула неугомонная Вендулка.

– Что вы делаете?! – забеспокоился Густав Шкрета.

– Обмениваемся мнениями! – пояснила Вендулка.

– Диалог стимулирует выделение желудочного сока, – свернул на свою любимую тему писатель. – Дикий Единорог выходит из леса...

– И тут девственница бьет ему по потенции! – закончила фразу Вендулка. – После чего дикому Единорогу становится не до литературы.

«Пора бы появиться Йиржи Геллеру», – подумал я, поскольку обмен мнениями грозил перейти в потасовку...

Автор припоминает цитату и употребляет ее не к месту: «Я приеду к тебе на обед, но вот мои условия: обед должен быть прост, дешев и изобиловать только беседами в сократовском духе. Но и тут – в меру...»

– Искренне тронут! – сказал Йиржи Геллер, осматривая гостей. – Вы приняли мое приглашение отобедать! Однако беседа, что тут поддерживается, мне кажется, не в сократовском духе.

Выступление Йиржи Геллера потрясло всех, даже такого отчаянного нигилиста, как писатель. Питер Устинов попытался «встать в строй», но только вытянулся на диване солдатиком. Анита поплотнее запахла халат, Янка глупо расхохоталась, Густав Шкрета чихнул и выронил альбом, а Вендулка брякнула: «Как доехали, чтоб вам провалиться!»

Йиржи Геллер был в маске Тутанхамона.

– А вот и Хэллоуин! – воскликнул писатель. – В смысле, как тыквой по голове!

Но Йиржи Геллер ничуть не смутился от подобных сравнений и маски не снял.

– Извините за странный вид, – сказал Йиржи Геллер, – но мне захотелось придать нашей встрече побольше артистизма.

– Это удалось, – подтвердил писатель. – А нет ли у вас в хозяйстве противогаза? Я мог бы изобразить египетского слона!

– У вас и так хорошо получается, – пробурчала Вендулка. – Без противогаза.

– Вот привязалась! – в сердцах воскликнул писатель.

После чего закрыл глаза, скрестил на груди руки и принялся корчить из себя классика мировой литературы на смертном одре, только со стаканом вместо свечки.

– Питер Устинов! – представил писателя Густав Шкрета. – Дальний родственник из России. – Он раскрыл «семейный альбом» и принялся демонстрировать Йиржи Геллеру фотопортреты писателя: – Вот, вот и вот...

– Симпатичненько получилось, – оценил фотографии Йиржи Геллер. – Надеюсь, вы понимаете, что данная мистификация не имеет под собой никаких дурных намерений?

– Ну, если вам хочется повалить дурака, милости просим! – ответил писатель. – История видела обеда и посмешнее...

– Все писатели педерасты! – вдруг заявила Вендулка.

– Почему?! – опешил писатель.

– Потому что у них однополые мысли, – пояснила она.

– Не надо утрировать, – возразил писатель. – У меня в голове полный бордель!

Как-то русский писатель Андрей Белый принес в издательство рукопись романа «Петербург». Ее опубликовали в 1914 году. После чего Андрей Белый переработал свой «Петербург» и сократил вдвое. Новую версию романа опубликовали в 1922 году, а современные авторы были потрясены! Они всегда доливали воды в свои произведения и никогда их не сокращали. Ведь сделать из «Петербурга» двухтомник «Санкт-Петербург» намного выгодней, чем просто иметь совесть. Почему Андрей Белый шел от обратного – одному Богу известно!

– Все дважды сосчитано, взвешено и поделено! – сказал Йиржи Геллер, опираясь на стол, уставленный блюдами и закусками. – Кстати, вы знаете, откуда это изречение?

– Боюсь ошибиться, – ответил писатель, подтягивая к своему дивану «перекати-бар», – но на иврите это звучит как «мене, мене, текел, супинатор»...

– Упарсин, – поправил его Йиржи Геллер.

– Точно! – воскликнул писатель. – У меня незаконченное высшее образование, поэтому я начинаю за здравие, а завершаю за упокой, – пояснил он. – А с чего вы вспомнили про пир Валтасара?

– К слову пришлось! – солгал Йиржи Геллер. – Вдобавок этот Валтасар олицетворяет в христианском искусстве тип Антихриста. О чем же еще говорить за обедом, как не об искусстве?

– Я слушаю вас, Геллер, – заметила вдруг Вендулка, – слушаю и недоумеваю... Что случилось с вашим голосом?

– А что тебя смущает? – удивился Йиржи Геллер.

– Ваше колоратурное сопрано, – пояснила Вендулка. – Сперва вы пицчите, словно комар, а потом говорите басом. Это маска на вас так действует?

– Нет, – отвечал Йиржи Геллер. – Мне так больше нравится.

– Ну, как знаете! – махнула рукой Вендулка.

– А меня больше устраивают обеды Лукулла, чем Валтасара, – встрял в разговор Густав Шкрета. – А то вдруг на стене появляются надписи, которые только пророк Даниил в состоянии расшифровать... Это же не конкурс кроссвордов, а совместный прием пищи!

Химику Менделееву как-то приснилась одноименная периодическая таблица. Но когда Менделеев проснулся, то химик не смог до него достучаться, и, как следствие, Менделеев ничего не помнил. На другую ночь химику Менделееву снова привиделась сволочная таблица, однако поутру он с удовольствием выпил чаю и пошел на работу как ни в чем не бывало. С тех пор так и повелось! Менделееву периодически снилась таблица, а химик бился головой о стенку, пытаясь донести свое открытие до Менделеева. Это безумие продолжалось довольно долго, покуда химик не окислился в Менделеева. Тогда Менделеев сел за письменный стол и собственноручно начертил периодическую таблицу Менделеева. И вот она – несправедливость! Душа поет, а вся слава достается телу...

– Если вы не расскажете, кто такой Валтасар, – предупредила Вендулка, – я напишу на стене все, что о вас думаю.

– Упоминается в Библии, – пояснил Йиржи Геллер, – что, когда вавилонский царь Валтасар обедал со своими придворными, женами и наложницами, на стене появилась надпись, которая предвещала Валтасару скорую гибель.

– Обычно такие надписи возникают после водки с портвейном, – заметил писатель. – А что они пили?

Но этот вопрос так и остался без ответа, потому что после пророческого заявления о скорой гибели Валтасара Йиржи Геллер пошатнулся, ухватился рукой за скатерть и вместе с «обедом» рухнул на пол. Это действие сопровождалось звуками бьющейся посуды и прочими акустическими фокусами, как то – эхо и резонанс. Гости бросились к Йиржи Геллеру, чтобы помочь ему подняться, однако не встретили никакого отклика. Йиржи Геллер, основательно залитый соусом и приправленный закусками, оставался ко всему безучастным, словно холодная свекла в винегрете. Тогда Вендулка стащила с дивана писателя, а на свободное место энергичные гости уложили хозяина. Сняли с него маску Тутанхамона...

– Это не Йиржи Геллер! – хором воскликнули Шкрета с Вендулкой.

– Как вы догадались? – удивился писатель. – Он же весь в кетчупе! Да я бы маму родную сейчас не узнал!

Автор думает, что, если комедия заканчивается трагедией, – это оплошность автора. Конечно, юмор понятие скользкое и не всегда оправданное, когда покойнику рассказывают анекдоты. Однако надо придерживаться литературного жанра от пролога до эпилога, и если жизнь задумана как фарс, то становитесь в очередь к Петронию, пойте ему шуточные песни и читайте легкомысленные стихи. Покойник все стерпит!

– А кто же это?! – воскликнули Янка с Анитой, глядя на безучастное ко всему тело.

– Вы так и будете разговаривать хором? – спросил писатель. – Прямо древнеримская ателлана какая-то или комедия дель арте!

– Это неизвестный автор, – пояснила Вендулка по поводу человека, уложенного на диван.

Она успела сгонять в кабинет Йиржи Геллера и вернуться обратно.

– Что значит «неизвестный»? – спросил Густав Шкрета.

– То и значит! – махнула рукой Вендулка. – Он гостит у Йиржи Геллера каждое лето. Видный чешский писатель и общественный деятель.

– Видный, но неизвестный, – пробурчал Густав Шкрета. – Как это может быть?

– Еще один писатель? – удивилась Анита. – А за каким, извините, чертом я этого сюда привезла?!

Она указала пальцем на Питера Устинова, который по-прежнему сидел на полу, куда его сбросила Вендулка, и обнимал за ножку «перекати-бар».

– Да, – подтвердил Питер Устинов. – Нас тут, писателей, как собак нерезаных! Какая счастливая литературная страна! Кстати, а сам Йиржи Геллер еще не писатель?

– Сам Йиржи Геллер непонятно где! – выругалась Вендулка, пытаясь нащупать пульс у неизвестного автора. – Кабинет пуст! А из писателей остался только один, потому что этот уже не дышит!

– Если не дышит, не надо его трогать! – сказал Густав Шкрета и отошел от дивана подальше.

Остальные гости последовали его примеру, все, кроме Питера Устинова, который и так находился на почтительном расстоянии от дивана.

– Экая незадача! – посочувствовал Питер Устинов коллеге. – А что с ним случилось?

– Вам же говорят, – зашипел на писателя Густав Шкрета, – что неизвестный автор скончался!

– То есть умер? – уточнил Питер Устинов. – За это надо выпить! Если дело так и дальше пойдет, то скоро я останусь один и буду олицетворять собой чешскую литературу!

– Что-что вы с ней будете делать? – язвительно переспросила Вендулка.

Но Питеру Устинову попала вожжа под хвост и подхлестнула на радужные перспективы.

– Писатель умер! Да здравствует писатель! – заявил он, наполнил бокалы шампанским и поэтапно опорожнил все.

– Воду за двери, вино на стол! – крикнул Трималхион...

Он взгромоздился на подушки, и, пока гомеристы

произносили, по своему наглому обыкновению, греческие стихи, он нараспев читал латинский текст...

Вендулка и гости молча взирали, как Питер Устинов расправляется со спиртными напитками в лучших национальных традициях, то есть по всякому поводу и не поводу.

– Я тут подумала, – вдруг заявила Вендулка, – что мы не сможем никому объяснить смысла этой драмы. Потому что сами ничего не понимаем.

– Тогда давайте драму считать комедией! – воскликнул писатель. – Полиции понравится. Я утверждаю, что более благодарных зрителей, чем полицейские, в природе не существует!

– Вот-вот, – подтвердила Вендулка. – Поэтому я предлагаю оставить все как есть и смотаться в Прагу.

– Машина сломалась, – напомнила Анита.

– А то! – ухмыльнулся писатель. – Я же недаром бился об нее головой!

– Поедем на поезде, – пожала плечами Вендулка. – Главное, чтобы все вместе. В одном, так сказать, купе.

– Почему это главное? – спросил Густав Шкрета. – И мне ваш план откровенно не нравится. Вы предлагаете бросить неизвестного автора и скрыться от правосудия! Как будто мы сбили его машиной.

– Машина сломалась! – снова напомнила Анита.

– А то! – ухмыльнулся писатель. – Я же недаром...

– Да замолчите вы! – прикрикнул на них Густав Шкрета.

– Более того, – продолжала гнуть свою линию Вендулка, – я хочу сделать алиби Йиржи Геллеру. Ведь могут подумать, что Йиржи Геллер отравил неизвестного автора мышьяком. И теперь мы вдыхаем ядовитые газы.

– Извините, – вякнул Питер Устинов. – Я не нарочно несу перегаром, а только от переживаний!

– Тогда накройте неизвестное тело пледом! – попросила Анита. – А живой писатель будет дышать в окно!

– В поезде? – спросил Питер Устинов.

– Сейчас! – уточнила Анита и обратилась к Янке: – Ты-то о чем думаешь?!

– Да-да, – отвечала Янка.

Вендулка накинула плед на тело неизвестного автора, шикнула на Питера Устинова и повернулась к Густаву Шкрета, как будто ждала от него каких-нибудь указаний.

– И все равно мне непонятно, – заявил Густав Шкрета, – где Йиржи Геллер и почему ему нужно алиби?

– Мне странно другое, – сказала Анита. – Что никто не попытался помочь неизвестному автору, вызвать «скорую помощь», применить электрошок...

– Да с кем вы разговариваете?! – вставил писатель. – Они даже не смыли кетчуп с его лица! Накрыли попонкой, и концы в воду!

– «Скорая помощь» не выезжает к покойникам, – отрезала Вендулка. – Вдобавок я понятия не имею, как звали этого автора, откуда он родом и прочее, прочее, прочее... Об этом знал Йиржи Геллер, но его здесь нет и, по всей вероятности, долго не будет. Вот поэтому Йиржи Геллеру нужно алиби!

– Железно! – усмехнулся Густав Шкрета. – Но мне кажется, уважаемая Вендулка, что вы о чем-то умалчиваете. Или недоговариваете.

– Может быть, – отвечала Вендулка. – Может быть.

«Бойтесь писателя! – думает автор. – Его не так-то просто убить! Вернее, пристукнуть, конечно, можно, но тогда убиенный писатель будет являться вам каждую ночь и декламировать свои незаконченные и неизданные произведения до первых петухов. А вам это надо?!»

– Если Геллер в ближайшее время не объявится, – заявила Вендулка, – нам надо кем-то его заменить.

– Что значит «заменить»? – удивился Густав Шкрета. – И кому это «нам»?

– Ну, я не хочу остаться без благодетеля, – туманно пояснила Вендулка. – А вы?!

– Мне спонсор не нужен! – заявил Густав Шкрета. – Но Йиржи Геллер не расплатился со мной за альбом.

– А если его упекут в каталажку, то плакали ваши денежки, – подытожила Вендулка. – Короче, нам нужен бродяга, который побудет пока Йиржи Геллером! А как только объявится настоящий...

– У нас будет два Йиржи Геллера! – вставил писатель. – Или снова ни одного! – смутился он.

– Замечательно! – рассмеялся Густав Шкрета и, обращаясь к Вендулке, спросил: – Женское алиби имеет какие-нибудь специфические характеристики?

– Нет, – отвечала Вендулка.

– Тогда объясните, – предложил Густав Шкрета, – почему нам нужен бродяга, чтобы изображать Йиржи Геллера, а не какой-нибудь актришка?

Вендулка несколько театрально всплеснула руками.

– Какой же вы глупый, Густав Шкрета! – воскликнула она. – Бродягу никто не будет искать, если он тоже исчезнет!

– Я вот еще о чем думаю, – озадачился Густав Шкрета. – У вас женская логика или просто извращенная?!

– Не думайте, – посоветовала ему Вендулка. – Ни к чему хорошему это не приведет!

– А почему вы уверены, что Йиржи Геллер причастен к смерти неизвестного автора? – спросила Анита.

Питеру Устинову показалось, что этот вопрос пахнет дешевым детективом, чем Питер Устинов, как истинный писатель, поспешил воспользоваться.

– Причастен к смерти! – торжественно повторил он и принялся ерничать: – Первое причастие Йиржи Геллера! Второе причастие Йиржи Геллера! Третье причастие Йиржи Геллера...

Однако литературные изыски Питера Устинова не произвели на гостей и Вендулку никакого впечатления.

– Я не уверена, что он причастен, – отвечала Вендулка. – Но Йиржи Геллер очень экстравагантен!

Автор припоминает рекламу туристической фирмы, размещенную возле кладбища: «ОТДОХНУТЬ МОЖНО И ЗДЕСЬ, НО ЛУЧШЕ ВСЕГО – В ТУРЦИИ!!!» «Это экстравагантно или случайно?!» – думает автор.

– Вы лучше меня ни во что не впутывайте! – заявила Анита. – И Янку тоже!

Она подскочила к подруге и взяла ее под руку.

– Вы сможете их уговорить? – спросила Вендулка у Густава Шкреты, имея в виду Аниту и Янку.

– Я попытаюсь, – кивнул Густав Шкрета.

– А я беру на себя живого писателя и бутылку шнапса! – решила Вендулка.

– Две бутылки! – возразил Питер Устинов. – Иначе я в ваших аферах отказываюсь участвовать! Мне после одной бутылки будет стыдно. Не за себя, а за литературу!

– И за каким только чертом Йиржи Геллер пригласил нас в гости?! – продолжала возмущаться Анита. – Если не собирался обедать...

– Зато он оставил вместо себя заместителя, – напомнил Питер Устинов. – В маске Тутанхамона. А заместитель снял маску и очоурился. Вот вам и весь сюжет!

– Ехать так ехать! – вдруг заявила Янка. – История эта темная, и я хочу от нее побыстрее избавиться...

И минут через тридцать четверо гостей и Вендулка затолкали Анитин «фольксваген» в кусты, от греха подальше, и отправились на автобусную остановку, чтобы добраться до города Брно, а там сесть на поезд в Прагу...

Бумага

Краткий список трудов разных ученых мужей и просвещенных дам на тему античности, египтологии, Средневековья, византизма, раннего христианства и позднего Возрождения из монастырской библиотеки с примечаниями попа-расторгуя и патриарха Фотия. ^[25]

1. *Архиепископ Лоллий*. Александрия и Египет.

2. Александрийский физиолог.

3. *Бадж*. Амулеты и суеверия.

Примеч. попа-расторгуя: «Афтар жот!»

4. Античная география.

Примеч. патриарха Фотия: «Разрешено к вывозу из СССР. Двенадцатый уполномоченный».

5. Античная демократия в свидетельствах современников.

6. Античная лирика.

Примеч. попа-расторгуя: «Ф топку!»

7. *Торшилов*. Античная мифография.

8. *Радциг*. Античная мифология.

Примеч. патриарха Фотия: «Пожрали мыши!»

9. Античная художественная культура.

10. Античное общество: проблемы политической истории.

11. Античные камеи.

Примеч. патриарха Фотия: «Иллюстрации интересные, но качеством поганые!»

12. Античные писатели.

Примеч. попа-расторгуя: «Афтар – плюсадин!»

13. Античные поэты об искусстве.

14. Античные риторики.

15. *Раков*. Античные стражи Петербурга.

Примеч. патриарха Фотия: «Глядя на книгу сию – прослезился!»

16. Античные теории языка и стиля.

17. Античный мир – проблемы истории и культуры.

18. *Серов*. Античный хроматизм.

19. Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции.

20. Антология кинизма.

Примеч. патриарха Фотия: «Давно так не смеялся, читая о проделках Диогена Синопского!»

Примеч. попа-расторгуя: «Афтар жот!»

21. Апокрифические апокалипсисы.

22. Соболевский. Аристофан и его время.

23. Эмери. Архаический Египет.

24. Археология и искусство Боспора.

25. Пендлбери. Археология Крита.

Примеч. патриарха Фотия: «Книга сия – древняя и первая среди исследований на данную тему. Очень знатная и полезная!»

26. Хабихт. Афины.

27. Бахус. История винопития.

28. Момзен. История Рима.

Примеч. патриарха Фотия: «Гениальный труд!»

29. Грейвс. Белая богиня.

30. Тираспольский. Беседы с палачом.

Примеч. попа-расторгуя: «Афтар! Убей себя ап стенку с расбегу! Три раза!»

31. Райт. Библейская археология.

32. Бич и молот. Охота на ведьм в XVI–XVIII веках.

33. Тураев. Бог Тот.

34. Нефедкин. Боевые колесницы и колесничие древних греков.

Примеч. попа-расторгуя: «Афтар – плюсадин!»

35. Скржинская. Будни и праздники Ольвии.

36. Лосев. Бытие. Имя. Космос.

Примеч. патриарха Фотия: «Могуч и велик автор сей книги!»

37. Афонасин. В начале было...

38. Уайли. В поисках фаллоса.

Примеч. патриарха Фотия: «Что сей опус делает в монастырской библиотеке?!»

39. Альфан. Варвары.

40. Бузескул. Введение в историю Греции.

41. Федорова. Введение в латинскую эпиграфику.

42. Робинс. Ведовство (свод основных понятий).

43. Великие некроманты и обыкновенные чародеи.

44. Дельбрюк. История военного искусства.

Примеч. патриарха Фотия: «Исследования офицера немецкого Генштаба. Со знанием дела!»

45. Ферреро. Величие и падение Рима.

46. Византийская любовная проза.

Примеч. пона-расторгуя: «Ф топку!»

47. Кучма. Военная организация Византийской империи.

48. Зелинский. Возрожденцы.

49. Контамин. Война в Средние века.

50. Восточная Европа в римской картографической традиции.

51. Суд над Сократом.

Примеч. пона-расторгуя: «Афтар выпий йаду!»

Далее – без комментариев...

52. Торшилов. Глобус звездного неба Захарова.

53. Лосев. Гомер.

54. Гиндин. Гомер и история Восточного Средиземноморья.

55. Вольфрам. Готы.

56. Фролов. Греция в эпоху поздней классики.

57. Виппер. Греция. Рим.

58. Тахо-Годи. Греческая мифология.

59. Надь. Греческая мифология и поэтика.

60. Нильссон. Греческая народная религия.

61. Боннар. Греческая цивилизация.

62. Латышев. Греческие древности.

63. Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме.

64. Гомперц. Греческие мыслители.

65. Два византийских военных трактата конца X века.

66. Каждан. Два дня из жизни Константинополя.

67. Кулишова. Дельфийский оракул.

68. Бок. Детство и юность Иисуса.

69. Дигесты Юстиниана.

70. Иванов. Дионис и прадионисийство.

71. Тураев. Древний Египет.

72. Зелинский. Древний мир и мы.

73. Малькова. Древняя бухгалтерия.

74. Циркин. Древняя Испания.

75. *Рассел*. Дьявол.
76. *Бадж*. Египетская книга мертвых.
77. *Тураев*. Египетская литература.
78. *Рак*. Египетская мифология.
79. *Бадж*. Египетская религия. Египетская магия.
80. Женщина в античном мире.
81. *Розрг*. Жены двенадцати цезарей.
82. Живое наследие античности.
83. Жизнеописания трубадуров.
84. *Дюрант*. Жизнь Греции.
85. *Сергеенко*. Жизнь Древнего Рима.
86. *Виолле-ле-Дюк*. Жизнь и развлечения в Средние века.
87. Жреческие коллегии в раннем Риме.
88. *Виллардуэн*. Завоевание Константинополя.
89. *Кеес*. Заупокойные верования древних египтян.
90. *Амфитеатров*. Зверь из бездны.
91. *Фрэзер*. Золотая ветвь.
92. *Зелинский*. Из жизни идей.
93. *Блаватская*. Из истории греческой интеллигенции.
94. *Зайцев*. Из наследия Зайцева.
95. Изречения египетских отцов.
96. Иисус Христос в документах истории.
97. *Парфенов*. Император Цезарь Август.
98. *Раджак*. Иосиф Флавий. Историк и общество.
99. *Чубова*. Искусство Восточного Средиземноморья.
100. *Матье*. Искусство Древнего Египта.
101. *Соколов*. Искусство Древнего Рима.
102. *Сидорова, Чубова*. Искусство римской Африки.
103. *Соколов*. Искусство этрусков.
104. *Исаева*. Исократ.
105. *Армстронг*. Истоки христианского богословия.
106. *Варнеке*. История античного театра.
107. *Лосев*. История античной эстетики.
108. *Бузескул*. История афинской демократии.
109. *Кулаковский*. История Византии 395–717 гг.
110. *Каждан*. История византийской литературы.
111. *Марру*. История воспитания в античности.

112. *Лурье*. История Греции.
113. История греческой литературы.
114. *Перепелкин*. История Древнего Египта.
115. *Винкельман*. История искусства древности.
116. *Штаерман*. История крестьянства в Древнем Риме.
117. *Блох*. История проституции.
118. *Момзен*. История римских императоров.
119. *Покровский*. История римского права.
120. *Дуров*. История римской литературы.
121. *Печатнова*. История Спарты.
122. *Гиббон*. История упадка и разрушения Римской империи.
123. *Какстон*. История хитрого плута Лиса Рейнарда.
124. *Дройзен*. История эллинизма.
125. *Патай*. Иудейская богиня.
126. *Грейвс, Патай*. Иудейские мифы.
127. *Кессиди*. К истокам греческой мысли.
128. *Короленков*. Квинт Серторий.
129. *Гюйонварх, Леру*. Кельтская цивилизация.
130. *Диллон, Чедвик*. Кельтские королевства.
131. Кельтские мифы.
132. Книги Сивилл.
133. *Киттредж*. Колдовство в Средние века.
134. *Рассел*. Колдовство и ведьмы в Средние века.
135. *Арнаутова*. Колдуны и святые.
136. Краткий словарь латинских слов и выражений.
137. *Протопопова*. Ксенофонт Эфесский и поэтика иносказания.
138. *Широкова*. Культура кельтов и нордическая традиция античности.
139. *Поплавский*. Культура триумфа и триумфальные арки Древнего Рима.
140. *Тюленев*. Лактанций.
141. *Федорова*. Латинские надписи.
142. *Фестюжьер*. Личная религия греков.
143. *Рассел*. Люцифер.
144. *Струве*. Манефон и его время.
145. *Ренан*. Марк Аврелий и конец античного мира.
146. Материалисты Древней Греции.

147. *Горончаровский*. Между империей и варварами.
148. *Трубецкой*. Метафизика в Древней Греции.
149. *Гринбаум*. Микенологические этюды.
150. *Лосев*. Миф. Число. Сущность.
151. *Лосев*. Мифология греков и римлян.
152. *Менар*. Мифы в искусстве.
153. *Грейвс*. Мифы Древней Греции.
154. *Шпренгер, Инститорис*. Молот ведьм.
155. *Абрамзон*. Монеты как средство пропаганды официальной политики Рима.
156. *Андреев*. Мужские союзы.
157. *Герцман*. Музыка Древней Греции и Рима.
158. *Бадж*. Мумия.
159. Немецкие народные книги.
160. *Дуров*. Нерон.
161. *Фоменко*. Новая хронология Греции.
162. *Лебедева*. Новейший комментарий к трактату Витрувия.
163. *Соколов*. О византинизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии.
164. *Гаспаров*. Об античной поэзии.
165. *Аверинцев*. Образ античности.
166. *Ярхо*. Древнегреческая литература: обретенные страницы.
167. *Ростовцев*. Общество и хозяйство в Римской империи.
168. *Кофанов*. Обязательственное право в архаичном Риме.
169. *Шанин*. Олимпия: история античного атлетизма.
170. *Соколов*. Ольвия и Херсонес.
171. *Кузнецов*. Организация общественного строительства в Древней Греции.
172. *Андреев*. От Евразии к Европе.
173. *Циркин*. От Ханаана до Карфагена.
174. *Целлер*. Очерк истории греческой философии.
175. *Лосев*. Очерки античного символизма и мифологии.
176. *Мерперт*. Очерки археологии библейских стран.
177. *Брунов*. Очерки по истории архитектуры.
178. *Корелин*. Падение античного мирозерцания.
179. Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства.

180. *Брунов*. Парфенон и Эрехтейон.
181. *Кравчук*. Перикл и Аспазия.
182. *Коростовцев*. Писцы Древнего Египта.
183. *Кареев*. Позднеримская историография перед вызовом времени.
184. *Сергеенко*. Помпеи.
185. *Кривченко*. Помпеи. Геркуланум. Стабии.
186. *Ньютон*. Преступление Клавдия Птолемея.
187. Проблемы античной истории.
188. *Подосинов*. Произведения Овидия как источник...
189. *Дюпуи*. Проституция в древности.
190. *Кармайкл*. Разгадка происхождения христианства.
191. *Андреев*. Раннегреческий полис.
192. *Коростовцев*. Религия Древнего Египта.
193. *Горьков*. Рим и Карфаген: великая морская война.
194. *Томпсон*. Римляне и варвары.
195. *Бозк*. Римская армия эпохи ранней империи.
196. *Чеканова*. Римская диктатура последнего века Республики.
197. *Зелинский*. Римская республика.
198. *Санчурский*. Римские древности.
199. *Туманс*. Рождение Афины.
200. *Ростовцев*. Рождение Римской империи.
201. Санкт-Петербург и античность.
202. *Рассел*. Сатана.
203. *Илзетраут*. Свободные искусства и философия в античной мысли.
204. *Лихт*. Сексуальная жизнь в Древней Греции.
205. *Сеньоль*. Сказания о Дьяволе.
206. Словарь античности.
207. Словарь нумизмата.
208. *Буасье*. Собрание сочинений.
209. *Кекавмен*. Советы и наставления.
210. *Кессиди*. Сократ.
211. *Зелинский*. Соперники христианства.
212. *Соколов*. Состояние монашества в Византийской Церкви с середины IX до начала XIII века.
213. Сочинения великих итальянцев XVI века.

214. *Диллон*. Средние платоники.
215. Тексты пирамид.
216. Учебники платоновской философии.
217. Учение о Едином в античности и Средневековье.
218. Учение об Антихристе в древности и Средневековье.
219. *Ливрага*. Фивы.
220. *Степанова*. Философия Древней Стои.
221. *Брамбо*. Философы Древней Греции.
222. *Лосев*. Форма. Стиль. Выражение.
223. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1.
224. Фрагменты ранних стоиков.
225. Хрестоматия по ранней римской литературе.
226. *Беляев*. Христианские древности.
227. *Усков*. Христианство и монашество.
228. *Дуров*. Художественная историография Древнего Рима.
229. *Климов*. Царство Пергам.
230. *Утченко*. Цицерон и его время.
231. *Гиро*. Частная и общественная жизнь греков.
232. *Гиро*. Частная и общественная жизнь римлян.
233. *Большаков*. Человек и его двойник.
234. *Видаль-Накэ*. Черный охотник.
235. *Блаватская*. Черты истории государственности Эллады.
236. *Лауэнштайн*. Элевсинские мистерии.
237. *Масленников*. Эллинская хора на краю Ойкумены.
238. *Ростовцев*. Эллинизм и иранство на юге России.
239. *Кулаковский*. Эсхатология и эпикуреизм.
240. *Воген*. Этруски.

Библиография составлена Анной-Вендулкой Владимировой, дабы подсчитать – сколько денег затратил Автор реставрации на приобретение подобной литературы.

Глава четвертая

«Десерт»

Небо, в котором обитают 12 богов, попеременно принимает 12 видов и прежде всего становится Овном. Подо Львом рождаются обжоры и властолюбцы. Под Девой – женщины, беглые рабы и колодники. Под Весами – мясники, парфюмеры и те, кто что-нибудь отвешивает. Под Скорпионом – отравители и убийцы. Под Стрельцом – косоглазые, что на овощи зарятся, а сало хватают. Под Козерогом – те, у которых от многих бед рога вырастают. Под Водолеем – трактирщики и тыквенные головы. Под Рыбами – повара и риторы. Так и вертится круг, подобно жернову, и каждый миг приносит какую-нибудь пакость, ибо каждый миг кто-нибудь или рождается, или помирает... «Премудрость!» – воскликнули тогда мы в один голос...

Петроний Арбитр. Сатирикон.

Обед Трималхиона

Использование шизофрении в корыстных целях – это литературное творчество!

Однажды я добровольно посетил полицейский участок. Подошел к дежурному офицеру и принялся его изучать...

– Что вы хотите? – спросил дежурный офицер, когда обратил внимание на мои подмигивания.

– Ничего не хочу, – невинно ответил я.

Поскольку раздумал заявлять в полицию, что разбил их патрульную машину своим унитазом. Я полагал, что дежурный офицер должен был обо всем догадаться самостоятельно исходя из моей внешности. Для этого и подмигивал.

– У вас нервный тик, – догадался офицер.

Неправда! У меня – полный идиотизм. Потому что надо использовать службу доставки, а не таскаться с унитазами по всему городу. Это же вам не Африка, чтобы употреблять свою голову вроде багажника! На улице Кшижиковой моя голова неожиданно накренилась, и я врезался с унитазом в припаркованную полицейскую машину. По счастью, без водителя. И не стал выковыривать унитаз из места преступления. Но пришел заявить в полицейский участок, что придурочный унитаз теперь застрял в лобовом стекле. И хорошо, что белый, а то можно черт знает что подумать! Ну, например: полицейский и его голубой универсальный таз...

А потом сказал себе – поди докажи, что это сделано не специально. И расхотел заявлять о случившемся, дабы не подвергать свою жизнь полицейскому произволу.

– Что-нибудь еще? – спросил нетерпеливый офицер, поскольку я продолжал топтаться возле его «обезьянника».

– Надо бы оглядеться, – резонно заметил я, имея в виду, что акты вандализма у меня получаются только по вдохновению.

– Ну, а пока, – набылчился дежурный офицер, – не мог бы я взглянуть на ваше удостоверение личности?

– Хотя бы одним глазком? – снова подмигнул я, доставая из кармана свои документы.

Потому что все полицейские мои документы рассматривают с вожделением, словно там вклеена фотография обнаженной Памелы Андерсон. Я думаю, что этому их обучают в полицейской академии – видеть Памелу Андерсон там, где ее нет.

– В порядке! – заявил офицер, возвращая мои документы.

– А вы не знаете, кем была пани Кшижикова? – зачем-то спросил я и понял, что проговорился. И обнаруженный на улице Кшижиковой унитаз теперь легко сопоставить со мною. Поэтому я поспешил исправить возникшее недоразумение и затуманить полицейскому мозги. – Мне кажется, что она страдала, – вздохнул я.

– Кто?! – рассвирепел дежурный офицер и стал похож на оккупанта.

– Пани Кшижикова, – спокойно ответил я...

Новелла о матроне Эфесской

В ее доме всегда квартировали офицеры. И каждый раз пани Кшижикова была готова расплатиться по контрибуции. «Если меня будут к этому принуждать, – говорила пани Кшижикова за ужином, – я исполню свой долг с немецкой педантичностью». Пан Кшижиков печально соглашался, что право победителя на «шнапс унд фрау» незыблемо испокон веку. Пан Кшижиков допивал свое жидкое пиво, с сожалением рассматривал пустую кружку и уходил спать пораньше, дабы не мешать пани Кшижиковой расплачиваться по контрибуции. «Но только в случае, если тебя будут к этому принуждать», – говорил напоследок пан Кшижиков, позевывая. «Если меня будут к этому принуждать!» – соглашалась пани Кшижикова. Она занимала свой боевой пост в гостиной и обнажала подвядшие прелести до разумных пределов. Чтобы привлечь, а не шокировать. Расквартированный офицер стучал на втором этаже сапогами, а пани Кшижикова терпеливо ждала, когда победитель соизволит осуществить свое право. «Ну?» – спрашивал утром пан Кшижиков. Пани Кшижикова отрицательно качала головой и предполагала, что следующей ночью ей предстоит расплачиваться вдвойне. «Если тебя будут к этому принуждать!» – предупреждал пан Кшижиков и уходил на работу. «Если меня будут к этому принуждать...» – вторила ему пани Кшижикова. Время от времени расквартированные офицеры приводили штабных девиц, которые без принуждения скакали с офицерами по кровати и ржали, как полковые кобылы. «С нами Бог!» – крестился пан Кшижиков из гуманитарных соображений, глядя, как с потолка сыпется побелка. Он сомневался, сможет ли пани Кшижикова полностью расплатиться за все оккупированные территории. «Если меня будут к этому принуждать!» – уверенно заявляла пани Кшижикова и берегла силы. Она почти круглосуточно лежала на диване в гостиной, не подпуская к себе пана Кшижикова. «Ведь ты не будешь меня к этому принуждать?!» – театрально рыдала пани Кшижикова, глядя на пана Кшижикова. Впрочем, пан Кшижиков с пониманием относился к миссии пани Кшижиковой. «Если тебя будут

к этому принуждать, – нравоучительно повторял пан Кшижиков, – не вздумай сопротивляться! Это наш долг по контрибуции!» – «Ёёёёёёёёёё! – нервничала пани Кшижикова. – Ну когда меня будут к этому принуждать?!»

– Валил бы ты отсюда по-хорошему, – посоветовал мне дежурный офицер, и я воспользовался его любезным предложением.

Оставил в покое полицейский участок и отправился подивиться, как из патрульной машины выковыривают мой унитаз. И вроде бы зрелище малопривлекательное, но, как оказалось, с богатым трагедийным подтекстом. Потому что вначале я постоял среди зевак и наслушался от полицейских всяких гадостей про вандала, который воткнул унитаз в лобовое стекло и скрылся, когда ему надо бы ноги поотрывать, а затем вернулся к себе домой, уселся за письменный стол и принялся сочинять историю про пани Кшижикову. Хотя, что явилось источником вдохновения – до сих пор не понимаю!

8

Поэтический замысел – это женщина, с которой не переспал. Прозаический – появляется после сытного обеда.

Однажды я ощутил себя большим современным писателем. Только задумался, какой из меня писатель – маститый или настоящий? Подумал себе, подумал, пощупал себя, пощупал и, чтобы сравниться с другими писателями, – поперся в Писдом. Там как раз отпускали литературные премии маститым писателям. Это которые издаются между собой. В отличие от неполноценных писателей, которых просто читают. А так называемый Писдом – это Дом, чтоб он сдох, Писателя, где маститый и настоящий автор может расслабиться в кругу себе подобных. Закончил абзац про высокое предназначение писателя – пошел и расслабился! Нашлепал страничку философичного характера – и снова напился до полного умопомрачения! Тем более что никто не тычет в тебя пальцами, мол, вот инженер человеческих душ, а нажрался, аки свинья! В Писдоме такие ремарки недопустимы. Ибо считаются неэтичными по отношению друг к другу.

Вдобавок писатели не актеры и плохо идентифицируются. В смысле, их не сразу узнают на улице, а только по замашкам. Потому

что настоящего писателя при жизни никто не понимает – ни читатель, ни издатель, ни полицейский, который кричит ему: «Вылезай, скотина, из фонтана!» – а писатель просто желает освежиться для лучшего осмысления – что он хотел сказать своими произведениями.

Я знал много писателей, которые не издали ни одной книжки и даже ничего не написали, но все равно они считались писателями, кивали на Кафку и создавали союзы, наверное против читателей. Именно эти, истинные писатели олицетворяли собой современное творчество и ездили обмениваться опытом в другие страны за счет налогоплательщиков, которые, таким образом, отстегивали деньги на искусство. А как плодovitы эти писатели, как плодovitы! У меня, например, от шести законных браков получилась только одна дочь. А настоящий писатель имеет не менее трех будущих литераторов от каждой женщины, какая только свихнется на этом литературном поприще. И, скорее всего, настоящих писателей надо хотя бы время от времени переворачивать вниз головой, иначе в позе роденовского мыслителя им приливает кровь не к тому месту. И если сейчас не принять контрацептивные меры, то следующему поколению налогоплательщиков придется отстегивать на искусство сумму, сопоставимую с военным бюджетом Соединенных Штатов Америки... О чем это я?! Ах да – о Писдоме!

В это трудное для страны время единое литературное сообщество разбилось на две организации – маститых писателей и настоящих. И разумеется, страннопriютный Писдом тоже подвергся делению, как инфузория-туфелька. Не так чтобы Гашек налево, а Швейк от него – направо, но главные инфузории ушли, а туфельки от них остались. Одни писатели оккупировали актовый зал, а другие – литературную столовую, попросту говоря – буфет. Те, что сгруппировались в актовом зале, почти круглосуточно заседали и опасались выходить в туалет, чтоб не ослабить свои ряды. Они, маститые, поминали классиков и ветеранов, свои заслуженные седалищные нервы и мозоли, давали друг другу премии и воровато оглядывались. Потому что оголтелая оппозиция из буфета могла в любой момент ворваться в актовый зал и узурпировать все субсидии, отпущенные на развитие национальной идеи. И только надежда, что водки и шнапса в литературной столовой должно хватить до вторника, слегка успокаивала маститых. А настоящие писатели никогда не оставят буфет, покуда всего не выпьют.

Вот поэтому я ни минуты не сомневался, к кому примкнуть. Глупо желать литературную премию, которую все равно пропьешь! И сразу отправился в буфет. Где современная литература была в самом разгаре.

– Господа! Господа! – орал какой-то настоящий писатель, с трудом поднимаясь из-за стола. – Давайте выпьем за нас, собравшихся здесь писателей! Потому что только мы – настоящие писатели в этом Доме! А в актовом зале ренегаты и сволочи! У меня, господа, четыре неизданные книги, и все они останутся на Родине! Потому что не для средних умов! А маститые, как иуды, торгуют национальными идеями!

Буфет ответил оратору аплодисментами, а я заказал себе кружку «текилы» и устроился за ближайшим столиком среди настоящих писателей. Посудой помельче кружки в буфете не оперировали. Глубокой тарелкой – пожалуйста, но после одиннадцати утра, а со всякой мензуркой приближаться к писателям было опасно. Тем более чтобы влиться в коллективное творчество. Могли и побить за глумление над идеей.

– Господа! Господа! – крикнул другой настоящий писатель. – Давайте выпьем за нас, настоящих писателей, собравшихся за этим столиком! Потому что в актовом зале ренегаты и сволочи, а за другими столами – дерьмо! Можно подумать, что четыре вшивые книги – это большая потеря для нашей словесности! Да если хотите знать, господа, у меня целых шесть неизданных книг разбросано по разным издательствам! И никто не хочет на них смотреть!

Я как назло оказался за этим столиком, вместе с избранными из настоящих писателей, и молча выпил за шесть упомянутых книг и гениального автора, который сподобился столько раз отчебучить одно и то же.

– А я вообще классик неизданного романа! – заявил третий настоящий писатель. – Потому что в актовом зале ренегаты и сволочи, за другими столами – дерьмо, а среди нас только я настоящий писатель! Давайте встанем и выпьем за все мои произведения, до которых смогут добраться только потомки! Лет через двести!

– Неужели так глубоко закопано? – удивился я и только чудом не получил в ухо.

– А если разобраться по-хорошему, – добавил настоящий писатель, – все мы одной тут прозой и поэзией мазаны! И в зале – дерьмо, и в буфете – дерьмо, и ты – дерьмо, и я – дерьмо!

На том и порешили. А на другой день сторел наш Писдом. Ярким пламенем.

Автор – это синоним Творца для издания в десять тысяч экземпляров.

Все читатели сумасшедшие. Я пробовал с ними общаться по телефону, интернету и воочию. И ничего хорошего из этого не получалось. Читатели оживали, принимались болтать, слать электронные письма, корчить глубокомысленные рожи и задавать мне глупые вопросы. То есть из милых, интеллигентных читателей они превращались в неизвестно что! И как говорила одна моя знакомая: «С кем поведешься, от того и забеременеешь!» Читатели провоцировали меня на адекватные действия. Я прекращал писать и принимался сеять разумное, доброе и вечное, опрыскивая свои сельскохозяйственные угодья язвительными пестицидами, чтобы разумное не пожрали критики, покуда я справляю свою гражданскую, писательскую позицию.

А что я видел, работая над новым романом, кроме компьютерного монитора?! И вполне объяснимо, что эта картина время от времени мне надоедала. Тогда я выбирался из своей берлоги и ехал на Франкфуртскую или какую-нибудь другую ярмарку, где Писатель Писателевич встречался с Читателем Читателевичем. Разумное – колосилось, вечное – удобрялось, критики дохли в радиусе двадцати восьми немецких миль, в какую сторону ни пойдешь от Праги, но никто не испытывал от этого удовлетворения. Ни ум, ни сердце. Я был весьма недоволен своими читателями, а читатели – сумасшедшим писателем, у которого просто спрашивают: «Вы сами пишете или под псевдонимом?» – а тот рычит и бросается, как собака. Говоря по-японски, мы теряли свое лицо. Образ писателя трансформировался в лохматое и пузатое чудовище, а образ читателя рушился на пороге книжной ярмарки...

Однажды я покупал свои книги для интерьера. Потому что в домашней библиотеке, как раз между Джойсом и Фаулзом, образовалось вакантное место, и я поспешил его заполнить, покуда

кто-нибудь не вклинился. С современными авторами надо быть начеку: только зевнешь – и они уже тут как тут! Забьют все свободное пространство от классика до классика, и негде собственные книги пристроить. Ведь полки-то не резиновые!

В тот день инкогнито, как рядовой покупатель, я заглянул в книжный магазин – не много ли там читателей?! А то в последнее время появилась отвратительная тенденция – мусякать книги прямо на месте, в магазине, как будто им тут библиотека. Возьмут увесистый том современного автора и давай поплевывать на пальцы, переворачивать страницы и проверять – каким тиражом эта хрень издана?! Нет чтобы раскрыть книгу, плюнуть туда от души и поставить на место. Автор об этом не знает, а мне приятно! Потому что я тоже автор и люблю посмотреть на грамотного, интеллигентного читателя, который разбирается в современной литературе. А когда покупатели стоят как бараны и листают чужие произведения, да еще причмокивают и повизгивают от восторга – меня это сильно раздражает. Хочется вызвать директора и спросить: «Что делают посторонние нам авторы в вашем магазине?! Раздайте современную беллетристику слепым и безграмотным, а здесь пусть останутся – я, Джойс и Фаулз! Это вооруженный налет!»

– Простите, – спросил я у первого встречного продавца, – а где у вас полки с Йиржи Геллером?

– Полки?! – несказанно удивился продавец. – Кажется, есть три книги в отделе «Животноводство».

– А почему Йиржи Геллера поместили в этот отдел?! – возмутился я. – Он разве пишет о скотоложстве?!

Общаясь инкогнито, я поминал Йиржи Геллера только в третьем лице. До выяснения некоторых обстоятельств – предполагают мне чистить морду за весьма прозаические произведения или нет.

– Ну, понимаете, – принялся разглагольствовать продавец, – с Йиржи Геллером возникло недоразумение. Чех он или не чех? Мужчина он или женщина? Если Йиржи Геллер чех, то надо определить его в чешскую литературу, рядом с Гашеком. А если не чех, то надо нести Йиржи Геллера в отдел женской прозы и сентиментального романа. Тогда мы подумали и поставили Йиржи Геллера на полку «Животноводство», чтоб не вводить покупателей в заблуждение.

– Разумно! – похвалил я сотрудников этого магазина. – Но ваши определения пахают половыми и расовыми предрассудками. И никак не связаны с литературой!

– А вам-то что?! – огрызнулся продавец.

Тут я приосанился, выдержал театральную паузу, вытащил из кармана курительную трубку и заявил:

– Я Йиржи Геллер!

– Здесь не курят! – сказал продавец. – И не возникают!

– Это писательская принадлежность, – пояснил я по поводу трубки. – А что вы имели в виду, когда говорили, что здесь не возникают?

Обычно писателя расценивают как худосочного. То есть филологически предрасположенного человека, который оперирует только словами. А это далеко не так! И продавец быстро понял свою ошибку.

– Ну, в смысле, у нас в магазине не возникают писатели вдруг ниоткуда, – пояснил он, – а только по предварительной договоренности. Погодите, я все устрою.

И скрылся в недрах своего магазина. Чтоб через пару минут появиться в сопровождении плечистого охранника.

– Ну?! – спросил продавец. – Кто теперь здесь Йиржи Геллер?!

Тут я заметил, что этот работник торговли держит в руке мою новую книгу, страниц на восемьсот, и угрожающе ею помахивает. А умный охранник подбирается ко мне сбоку со вторым томом. И если тщедушному продавцу я мог легко доказать свое авторство, то с охранником пришлось бы долго объясняться, что я пишу под псевдонимом. И еще неизвестно, под какой фамилией меня будут хоронить.

– Господа! – заявил я, понимая, что назревает текстологический диспут. – Мне кажется, вы находитесь в состоянии аффекта! Конечно, не каждый день к вам в лавку заглядывают известные писатели. Однако не надо так бурно реагировать и размахивать моими произведениями! Кстати, там есть фотографии автора! И, если вы не будете заламывать мне руки, я готов поставить на них свой автограф.

– Вот еще, – возмутился продавец, – книги портить! Они, между прочим, денег стоят! А фотография Йиржи Геллера на твою гнусную рожу похожа как свинья на быка!

– Уточните, пожалуйста, кто есть кто?! – вякнул я.

– Пожалуйста! – отвечал продавец. – Йиржи Геллер – красавец-гусар, двухметрового роста, интеллигентный и остроумный мужчина. А ты, пузатый, картавый, плюгавый и необразованный дебошир, лучше проваливай отсюда! А то мы полицию вызовем!

Так что в тот день я не купил своих произведений и не пристроился между Джойсом и Фаулзом...

10

Художественный образ – это умышленное искажение действительности!

Когда от меня ушла приятельница, я решил завести себе верного друга – собаку или жену. Однако в цивилизованном обществе есть один недостаток – жены не продаются на птичьем рынке. И пришлось мне купить щенка от малогабаритной таксы. Потому что квартирка у меня однокомнатная, как у пана Тыквы, а какой-нибудь сенбернар – вырастет и оттуда не выйдет. Придется ломать стены, чтобы он смог погулять. А пес таксы – животное норное и много места не занимает. Забьется в угол, как пыль, и лежать себе, тихо поскуливает, создает уютную, домашнюю атмосферу. Так мне объяснили на птичьем рынке, когда заполняли гарантийный талон на моего щенка, и, разумеется, – со всей родословной: «Леопольд-Адальберт-Эрист-Фридрих-Отокар-Междуцарствие».

Ну, просто закачаешься! Сидит такая мелочь в коробке, прикрытая тряпочкой, а ее величают Леопольд-Адальберт-Эрист-Фридрих-Отокар-Междуцарствие, чем я очень поначалу гордился. И всякий раз, выгуливая во дворе, науськивал по полной родословной. «А ну-ка, Леопольд-Адальберт-Эрист-Фридрих-Отокар-Междуцарствие, фас!!» Потом надоело, и стал ее звать просто Марысей. Поскольку на рынке мне намекнули, что, с точки зрения псиной физиологии, этот щенок – сука. А сам я под хвост ему не заглядывал из разных этических соображений.

Марыся отличалась ангельским характером – не лаяла почем зря и лопала все, что положат. Мне, например, в голову не приходило, что собаки жрут виноград. А Марыся возьмет в лапки ягодку, рассмотрит

со всех сторон и, если понравится, катит виноградинку под кровать и складывает. Ну, в смысле собирает в кучку. А если у съестного продукта закончился срок реализации, Марыся поморщится и виноградинку тут же схрумает. Но нигде специально не наблюдает из вредности, как один мой знакомый по имени Питер. Очень сволочное животное этот Питер, наполовину из России. Чуть что ему не понравится – он тут же блевать, простите за выражение. На прошлой неделе мы обсуждали литературное творчество некоего Иванова. Я думал, что Питеру будет приятно поговорить о дальнем соотечественнике, а пришлось три дня наводить порядок в собственной квартире. Мыть за Питером пол и проклинать всю русскую литературу.

А Марыся обладала чувством юмора еще почище, чем у Гашека. Поэтому у нас вошло в привычку читать вслух разные книги на сон грядущий. Правда, с небольшой адаптацией для норных пород с женской физиологией. Так, например, «Трое в лодке, не считая Марыси» приводили мою собаку в неописуемый восторг. Она заваливалась на спину, потирала лапами мордочку и хихикала до икоты, как может хихикать только сторожевой пес, видя подвыпившего хозяина. И конечно, я волен предполагать все что душе угодно, но, как мне теперь кажется, именно эти литературные вечера привели к нехорошему результату. Моя Марыся тяжело заболела...

Однажды ночью я проснулся от чувства, что забыл заплатить налог на добавленную стоимость. И вот что странно – налоги я давно не выплачивал полностью и спал спокойно. А тут проснулся... Марыся сидела у меня в изголовье, скрипела зубами и сверкала глазами! Как сумасшедшая шапка Мономаха с двумя рубинами. Вначале я подумал, что Марыся слегка расстраивается, что она по природе своей такса, а не «монмаранси» из книги Джерома Клапки Джерома. Но потом я решил показаться ветеринару. Может быть, у меня завелись блохи и Марыся на них адекватно реагирует...

– Давно у вас живет? – поинтересовался ветеринар, указывая на мою собачку, но не подходя к ней близко.

– Четыре месяца, две недели и четыре дня, – отвечал я. – Никак не могу нарадоваться, и поэтому время летит быстро.

Марыся деловито почесывалась.

– Здоровая крыса, – порадовался вместе со мною ветеринар. – Килограмма на три потянет.

– В смысле? – не понял я. – Неправильно питается?

Ветеринар стал медленно перемещаться по кабинету, ни на секунду не выпуская Марысю из виду. Потом взял с полки толстенную книгу, кажется «Жизнь животных», чем попросту спровоцировал мою Марысю на резкую литературную критику. Она хихикнула и бросилась на ветеринара. Тот, не задумываясь, треснул ее по башке книгой, и у Марыси пропало желание с ним дискутировать.

– Очень виноград любит, – вставил я, чтобы хоть как-то вызвать взаимную симпатию между Марысей и ветеринаром.

– А бетон не жрет? – уточнил ветеринар. – В общем так, – добавил он, – сейчас я осторожненько достану металлическую клетку, и будем надеяться, что прутья выдержат... Будем надеяться, будем надеяться, – дважды повторил он. – А что нам еще остается делать?

Последний вопрос ветеринара я посчитал риторическим.

– А что с ней? – справился я о здоровье Марыси с заметным беспокойством. – Повышенный холестерин?

– Шизофрения! – поставил диагноз ветеринар. – Не у нее, а у вас! – уточнил он. – А это взрослая африканская крыса, и очень странно, что до сих пор она никого не загрызла...

– Кто – крыса?! – возмутился я. – Сам ты – крыса! А это – такса! Леопольд-Адальберт-Эрист-Фридрих-Отокар-Междуцарствие!

– Ага, – подтвердил ветеринар. – Как только загоним вашего Отокара в клетку, я предлагаю тщательно протереться спиртом. И не снаружи, а изнутри!

– Не стану я с вами протираться! – взбунтовался я.

– Тогда будем делать уколы против бешенства, – насторожился ветеринар. – Мне кажется, что этот Фридрих все-таки тяпнул вас пару раз.

Подобная ветеринарная помощь не лезла ни в какие ворота!

– Извольте мою собаку называть пристойно и полностью! – заявил я, брызгая слюной, как огнетушитель. – Леопольд! Адальберт! Эрист! Фридрих! Отокар! Междуцарствие!

– Боюсь, что так много имен мне одному не запомнить, – туманно заметил ветеринар и вызвал, гад, санитаров.

Мы с Марысей как увидели этих садистов – так и заняли круговую оборону. Кстати, если загнать мою таксу в угол, она дерется очень неплохо. А я, вооруженный двумя стетоскопами, и вовсе смотрюсь как ниндзя. «Йаааа! Йаааа!» Во всяком случае, три санитары нам не помеха! Поэтому гад-ветеринар поглядел-поглядел, как мы ловко с Марысей отмахиваемся, и вызвал всех медицинских братьев. Ну, прямо Шао-Линь какой-то в белых халатах, а не ветеринарная клиника. Так что минут через тридцать все-таки заломали нам лапы и вкололи успокоительного.

А как только психотропные средства на нас подействовали, собрался медицинский консилиум. Докторов набегало – уйма, ветеринарной и специальной практики. Развесили по стенам иллюстрации из «Жизни животных» и «Гибели этнических папуасов» и принялись объяснять нам с Марысей – кто есть кто. Ну, со мной-то все ясно, надо лишь изредка посещать психдиспансер, а вот Марыся действительно оказалась тростниковой «крысей», по научному *Thryonomys*. Из самой Северной Африки! Длина тела – 60 сантиметров, длина хвоста – 25 сантиметров, склонна к ночному образу жизни. Теперь будет знать хотя бы, где ее родина – к югу от Сахары. Там Марысиных родственников – целых шесть видов!

– И фто зе, нам теферь нельзя фить фместе? – уточнил я, будучи под психотропными средствами.

– Фить фместе фам нельзя, – подтвердил главный ветеринар, потирая поврежденную челюсть. – Но мофно фидеться в зоофарке!

Так нас насильственно разлучили. Меня под сирену «скорой помощи» доставили домой, а Марысю с мигалками отвезли в зоопарк. Где поместили в надежную клетку, как будто она закоренелый преступник без права досрочного освобождения. И теперь я дважды в неделю хожу к ней на свидания, потому что – чаще не пускают. Подкармливаю виноградом, читаю вслух Джерома Клапку Джерома и презираю табличку, которую прикрепили к Марысиной клетке:

КРЫСА

А вчера я купил в магазине белила, замазал эту табличку и написал:

*Леопольд-Адальберт-Эрист-Фридрих-Отокар-
Междуцарствие*

ТАКСА

11

Совокупность психических аномалий – это человеческий фактор!

Актер Устинов любил подвыпить и сыграть на местной сцене фашиста. Потому что внешностью обладал самой арийской и выходил на подмостки как есть! То есть даже не гримировался для своих представлений. Волосы рыжие, глаза навывкате, как завопит «Папиррре, битте!!!», так либо ребенок в первом ряду описается, либо филармонический оркестр. И вот однажды, в самый разгар пьесы, когда с партизанами завязался нешуточный рукопашный бой, с актера Устинова свалились штаны прямо на сцену. Поелику веревка, на которой держались эти фашистские реквизиты, не выдержала драматического напряжения. Зрители, настроенные позитивно, стали рукоплескать партизанам, что в ходе решающего сражения оставили фашиста без порток. Однако актер Устинов, вместо того чтобы сделать книксен и драпать со сцены, вошел окончательно в роль и принялся бить партизан, не по Станиславскому, а по-настоящему. Ну, вылитый фашист, хоть и в семейных трусах по колено! «Я, – говорит, – не позволю всякому кушать подано позорить свою профессию! Гитлер капут!» – говорит, а сам расстегнул китель, порвал на груди тельняшку и лупит каждого партизана в ухо! То ли шнапса, гад, обожрался, то ли родной самогон на него так подействовал, но партизаны, помирая от хохота, стали падать в оркестровую яму целыми партизанскими соединениями! Хронология исторической драмы была нарушена, и, когда озверевший актер Устинов остался на сцене один, пришлось давать занавес! Однако зрители тоже никак не могли успокоиться и бешено рукоплескали, отчего этот занавес давали еще тридцать три раза. Ведь правду жизни ничем не скроешь! Это я больше про трусы, чем про фашистов...

И явилось ему двенадцать посланников – возвестить о пришествии Йиржи Геллера. И были те посланники – его персонажами. И мог он делать с ними – все что хотел...

План реставрации, или Периодическая¹ таблица Йиржи Геллера

[26]

ОБРАЗ	ПОМПЕИ	ПОДОБИЕ	ПРАГА	ПИСАТЕЛЬ
Image		Similarity		Writer
– 1 –		– 2 –		– 3 –

САТИРИКОН	ПЕРСОНАЖ	КАМПАНИЯ	ПОДДЕЛКА	12 ФАКТОВ
	Character		Fake	
	– 4 –		– 5 –	

ГЛАВА ПЕРВАЯ	ГЛАВА ВТОРАЯ	ГЛАВА ТРЕТЬЯ	ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
«АПЕРИТИВ»	«КНЕДЛИКИ»	«ЖУЛЬЕН»	«ДЕСЕРТ»
– 6 –	– 7 –	– 8 –	– 9 –

КАМЕНЬ	НОЖНИЦЫ	БУМАГА
--------	---------	--------

ГЛАВА ПЕРВАЯ	ГЛАВА ВТОРАЯ	ГЛАВА ТРЕТЬЯ	ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
«АПЕРИТИВ»	«КНЕДЛИКИ»	«ЖУЛЬЕН»	«ДЕСЕРТ»
– 6 –	– 7 –	– 8 –	– 9 –

КАМЕНЬ	НОЖНИЦЫ	БУМАГА
--------	---------	--------

1 + 3 = ПЕРСОНАЖ;
9 – ПИСАТЕЛЬ = АПЕРИТИВ;

ПИСАТЕЛЬ + ПОДДЕЛКА = 8;

10: ПОДОБИЕ + ПОДДЕЛКА = КНЕДЛИКИ...

И так далее по Валтасару, не без помощи Менделеева. Словом, «дважды все сосчитано, взвешено и предопределено».

Толкование

Прага. После миллениума

На втором году от Первого Издания чешская пани по имени Вендулка составила обширные примечания к роману Йиржи Геллера «Реставрация обеда».

«Сделала Хлоя!» – три раза она написала... [\[27\]](#)

Летом 2002 года на городской Книжной ярмарке была замечена женщина, которая разжигала смуту с полного попуска администрации. Она бродила по рынку и наводила свои порядки, невзирая на многочисленных покупателей. Эта дикая женщина брала с прилавка новую книгу современного автора, осматривала со всех сторон, бормотала какое-то замысловатое ругательство: «Эники-беники ели вареники» – и перекладывала «бестселлер» на другое торговое место. После чего перемещалась в пространстве, снова брала в руки книгу и кидала ее на другой прилавок. Отчего меж известных издательств происходила смута, поскольку каждый считал, что его «бестселлер» позабористей. На вопрос – зачем она это делает, женщина отвечала, что пред Литературой все равны – и писатели, и издатели. На вопрос – какой Институт дал ей право судить о «бестселлерах», как о капусте, женщина отвечала презрительным смехом, в связи с чем и была заподозрена как литературный критик. Схвачена и предъявлена полиции для идентификации...

Ей припомнили, что год назад произошло страшное падение читательского спроса – на двадцать восемь немецких миль, в какую сторону ни пойдешь от Праги. Она отвечала угрозами, что зовут ее Вендулкой, а читательский спрос еще больше уменьшится, если издатели будут и дальше штамповать такие, с позволения сказать, «бестселлеры». Что же касается уважаемых писателей – они предстанут в глазах потомков полными идиотами, если не прекратят заниматься подобной лабудой. Вследствие чего стало совершенно ясно, что она, Вендулка готова признать себя виновной в актах вандализма и наведении порчи на современную литературу, но только

в радиусе восемнадцати немецких миль, в какую сторону ни пойдешь от Праги. Праведный и компетентный суд под председательством Оперуполномоченного, посоветовавшись, решил возложить ответственность за остальные десять немецких миль, где случилось падение читательского спроса, на поселковые библиотеки, дабы подчеркнуть свою объективность в данном процессе...

Далее подозреваемой было предложено выбрать способ установления истины. Вендулка отвечала, что чтение некоторых современных романов – хуже дыбы, и если уважаемый трибунал желает Вендулкиной смерти, то надо сбегать на ярмарку, набрать там «бестселлеров» и огласить по странице из каждого. А если Оперуполномоченному просто хочется посмотреть, как Вендулка брякнется в обморок, то достаточно показать ей глянцевые обложки. Суд счел возможным прислушаться к словам подозреваемой, и для начала Оперуполномоченный продемонстрировал ей дежурный «бестселлер» под названием «Детектив на каблуках». После чего Вендулка едва не свалилась со стула, а Оперуполномоченный обнаружил свечение на подоконнике, где стоял телевизор и шел сериал «Бандитский Антибиотик». Тогда Оперуполномоченный тяжело вздохнул, выключил бесовское свечение и стал расследовать дело Вендулки, опираясь локтями на «Уголовно-процессуальный кодекс».

Оперуполномоченный. Скажите мне, сладкоречивая пани Вендулка, что вы читали незадолго до припадка?

Вендулка. Вы оперуполномоченный или психиатрический?

Оперуполномоченный. И то и другое, пани Вендулка. У нас тут недавно случилось сокращение штата, и теперь мне приходится совмещать.

Вендулка. Что, извините, с чем?

Оперуполномоченный. Доброго следователя с недобрым.

Вендулка. А с кем я сейчас разговариваю?

Оперуполномоченный. Ну, вы же видите, пани Вендулка, что я не стучу кулаками, не топчу ногами, не бодаюсь рогами, не прыгаю на стол, не кричу «Сознавайся, сволочь!», не рву на вас платье... Значит, я добрый, психиатрический. И давайте попросим секретаря зафиксировать данное обстоятельство в протоколе.

Вендулка. По-моему, это секретарша.

Оперуполномоченный. Да что вы говорите?! А я на прошлой неделе вступил с ним в интимную связь и долго переживал, что потерял сексуальную ориентацию!

Секретарша. Подонок!

Оперуполномоченный (*Секретарше*). Люблю – не могу, люблю – не могу, люблю – не могу! (*Вендулке*.) Вот видите, какой я добрый! А мог бы взять наручники и приковать ее к батарее центрального отопления. А дальше...

Секретарша. Вы занимались этим на прошлой неделе! И по большей части – с батареей!

Оперуполномоченный. Вот почему меня посетили странные сомнения относительно собственной ориентации! Так это были не вы, а горячая батарея?! Ах, как она шкварчала, как шкварчала!

Секретарша. Негодяй!

Вендулка (*как всякая порядочная подозреваемая, когда допрос превращается в бред сумасшедшего*). Ну, я пошла!

Оперуполномоченный (*Вендулке*). До свидания!

Вендулка. Что, и задерживать даже не будете?

Оперуполномоченный (*Вендулке*). Нет! Сейчас только сделаю самый поганый фоторобот и развешу ваше изображение по всему городу.

Секретарша (*доверительно*). Он может.

Вендулка. Мерзость какая все ваши фотороботы! Ну, просто отвратительные рожи!

Оперуполномоченный. А я подпишу – «пани Вендулка», пани Вендулка. Пусть люди полюбуются.

Секретарша (*доверительно*). Он способен.

Вендулка. Я, пожалуй, останусь. Я всегда переживала за женщин, глядя на картины Пикассо.

Оперуполномоченный. Да что там Пикассо! Я лучше Пикассо!

Секретарша (*доверительно*). Он лучше.

Оперуполномоченный. Ну что же, пани Вендулка, продолжим допрос, покуда я добрый. Какая собака вас укусила на городской книжной ярмарке?

Вендулка. Йиржи Геллер.

Оперуполномоченный. Говоря о собаке, я выражался иносказательно.

Вендулка. А я фигурально.

Оперуполномоченный. Тогда поясните хотя бы, какой породы эта собака?

Вендулка. Доберман-райтер.

Оперуполномоченный (*доверительно*). Сейчас я встану, пани Вендулка, со своего места, возьму в руки «Йеллоу пейджес» и тресну вам по башке!

Секретарша (*убежденно*). Он треснет.

Вендулка. «Райтер» – это писатель.

Оперуполномоченный. А «Йеллоу пейджес» – толстый телефонный справочник.

Вендулка. Ну, ладно. Вы ждете от меня монолога?

Секретарша (*доверительно*). Он ждет.

Вендулка. Монолог! (*Встает, откашливается.*) Дураки самостоятельно не могут сориентироваться – что хорошо, а что плохо. Чем пользуются недобросовестные издатели, которые зарабатывают деньги в основном на дураках. Они нахваливают самого идиотского писателя, отчего дуракам становится легче, потому что их полку прибыло. Умному человеку никак не угодишь, а дураки собираются возле глуповатого автора с буквами и запускают в небо воздушные шарики с пузырями. После чего смотрят на шарики и говорят: «Хороший писатель! Высоко и кучно пошел! Сразу видать – тсарь детектива!» Отсюда умные люди имеют свое мнение, а дураки – рекламную продукцию. Конец монолога! (*Садится.*) Ну, и как монолог?

Оперуполномоченный (*убежденно*). От пяти до восьми лет без права переписки.

Секретарша (*доверительно*). Если повезет с прокурором.

Вендулка (*убежденно*). Требую адвоката!

Оперуполномоченный. Я за него! (*Доверительно.*) У нас тут недавно случилось сокращение штата, и всех адвокатов вывели на задний двор и расстреляли. И теперь мне приходится совмещать.

Вендулка. Что, извините, с чем?

Оперуполномоченный. Оперуполномоченного с уполномоченным по делам человека!

Секретарша (*убежденно*). По делам его, человека! По делам его!

Оперуполномоченный (подхватывает). Йеллоу пейджесом! (Хлопает по столу телефонным справочником.) Иииееех! Аж на душе полегчало! (Вендулке.) Ну, хорошо, вернемся к вашей собаке... Как ее?

Секретарша (смотрит в протокол). Йиржи Геллер, доберман-райтер!

Оперуполномоченный (Вендулке). Он еврей?

Вендулка. Нет.

Оперуполномоченный (Вендулке). Он педераст?

Вендулка. Нет.

Оперуполномоченный (Вендулке). Он автолюбитель?

Вендулка. Нет.

Оперуполномоченный. Какая жалость! Его практически ни в чем нельзя обвинить! Так чтобы сразу – и лет на пятнадцать! Давайте попробуем сформулировать наши вопросы иначе...

Вендулка. Давайте попробуйте.

Оперуполномоченный (Вендулке). Он не еврей, но писатель?

Вендулка. Да.

Оперуполномоченный (Вендулке). Не педераст, а бабник?

Вендулка. Да.

Оперуполномоченный (Вендулке). Но бабник – это не лесбиянка?

Вендулка. Да.

Оперуполномоченный (с удивлением в голосе). У меня получается, что Йиржи Геллер – автолюбитель!

Секретарша (Оперуполномоченному). Что будем заносить в протокол?

Оперуполномоченный. Два рояля! Это проще, чем выяснить – кто такой Йиржи Геллер!

Вендулка. Так давайте я вам расскажу.

Оперуполномоченный. А вы можете?

Вендулка. Легко! (Достает из хозяйственной сумки книгу.) Тут на обложке написано, что «Йиржи Геллер – известный чешский литературный критик и кинематографист. Получил приз жюри на фестивале в Сан-Себастьяне за короткометражный фильм „Жизнь двенадцати брендмейстеров“. Широкою литературную известность приобрел в 2001 году после выхода в свет романа „Легкий завтрак в тени некрополя,»».

Оперуполномоченный. Это грязный пиар?

Вендулка. Да.

Оперуполномоченный. Так, значит, он педераст?

Вендулка. Нет.

Оперуполномоченный. Тогда я совсем ничего не понимаю!

Секретарша (*доверительно, Вендулке*). Объясните ему, пожалуйста.

Вендулка. Монолог! (*Встает, откашливается.*) Только дураки держатся за аннотацию, когда в книге есть литературное произведение. Потому что всякая аннотация имеет злой умысел – втюхать как можно больше бумаги отдельному потребителю. И если под обложкой не содержится произведения, значит, вам продали пятьсот-семьсот бумажных салфеток в оригинальной издательской упаковке! (*Садится.*) Конец монолога!

Оперуполномоченный (*Вендулке*). Два года условно! И принудительное обшаривание!

Секретарша (*подозрительно*). На предмет чего?

Оперуполномоченный. На предмет изъятия важных улик!

Секретарша (*доверительно*). Только через мой труп!

Оперуполномоченный (*Секретарше*). Тогда обшарьте подозреваемую по-женски!

Секретарша (*убежденно*). Еще чего выдумал!

Оперуполномоченный (*обиженно*). Я только хотел посмотреть лесби-шоу! А то никак не могу расслабиться на работе. (*Вендулке*). Подозреваемая, обшарьтесь сами!

Вендулка (*доверительно*). Только через ваш труп!

Оперуполномоченный (*Вендулке*). Развратная некрофиличка! Вы будете его обшаривать?

Вендулка. Делать мне больше нечего!

Секретарша (*в сердцах, Вендулке*). Да сдайте вы труп этого Йиржи Геллера Оперуполномоченному! Пусть он обшарится, обслюнявится и подавится!

Вендулка кидает книгу Йиржи Геллера на стол **Оперуполномоченного**.

Оперуполномоченный (*берет в руки книгу, взвешивает*). «Йеллоу пейджес» получше, чем Йиржи Геллер!

Вендулка. Как вы определили?

Оперуполномоченный. Как литературный критик! У нас тут недавно случилось сокращение штата, и всех критиков закатали в бетон. И теперь мне приходится совмещать.

Вендулка. Каким, извините, образом?

Оперуполномоченный. Пишу рецензии на подозреваемых! Вы ждете от меня монолога?

Вендулка. Чего угодно.

Оперуполномоченный. Попрошу всех встать для оглашения монолога! *(Встает, откашливается.)* В ходе литературно-оперативных мероприятий была обнаружена книга неизвестного предназначения. При более тщательном осмотре книга оказалась романом со всеми вытекающими последствиями. А именно – твердая обложка и мягкие страницы, что характерно для всякой преступной деятельности писательского характера. Где повесть, роман и прочая беллетристика служат источником незаконного обогащения под видом интеллектуальной прозы. А публикация данных произведений под псевдонимом позволяет уйти ряду писателей от ответственности. *(Садится.)* Прошу садиться!

Вендулка. У меня вопрос! А как вы отличаете интеллектуальную прозу от прочей?

Оперуполномоченный. Радиоизотопными методами. Если прозу за триста лет не пожрали мыши, значит, проза интеллектуальная. Потому что мыши дерьма не жрут.

Вендулка. А Йиржи Геллера жрут?

Оперуполномоченный. Я разве похож на мышь? Откуда мне знать, съедобен ваш Йиржи Геллер или несъедобен! Для этого требуется независимая экспертиза!

Вендулка. Надо найти мышь!

Оперуполномоченный. У нас тут недавно случилось сокращение штата, и все мыши перевелись на городскую книжную ярмарку. И теперь эту должность совмещает моя секретарша.

Секретарша. Подонок!

Оперуполномоченный. Люблю – не могу, люблю – не могу, люблю – не могу! *(Кидает на стол Секретарше книгу Йиржи Геллера.)*

Секретарша (*открывает книгу, листает*). Страница десять, первый абзац... (*Цитирует.*) Я НЕ ПРЕСЛЕДОВАЛ ЦЕЛЬ – ПОГЛУМИТЬСЯ НАД ИСТОРИЕЙ! НО СОЧИНЕНИЯ О ДВЕНАДЦАТИ ЦЕЗАРЯХ, ДОШЕДШИЕ ДО НАШИХ ДНЕЙ, ИНОГДА СМЕШНЫ ДО АБСУРДА. КАК БУДТО НЕ В МЕРУ ВЕСЕЛЫЙ РЕСТАВРАТОР СОВМЕСТИЛ «САТИРИКОН» ПЕТРОНИЯ И «АННАЛЫ» КОРНЕЛИЯ ТАЦИТА, ЧТОБЫ РАЗВЛЕЧЬ ПУБЛИКУ И ПРОДАТЬ ЭТИ РУКОПИСИ ПОДОРОЖЕ.

Оперуполномоченный (*Секретарше*). Ну и как, госпожа эксперт? Возникает желание выпить и закусить?

Секретарша. Только выпить!

Оперуполномоченный. Ну, это мы быстро организуем! Вначале выпьем на брудершафт, а после устроим полицейскую оргию с произволом! (*Вендулке.*) Подозреваемая! Встаньте возле батареи!

Секретарша (*Вендулке*). Подозреваемая, оставайтесь на месте.

Оперуполномоченный (*Секретарше*). Ах, вы мешаете следствию?! Препятствуете, так сказать?!

Секретарша (*Оперуполномоченному*). Как сейчас дам Йеллоу пейджесом!

Оперуполномоченный. Тогда вернемся, пожалуй, к Йиржи Геллеру. (*Вендулке.*) Скажите, подозреваемая, вы с ним сожительствовали?

Вендулка. Возле батареи – нет!

Оперуполномоченный. А на столе, под столом, в шкафчике, под кроватью, на подоконнике...

Секретарша (*Оперуполномоченному*). Достаточно!

Оперуполномоченный (*Секретарше*). Не успеваете заносить в протокол?

Секретарша. Не устаю поражаться вашим фантазиям.

Вендулка. Йиржи Геллера я читала.

Оперуполномоченный (*Вендулке*). Как это скучно! Читать о чужих извращениях. Когда в каждом доме есть батарея центрального отопления.

Секретарша (*Оперуполномоченному*). Еще раз услышу слово «батарея», и я за себя не отвечаю!

Оперуполномоченный (*Секретарше*). Тогда предложите синоним.

Секретарша. Идиот!

Оперуполномоченный. Плохой синоним. (*Вендулке.*) А с чем извращается Йиржи Геллер?

Вендулка. С античностью.

Оперуполномоченный. Хороший синоним. А нельзя ли узнать поподробнее, что он туда засовывает?

Вендулка. В каком, извините, смысле?

Оперуполномоченный. Ну, в смысле – что Йиржи Геллер вкладывает в свои произведения? Какие батареи центрального отопления?

Секретарша. Я предупреждала!

Оперуполномоченный (*Секретарше*). О-йо-йо-йо-йой! Я ошибся! (*Вендулке.*) И тем не менее...

Вендулка (*Оперуполномоченному*). Все вещественные доказательства у вашего эксперта.

Оперуполномоченный (*Секретарше*). Госпожа эксперт! Убейте нас цитатой!

Секретарша (*открывает книгу, листает*). Страница сорок, второй абзац... (*Цитирует.*) ЧЕШСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЙИРЖИ ГЕЛЛЕР – ЭТО ЛИТЕРАТУРНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ. А ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ТАЦИТЕ ИЛИ О ПЕТРОНИИ? В КАКИХ ОБЪЕМАХ ПОДДЕЛАЛ ИХ РУКОПИСИ ПОДЖО БРАЧЧОЛИНИ? И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ МЫ СУДИМ ОБ ЭПОХЕ НЕРОНА, ОПИРАЯСЬ НА «ИСТОРИЮ» КОРНЕЛИЯ ТАЦИТА И «САТИРИКОН» ПЕТРОНИЯ АРБИТРА.

Оперуполномоченный. Вот собака! (*Вендулке.*) Мне кажется, что ваши действия на городской книжной ярмарке вполне оправданны.

Вендулка. И чем же они оправданны?

Оперуполномоченный. Мною! Потому что всех писателей надо взять и закатать в бетон! Сделать им сокращение штата!

Вендулка. И тогда вы будете совмещать?

Оперуполномоченный. А что?! У меня есть интересные мысли о системе центрального отопления. Только их надо аккуратно поделить на три тома. Делай – раз!

Вендулка и Секретарша подходят к батарее центрального отопления.

Делай – два!

***Вендулка и Секретарша** приковывают себя наручниками к батарее центрального отопления.*

Делай – три!

***Вендулка и Секретарша** с визгом срывают с себя одежды и в одном исподнем проваливаются в преисподнюю. Вместе с батареей центрального отопления.*

Замысел

Прага. Февраль 2002 года

*Но разве не тем же безумием одержимы
декламаторы, вопящие: «Эти раны я получил за
свободу отечества, ради вас я потерял этот глаз.
Дайте мне поводыря, да отведет он меня к чадам
моим, ибо не держат изувеченные стопы тела
моего...»*

Петроний Арбитр. Сатирикон

Собственно говоря, писатель придает чужим поступкам осмысленный вид. Ему недостаточно фактов, и он пробует реконструировать события, приведшие к трагическому финалу. Потому что литература все склонна драматизировать, а кинокартина, в конце-то концов – воодушевлять. Хотя бы режиссера – на двадцать четвертую серию. Несчастный писатель доводит посторонний маразм до апогея, а сам ощущает упадок сил, поскольку предполагает логику там, где ее нет. Порою писателя возмущают импульсивные действия различных персонажей. Он пробует закинуть их по дюжине в одну обувную коробку, а персонажи своевольно высовывают оттуда ручки да ножки и бьются о крышку головой.

Однажды я встретил подобного «кукольника» на Староместской площади. Он прижимал свою обувную коробку к груди и напевал:

Четыре месяца спустя – еще проходит два!
Как по макушке колотя – проходит голова!
Мы наблюдаем чудеса – как времечко летит!
Поел, а через полчаса – вернулся аппетит!

Полная белиберда, если рассматривать ее с точки зрения абракадабры. Но когда я приблизился, то понял, что этот писатель просто-напросто заглушал неприличные звуки, доносящиеся из его

коробки: хохот, топот, свист, замысловатые ругательства и возгласы «подбавь пару, подбавь пару!», как будто писатель таскал за собой филиал преисподней. Дважды из обувной коробки выбрасывался женский чулок в мелкую сеточку, и писатель был вынужден запихивать его обратно. «Двенадцать чертей вам в бок!» – поприветствовал я писателя. «И вам того же!» – отозвался он. «Какие нынче виды на урожай детективов?» – поинтересовался я. «Ужасные!» – резюмировал он, и мы разошлись куда подальше друг от друга, потому что писателю писателя знать необязательно.

А уж читать друг друга – и вовсе извращение. Во-первых, ничего хорошего о ныне здравствующих писателях я сказать не могу. А во-вторых, и о себе – тоже. Один мой знакомый любил повторять, что настоящий писатель – явление крайне редкое. Истинно! Истинно! Мало кого угораздит уродиться этакой сволочью и собственные патологические наклонности оправдывать литературными чудачествами. Мол, уважаемые читатели – не надо путать автора с его персонажами! Согласен, что это так же трудно, как и невозможно. Даже самые отъявленные персонажи не ведут себя как умалишенные. Не изводят жен и подруг бесконечными разговорами о собственной гениальности, не плюют в телевизор, чтобы попасть в литературного критика, и не прыгают по столовой, облившись чернилами, с целью напомнить гостям, что среди них отдыхает известный писатель.

И не надо потворствовать всяким литературным заболеваниям, когда лучше всего – правильно подобрать таблетки. На вечере встречи с известным писателем каждый сознательный гражданин должен встать и громко спросить: «В этом зале есть доктор?!» А то сидят словно садисты и наблюдают, как человек на сцене агонизирует. Вот поэтому, когда меня приглашают в гости, я прежде всего выясняю – будут ли там писатели? И если нет, легко соглашаюсь отобедать, не беспокоясь о собственных брюках и прививках против бешенства. А то иногда вывешивают табличку: «Осторожно – злая собака» – и не указывают конкретно – кто...

Вопрос: *Насколько автобиографичны ваши книги?*

Ответ: Все книги автобиографичны в той или иной степени. И главное для писателя, чтобы ему поверили. Например, я никогда не бывал в городе Брно, пусть развивается он и хорошеет. Когда

в «Реставрации обеда» я описывал железнодорожный вокзал, то вспоминал город Горький, теперь Нижний Новгород, откуда со страшным похмельем я возвращался из командировки. За полчаса до отправления поезда купил билет и столкнулся с дилеммой: свернуться калачиком и прохрапеть до самого Ленинграда или еще постоять на перроне и внимательно понаблюдать за посадкой. Потому что в моем вагоне не было ни одного пассажира! Как любопытный писатель, но осторожный, я педантично обследовал все купе и не нашел ничего человеческого, кроме запаха. В другие вагоны народ набивался, как полоумный, а мой оставался пустым. Вот поэтому я подумал-подумал, похлопал свое тридцать шестое место по полке и тоже вышел, чтобы не нарушать гармонии. С важным видом независимого эксперта я выбрался на перрон, и тут человеческий запах наконец-то обрел плоть. В мой вагон организовано стали напихиваться пассажиры.

А надо сказать, что историческое время было самое застойное: Горький город закрыт для иностранцев, народ запуган Комитетами государственной безопасности, Брежнев целовался со всеми подряд, как ненормальный, а за границу ездили люди, только проверенные и подкованные. «Здравствуйте! – говорят мне люди, как только я снова проник в купе и собрался залечь на свою полку. – Давайте знакомиться! Теперь две недели мы будем вместе!» – «Держите карман шире! – говорю я. – Через двенадцать часов мы будем в Ленинграде! Так что ни о каком двухнедельном знакомстве и не помышляйте! Мне нужно только ночь пролежать и утром отдышаться!» – «Как? – удивляются люди. – Вы разве не едете с нами в Финляндию?» – «Со всей бы душой, – говорю, – но, к сожалению, мордой не вышел!»

А дальше возникает интересная ситуация с точки зрения туристической группы, укомплектованной Комитетом государственной безопасности для путешествий по странам и континентам. Этот опломбированный вагон в полном составе следует по маршруту «Горький—Финляндия», но с промежуточной остановкой в Разливе, чтобы запомнить, как строился ленинский Шалаш, потому что всякое в жизни может пригодиться. Финляндия – страна капиталистическая, а морда у случайного попутчика очень подозрительная. Особенно с похмелья. И даже не глядя на ленинский Шалаш, можно легко прийти к выводу, что случайный попутчик работает в Комитете

государственной безопасности. Я бы этой кассирше, что дала мне такой билет – с удовольствием навалял!

«Вы водку пьете?» – спрашивают у меня люди. «В данный момент, – говорю, – не пью и вам не советую!» Потому что с похмелья у меня отвращение к перегару, а если на старые дрожжи мне положить водки, то еще неизвестно – кто поедет в Финляндию. Я или эта жалкая и смешная группа. «А где наш Иван Иванович? – интересуются люди. – Где он теперь отдыхает?» Ну, я как можно тактичнее отвечаю, что страна у нас большая, земли обильные и каждый Иван Иванович может выбрать туристический маршрут себе по вкусу. Хочешь – на Колыму, а хочешь – в Магадан! «Да вы не серчайте, – говорят люди. – Мы не подумали и спросили. Только на вашем, тридцать шестом месте должен был ехать Иван Иванович, а теперь его нет! Да и бог с ним!» Только пусть встретится мне эта кассирша! Я сделаю ей штампик на жопе: «Разрешено к вывозу из СССР».

Так мы и ехали до Ленинграда. Я с похмелья, но в роли куратора туристической группы, а трезвые люди – в полной прострации. Не пивши, не спавши, потому что боялись при мне расслабиться и рассказать какой-нибудь политический анекдот. Что с ними дальше случилось – не знаю, но именно этот случай из личной жизни я вспоминал, когда сочинял историю про вокзал... Кстати, вы никогда не задумывались – сколько надо потратить бензина и времени, чтобы доехать от города Прага до города Брно на автомобиле, как сделала это Анита? Не задумывались, ну и ладно... Однако недавно встречаю я господина, который долгое время жил в Чехии, а он говорит мне спасибо! «За что?» – спрашиваю. «Ну как же! – отвечает господин. – В вашей „Реставрации обеда“ город Брно как живой! Вот вокзал, вот пивница, вот вокзал, вот пивница, вот вокзал, вот пивница... Я прочитал и прослезился! Воспоминания нахлынули!»

Вопрос: Ваши книги написаны в соавторстве? С кем?

Ответ: Почему вы об этом спрашиваете?! Я соблюдаю правила личной гигиены и не ем из одной тарелки с другим писателем. Когда у меня атрофируется какое-нибудь полушарие головного мозга, я непременно обзаведусь соавтором, чтобы восполнить это досадное недоразумение. Но тут есть некие трудности в комплектации творческого коллектива! Ведь если откажет левое полушарие – мне будет нужен правосторонний соавтор, и наоборот!

Я понимаю, что в последнее время на писателя смотрят как на коммерческий проект с небольшими вложениями. Два пальца, компьютерная клавиатура и – пошла писать губерния! Начальные затраты на производство «бестселлера» можно легко сократить до одного пальца, а главное – продать эту хрень потребителю. Подавить его тягу к Литературе и втюхать пожеванный кем-то алфавит. Тогда, само собой разумеется, два соавтора с четырьмя пальцами работают быстрее и выдают на-гора больше «бестселлеров» за единицу времени. А пять соавторов уже могут обеспечить страну своими одноразовыми произведениями. Мне кажется, что производство литературных контрацептивов очень прибыльное дело! Вдобавок зараза не распространяется, читатели почему зря не рождаются, страна богатеет, а валовой продукт постоянно удваивается.

Все счастливы – авторы и соавторы.

Вопрос: *Алкоголь стимулирует ваше творчество?*

Ответ: Писатель – это подвижник, который сидит на заднице! Такой у него постриг! И если стимулировать писателя алкоголем, он может запросто свалиться со стула! Другое дело – редактор, который сидит у писателя в голове. Его подпоить – одно удовольствие! Тогда редактор становится неадекватным и падает со стула вместе с писателем. Но еще остается корректор, можно сказать – правая рука писателя, а с ним возникают трудности. Потому что корректор держится за стакан и не хочет разжимать пальцы. А в целом подвыпивший писатель напоминает подводную лодку на перископной глубине. Сам лежит под столом, и только рука со стаканом всегда на поверхности.

Вопрос: *Вы надо мной издеваетесь?!*

Ответ: А вы разве – нет?! Такие вопросы мне задаете, как будто писатель – это диагноз!

– Вот видишь, – сказала Анита. – Я правильно сделала, что изолировала тебя от общества и спиртных напитков. Хотя бы временно.

За эти три дня, проведенных в комнате под арестом, я растворил в себе весь аспирин, вспомнил Аниту, которая меня похитила, и распечатал на тридцати страницах слово – «Хелп!!!». Это было обращение ко всем работникам городской канализации с просьбой о

помощи. Что меня содержат в нечеловеческих условиях, без пива и секса, как стерилизованную канарейку. То есть из вышеупомянутых страниц я насворачивал бумажных корабликов и сплавил кораблики в унитаза, поскольку другой пневматической почты не предвиделось.

– Хватит играть в Ниагарский водопад! – возмущалась Анита. – Займись, пожалуйста, делом! Оставь унитаза в покое!

Она хотела, чтобы я восстановил события, которые довели несчастного Густава Шкрета до смерти. Анита из женской вредности билась над вопросом – какого свойства была эта смерть. Насильственная или причинно-следственная? Судьба Йиржи Геллера ее не очень-то волновала.

– Для этого есть Вендулка, – заявляла Анита. – Я не могу заботиться о двух мужчинах одновременно. Каждому свое!

И неизвестный автор, брошенный в загородном доме под городом Брно, не беспокоил Аниту.

– Там остался мой «фольксваген», – поясняла она. – Так что в случае чего...

Как бездыханный автор мог воспользоваться ее «фольксвагеном», Анита не уточняла.

– Сколько можно?! – спрашивала Анита. – Почему все мужчины мрут как мухи?! – Она принималась загибать пальцы: – Йиржи Геллер, неизвестный автор, Густав Шкрета... Сколько можно?! Надо восстановить хронологию событий! Ты ведь писатель какой-никакой – вот и восстанавливай!

Настоящего Йиржи Геллера она с легкостью похоронила для кучности. Хотя куда он провалился – одному Богу было известно.

– Мечь – это женское понятие о справедливости, – сообщила Анита, когда я попытался выяснить, почему она не обратилась в полицию, а привязалась ко мне.

– А порядочная пани не должна фигурировать на судебном процессе, если ей на процессе фигурировать не в чем, – поддакнула Янка. – У меня, например, нет одежды – ни в клеточку, ни в полосочку!

Янка появилась к вечеру первого дня и сразу же наполнила телевизор странными ассоциациями. Вдобавок моя интерактивная связь с дамами не отличалась разнообразием. Я их видел, а они меня нет, поскольку камера наблюдения была установлена только на кухне...

– Какие у тебя претензии? – поинтересовалась Анита, когда я стал возмущаться обстоятельствами своего содержания.

– Даже в зоопарке условия хуже, – снова поддакнула Янка.

Я требовал установить видеокамеру в женском душе, чтобы программы по телевизору были интереснее. При этом мне приходилось орать под дверь, потому что иначе звук просто не распространялся.

– Мне надоело смотреть, как вы режете овощи!! – надрывался я. – Нельзя ли сходить в магазин и принести мне пива для разнообразия?!

Но Янка язвительно замечала, что вначале – пиво, потом – бабы, и если я называю это разнообразием, то – совершенно напрасно. И лучше бы я не орал под дверь, а сел за компьютер и восстанавливал картину преступления. Потому что получится – детектив, за который издательство может заплатить деньги.

– Уникальный случай, – соглашалась с ней Анита. – Мы его сохраним безо всякой для себя пользы...

– Что подрывает основы женского существования, – подтверждала Янка.

В общем, на третий день я включил компьютер и напечатал следующую фразу: «Боги, не гневайтесь на меня все сразу – станьте в очередь», думая, как бы поживописнее изобразить бурную литературную деятельность. Далее, войдя в образ, я взлохматил на своей голове волосы, погляделся в зеркало и от испуга исписал еще полстраницы разными многозначительными словами. Предполагая, что именно так должно начинаться повествование – издали и туманно. После чего потерял к этому мероприятию всяческий интерес и пару дней лежал на спине, не беспокоя другие части тела. Покуда во входной двери не появилась дырка, просверленная Анитой или Янкой.

– Это чей там глаз? – тогда поинтересовался я.

– Это наш! – хором отвечали дамы. – Теперь мы будем за тобой наблюдать.

– Валяйте! – разрешил я.

Часа через полтора они стали шумно возмущаться, потому что за прошедшее время произошло только одно изменение – я почесался. И «бездельник», и «тюлень» были самые божеские эпитеты после этого изменения.

– Великие художники Возрождения, – возразил я, – ждали, как минимум, трое суток, чтобы в комнате осела пыль. Прежде чем приступить к работе.

– А мы думали, что ты подох, – пояснили они.

И хотя мне уже надоело – я пролежал еще полтора часа, из принципа. Только тогда встал, заткнул смотровое отверстие и снова сел за компьютер...

Всякая информация, что поступает от женщин, должна быть рассмотрена обоюдоостро. Как банкнота. Поскольку на женских купюрах с одной стороны нарисованы чешские евро, а с другой – американские доллары. То есть не информация, а облигация государственного займа. Мужчины торопятся с выводами, что женщина – безобидная идиотка, когда не в силах дослушать ее до конца. А между тем, записавшись на кулинарные курсы для домохозяек, можно дождаться рецепта – как расчленить труп. Я не запугиваю, а просто рассуждаю. Что женщина на исповеди придерживается повествовательной манеры: начинает с далекого детства и не всегда доходит до собственных грехов. Просто не успевает!

Но Янка с Анитой, пересказывая и с конца, и с начала, ни разу не упомянули, что они утопили в ванне Густава Шкрету и разрисовали его химическими карандашами. Поэтому мне оставалось только верить дамам, что они к этому делу непричастны. А также исследовать природу загадочной надписи «Гай Петроний Арбитр» – как единственной и малопонятной улики...

Допустим, предполагал я, что некие злоумышленники, задумали извести Густава Шкрету таким замысловатым способом. Для этого им понадобились сам Густав Шкрета, ванна, бритва и химический карандаш. И чтобы собрать такие разнородные вещи в одной квартире, им был нужен от этой квартиры ключ. Или Янка. Которая разбрасывает запасные ключи где ни попадя, а потом верещит, что они пропали. Тогда злоумышленники должны познакомиться с Янкой, хотя бы затем, чтобы знать – где у нее ванна. А это не самое привлекательное место у девушки, если ты не маньяк. Следовательно, убийца Густава Шкреты – водопроводчик! Либо я – идиот и надо предполагать снова...

Допустим, снова предполагал я, что Густав Шкрета решил извести самого себя таким замысловатым способом. Для этого ему понадобились ванна, бритва, химический карандаш и, минимум – желание помыться. Мне остается уточнить – как часто у Густава Шкреты возникало такое желание, и в принципе – все ясно. Злодей-водопроводчик отключает дома у Густава Шкреты горячую воду, и он просто вынужден идти к Янке. Где от ярости на коммунальные службы вскрывает себе вены. Потому, что у Янки горячей воды тоже нет...

То есть как ни крути, а у писателя действительно мозги растут криво. Поскольку только ему приходят в голову такие разноплановые сюжеты...

Вопрос: *Что такое для вас подлинная философия?*

Ответ: Все познается в развитии. Из посеянного предложения вырастает роман, если за ним хорошо ухаживать – культивировать и обильно поливать водой. У некоторых писателей прет из земли «баобаб», но не в смысле, что «роман о женщинах», а в перспективе... Я же выращиваю мелкоколючие кактусы и лишь изредка – литературный бонсай, в стиле бундзин. Целый миниатюрный сад на подносе, когда писатель нависает над ним в образе Саваофа – смотрит и улыбается. Можно скоротать вечность, разглядывая бонсай... И надо относиться к моим медитациям над карликовыми деревьями с юмором. Ведь, наблюдая за психиатром и его пациентом, не всегда с уверенностью можно сказать – кто болен. Поскольку психиатр серьезно относится к своей работе, а я – нет.

Вопрос: *А вы женаты?*

Ответ: Женат. На Анне-Вендулке Владимировой. Она обожает книги пани Хмелевской и сетует, что я держу равнение на иных писателей. Когда-нибудь, на потеху Вендулке, я напишу рассказ или повесть в стиле этой пани. Буду подвергнут уничижительной критике и в наказание останусь без обеда. А пока мы мирно сосуществуем, и время от времени Вендулка меня переводит. «Что-что он сказал?!» – спрашивают знакомые у Вендулки Владимировой. «Ничего не сказал! – отвечает Вендулка. – Сардельку жрет! Ишь как урчит, бедный! Проголодался!» А познакомились мы при довольно невыразительных обстоятельствах, но теперь это не интересно даже бывшей моей жене...

– Мы можем тебе чем-нибудь помешать?! – попеременно барабанили в дверь Анита и Янка.

– Обойдусь, – отзывался я.

– Отрицательные факторы благоприятно сказываются на творчестве! – намекали они, не переставая барабанить. – Такие как – шум, критика, голод, нищета и инвалидность!

– Спасибо за поддержку, – благодарил я, а сам был мысленно далеко отсюда...

Автобиография

Город Биш. 1958–2002 гг.

Я не учился ни геометрии, ни критике, вообще никакой чепухе, но умею читать [надгробные] надписи и вычислять проценты в деньгах и в весе. [ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ ТРИМАЛХИОН МЕЦЕНАТИАН. ОН МОГ БЫ УКРАСИТЬ СОБОЙ ЛЮБУЮ ДЕКУРИЮ РИМА, НО НЕ ПОЖЕЛАЛ. БЛАГОЧЕСТИВЫЙ, МУДРЫЙ, ВЕРНЫЙ, ОН ВЫШЕЛ ИЗ МАЛЕНЬКИХ ЛЮДЕЙ, ОСТАВИЛ ТРИДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ СЕСТЕРЦИЕВ И НИКОГДА НЕ СЛУШАЛ НИ ОДНОГО ФИЛОСОФА. БУДЬ ЗДРАВ И ТЫ ТАКЖЕ.]

Петроний Арбитр. Сатирикон

Вначале я родился. И в шесть лет уже бойко зыркал из полуподвала, где размещалось книгохранилище города Биш. «Мама! Папа! Где вы?! Где вы?!» Я не был сиротой, а просто с удовольствием жил у бабушки. То есть успешно скрывался от идиотизма, который стремились привить мне путем воспитания. «Что могут дать родители, кроме сомнительных генов?! – раздумывал я. – И почему им не приходит в голову воспользоваться контрацептивами? А человек после этого борется с наследственной патологией всю свою жизнь!»

Книгохранилище в городе Биш имело жуткую репутацию. Во-первых, все были уверены, что там обитает привидение и разгуливает со свечкой в длинной ночной рубахе. Поэтому, завидя здание городской библиотеки, где находилось книгохранилище, все стремительно переходили на другую сторону улицы, что, безусловно, сказывалось на посещаемости этого «проклятого» места. «Прекрати бродить по ночам, – сетовала бабушка на мой образ жизни, – всех постоянных читателей распугал...» – «А как же Мошка?» – припоминал я. «Он – сумасшедший, – возражала бабушка, – а посему погоды не делает!» Йоган Мошка имел читательский билет под

номером два, являлся действительным городским сумасшедшим и служил звонарем в церкви. Он интересовался только специфическими книгами «про девочек». Например, «Марыся и три медведя», «Белыся и семь гномов», «Алыся в Зазеркалье» и так далее... Читательским билетом номер один обладал я. Чем вызывал восхищение у Йогана Мошки, который думал, что по церковной иерархии я важнее архиепископа...

Во-вторых, жители города Биш верили в «черную вдову», которую заживо замуровали в нашем книгохранилище. И, как гласила народная молва, «черная вдова» время от времени испускала леденящие душу звуки и взывала к бывшему мужу: «Йииииржи! Йииииржи! Йииииржи!» После чего две недели в городе Биш никто не хотел жениться. «Пойди накорми поросенка, – говорила тогда моя бабушка, – слышишь, как развизжался?!» Этот свиной бифштекс по кличке Зубарик провалился у нас в погреб и никак не хотел вылезать обратно. Потому что через месяц уже не проходил в дырку. А зарезать его не представлялось возможным и приходилось кормить.

В-третьих, о чем перешептывались в городе Биш, нашу библиотеку посещал антихрист. Во всяком случае из окна музыкальной школы видели, как однажды ночью, во время дождя, антихрист залетел в помещение книгохранилища прямо на огненной колеснице и через две минуты выскочил обратно словно ошпаренный! «Во как!» – отмечали жители скорость, с которой антихрист покинул городское книгохранилище. А на самом же деле это была шаровая молния, которая едва нас не подпалила. И мы с бабушкой сильно рисковали, ведь никакая пожарная команда не отважилась бы войти в книгохранилище в темное время суток.

В шесть с половиной лет я вынужден был отправиться в школу и долгое время придурился, читая вслух по складам. Дабы никто не догадался, что библиотечное привидение давно изучило Ги де Мопассана, «лишенного иллюзорности при описании чувств...». Однако в шесть с половиной лет я видел из полуподвала больше женских трусов, чем Ги де Мопассан за всю свою жизнь, что, собственно, никак не сказалось на моей иллюзорности, а только выработалась манера задирать на дамах юбки при близком знакомстве.

«А скажи-ка, Мошка, – спрашивал я, – чем же Марыся отличается от Белыси?» – «Если не вдаваться в подробности, – важничал Мошка,

перелистывая свои книги, – то надо обобщать!» – «Валяй!» – разрешал я. «Марыси ходят гуськом, – обобщал Мошка, – на довольно далекие расстояния, подтверждая тем самым американскую мудрость, что у семи гномов – Белыся без глаза». – «Ну, ты и начитался!» – удивлялся я. «Так точно! – Мошка по-военному отдавал честь и раскрывал страшную церковную тайну. – У нас батюшка-то – партийный!» Каким образом этот батюшка стал членом коммунистической партии – Мошка не уточнял.

И в какой-то момент меня стали одолевать разногласия между органами и чувствами. То есть при осознании мною нередко овладевал страх, а при обонянии нашего поросенка – странная печаль. Всё относительно книгохранилища мне виделось потусторонним, и, выходя на улицу, я боялся навсегда потерять гравитацию и улететь к чертовой матери. Тем более что мои опасения подтверждались картинами Марка Шагала про то, как евреи порхают над странной местностью и никак не могут определиться. Я не был евреем, и город Биш – не земля обетованная. Тогда откуда такое необъективное восприятие реальности?!

Неестественное ощущение отчего дома меня абсолютно не радовало. Когда висишь вверх тормашками и все время рискуешь расквасить морду о свою же малую родину. Поэтому я загружался лозунгами для большего тяготения к отчизне: «Партия – наш рулевой!», «Все мы сгинем, а дело еще поживет!» – и опускался на землю, вроде как остальные люди. Работал, служил, защищал, поглаживал, то есть любил свою малую родину, где находились книгохранилище, бабушка и тополь, который я посадил под окнами книгохранилища. А вот с остальной родиной у меня возникали проблемы. Она была слишком большая для любви и совершала поступки выше моего понимания. Я просто думал, что главная родина не пропадет и не заплачет, если придется ее покинуть. Потому что, по всем приметам, у главной родины были свои сволочные дети, которые о ней заботились и наслаждались взаимностью. А ваш покорный слуга, наверное, уродился бастардом и не мог унаследовать дело, к которому не питал ни малейших родственных чувств.

Но главная родина меня не отпускала, скорее всего из вредности. «Заведите себе волнистых попугайчиков!» – нередко предлагал я. Однако такой равноценный обмен по какой-то причине не устраивал

главную родину. Она лицемерно корчила из себя мать-героиню и сообщала соседкам, что в дружной семье уродов живетя всем хорошо – и родным, и неродным детям. Воспитанные ребята, выйдя из дома, должны были встать посреди двора и показательно помахать маме ручкой, чтобы все видели – как горячо они любят свою героиню. «Я, такой-то сякой-то, в трезвом уме и светлой памяти перед лицом своих товарищей торжественно клянусь!» Тогда главная родина высунет из окна свою морду, помашет в ответ и улыбнется со всех плакатов. Но мне почему-то не нравилось искусственно возбуждать свои чувства, да посреди двора, и поэтому я сидел дома, чтоб не позорить свою главную родину перед соседками...

- Вы знаете, почему помидор красный?!
- Он воплощает в себе чувство долга.
- Кто?! Помидор?!
- Нет. Чувство долга воплощает в себе цвет помидора.
- Почему?
- Потому, что он частичка красного знамени.
- Кто?! Помидор?!
- Ваша мамаша!
- Прекратите истерику! Ответ неправильный!
- Тогда мой ответ – помидор!
- Что «помидор»?
- Все – «помидор»!
- Ну, хорошо... А что вы думаете о зеленом цвете?
- Он воплощает в себе незрелые помидоры!
- Приходите, когда созреете...

И компетентные органы не выпускали меня за пределы родины с такими неадекватными чувствами. «Вы знаете, почему помидор красный?! Вы знаете, почему помидор красный?! Вы хотите об этом поговорить?!» Органы говорили, что за границей другие органы, среди которых нет сердца. Вначале они поиграют на моих чувствах, а потом дадут тридцать долларов. На эти деньги можно купить жевательную резинку и сдохнуть под забором! «Ты хочешь продать свою родину за бубли-гум?!» – интересовались органы, особенно напирая на «тридцать долларов». И скорее всего органы ждали от меня благодарности, что я появился на свет при их непосредственном

участии, но чувства пели другое, и я не испытывал благодарности к органам.

«Come together! Right now! Over me!»^[28] – пели чувства, а я аккомпанировал им на ударной установке – «Ффшшших! Бум, бум, бууум! Ффшшших! Бум, бум, бууум!», рискуя получить медицинскую справку, как у Йогана Мошки. Ведь, находясь между органами и чувствами, ты болтаешься, как неизвестный предмет в проруби, а компетентные органы умели мастерски находить синонимы такому времяпрепровождению. Можете назвать это космополитизмом, а у меня язык не поворачивается... Я просто отъехал всеми чувствами за границу, а телом остался на исторической родине. «Come together!» И стал называть себя Йиржи Геллером втайне от компетентных органов.

Участвовал телом в строительстве коммунизма, сочинял юмористические рассказы, играл в ансамбле на ударных инструментах и продвигал «Камтугезу» в жизнь под видом пародий. Время от времени матерился на популярную мелодию «Запуск и прохождение советской баллистической ракеты сквозь плотные слои атмосферы», которую передавали на частоте радиостанции «Голос Америки». А тонкая пародийная операция с «Камтугезой» проходила без осложнений! Ведь если из песни вырезать непонятные английские слова и заменить на трансплантанты – компетентные органы не отторгались. «Белфаст» превращался в композицию «Про галоши», которых у нас хватало, чтобы обути Южную и Центральную Африку. И как об этом не догадалась главная родина – снабдить всех галошами по обе стороны от экватора?!

Куплет:

Покупайте галоши! Покупайте галоши!
Покупайте галоши, вы!
Наш товар – очень, очень хороший!
Не линяет, не рвется! Не ржавеет, не гнется!
Из резины и кожи – тоже
Производим наши галоши!

Припев:

Хватай! Таскай!
А потом приходи и еще покупай!
Бери! Носи!
А потом приходи и еще проси!

Рефрен:

Я купил, я купил!
Их под мышкой носил!
В чемодане таскал!
Не помял, не порвал!

От души:

О-у! Во-у!

И никакой трагедии! Подобными глупостями я занимался лет десять, изредка полагая, что напишу об этом очень смешной роман и назову его «Камтугеца». Но время шло, и в двадцать пять я сократил свои сатирические амбиции до повести, а в тридцать уже чувствовал себя на рассказ с подагрой. Говорят, что в конце концов мечтаешь о стакане воды, который тебе подадут компетентные органы. Да что теперь о них вспоминать?!

А чувство со временем начинает выглядеть как старое полупальто, побитое молью. Которое жалко выбросить и которое вышло из моды. Изредка ты достаешь его из кладовки, кряхтя напяливаешь на себя и красуешься на потеху молоденьким девушкам. Ты говоришь, шаркая ножкой: «Позвольте вас пригласить на романтический танец в стиле семидесятых!» – и выглядишь смешно, потому что давно не смотрел

на себя в зеркало. А там старое лохматое чучело с непонятными чувствами.

Когда в двадцать восемь лет я устроился на работу администратором танцевального зала во Дворец культуры, еще захаживал на дискотеки один такой плясун. Исполнять балетные номера для умирающего лебедя с песочным отверстием. Его не устраивали тихие ретроспективные вечера «для тех, кому далеко за тридцать». И он потрясал своими пятидесятыми или шестидесятыми чувствами, как старый испорченный экскаватор размахивает ковшом! Больше для выпендрона, чем со смыслом. Поэтому уходил с одышкой, а не с молоденькой танцовщицей. Что весьма характерно, когда мужчина рассчитывает тряхнуть стариной за просто так. Вот мне отдавались во Дворце культуры – еще за контрамарку. И не хлопотно, и с перспективой на абонемент.

В первый, третий и пятый раз – я выписывал этот абонемент на сходное имя. Такое же развлечение было у Александра Македонского с Александриями. Он давал всем завоеванным городам одно название. Но то ж населенные пункты, а это ж – дамы. Поэтому я разделял своих бывших жен на четненьких и нечетненьких, ради удобства, и присваивал им порядковые номера. Получался «каталог кораблей» из «Илиады» Гомера...

«Прима» считала, что сон – лекарство от всех невзгод. Первую половину дня она мирно дрыхла, вторую – рассказывала, что видела во сне. В конце концов, эти половинки у нее перемешались, и Прима стала воспринимать меня как фантом. Думала, что семейная жизнь – это грезы, а наяву я причудливая сволочь. Когда мы расстались – она спала...

«Секунда» выкуривала пачку сигарет минут за сорок и выпивала бутылку вина – еще быстрее. После чего ей был необходим спарринг-партнер для тренировочного боя. Я выстоял против нее целых восемь раундов, покуда в суде нам не сказали «брейк» и не развели по разным углам жизни. Предполагаю, она до сих пор жалеет, что не завершила нашу встречу нокаутом...

«Терция» обучала меня английскому языку, а я, как полагается, прогуливал уроки. Не приходил домой ночевать, выдумывая объективные причины. Что съемки видеоклипов надо обязательно проводить ночью, поскольку в это время аренда телевизионной студии

на пятьдесят процентов дешевле... Был отчислен за неупеваемость...

«Кварта» все время думала о перспективах. Как станет вдовой, как меня похоронит и в каких это будет тапочках. Мысли о будущем не давали ей покоя, поскольку, по моему некрологу, «Кварте» оставалось все имущество. И когда в сороковой раз она переспросила, какого размера обувь я ношу, мне ничего другого не оставалось, как сделать ноги. Да и бог с ним, с имуществом...

«Квинта» заботилась о моем здоровье. Не разрешала: пить пива больше одного литра в день; общаться с посторонними дамами по телефону; курить без перерыва; есть острое, соленое, перченое и копченое; общаться с посторонними дамами без телефона; распоряжаться самим собой по собственному усмотрению.... Вот я и подумал – а для чего мне такая оставшаяся жизнь?!

В десять лет Йоган Мошка решил заменить мне дядю, которого никогда не было. Смастерил по такому случаю черный цилиндр и заявил, что приехал из Франции. «Ты знаешь, – вкрадчиво сообщил он при встрече, – что я скончался в прошлом году и оставил тебе большое наследство?» Разумеется, что я понятия об этом не имел. «Ггрррьяяя, ррррьяяя-ррррьяяя-ррррьяяя!» – стал таинственно напевать Мошка и продолжал «ррррьякать», покуда я не отдал ему читательский билет за номером один. Правда, в обмен на черный цилиндр и завещание. Другого способа избавиться в тот день от новоявленного «дядюшки» не существовало... А похоронили Мошку осенью, и я присутствовал на этой церемонии в его цилиндре. «Завещаю вам – всё!» – такова была последняя воля Иоганна Себастьяна Мошки...

В городе Биш проживало два маститых писателя. Почти ежедневно они собирались вместе, чтобы культурно провести время. Только у них ничего не получалось – обязательно напьются и морду друг другу набьют. Остальные писатели в городе Биш таковыми не считались, и поэтому им приходилось тихо сопеть в тряпочку. Они гуськом ходили за «монстрами» и следили, чтобы маститые писатели друг друга не изувечили. Подобный кошмар назывался – «Литературное объединение „Паровоз“». Его возглавлял первый маститый писатель, а второй стоял во главе союза «Кондитер». Эти объединения разнились по всем параметрам, потому что одно находилось в Доме культуры железнодорожников, а другое в Клубе

работников пищевой промышленности. И только люди непосвященные не видели никаких отличий. «Все поэты – онанисты!» – говорил первый маститый писатель. «Все прозаики – насильники!» – пропагандировал второй. И можно было не разделять какую-то позицию, но никто не хотел возражать обоим, чтобы с позором не вылететь из Литературы.

Но больше всех разбирались в этой Литературе жены маститых писателей. Они хмыкали, шикали, фикали, закатывали глаза и хихикали, как только видели что-нибудь написанное или напечатанное, кроме сочинений своих именитых мужей. А если учесть, что на две жены было Богом отпущено три с половиной извилины, то свою оголтелую критику они выражали только мимически. «Йиржи Геллер?! Фи! Не медведь! Нет! Не медведь! Фи!» Они замеряли стопки исписанной бумаги и судили о всяком писателе по его помету. Большая куча – медведь, маленькая – не медведь. Что в общем-то недалеко от истины, если взять за эталон медведя, например Льва Николаевича Толстого.

- Йиржи Геллер – это ваша фамилия?!
- Нет, псевдоним.
- А почему такой псевдоним?!
- Потому, что помидор красный.
- А как ваша настоящая фамилия?
- Не ваше собачье дело!
- Наше дело правое! А ваше произведение незрелое!
- Зеленое?
- Поганое!

Писателей от неписателей отличали по публикациям – одним удалось донести свой бред до читателя, а другим – нет. Если ты тиснул в какой-нибудь газетенке юмористический рассказ – значит, писатель. А если повесть в толстом журнале – медведь! Для остальных был открыт Литературный институт имени самого бурого из медведей. Там намывали писателей из неписателей и по объему отработанной породы судили о грамматических запасах нашей необъятной родины. В институт меня приняли с первой попытки и практически без экзаменов, как уродца, чтобы иметь наглядное пособие – до чего человека может довести Литература.

В группе нас было семь человек и девушка, которая сочиняла рассказы про белые кораблики с разноцветными парусами. От этой романтической филологии она в скором времени сильно забеременела и перестала общаться с литераторами. Еще в нашей группе был боевой летчик, которому запретили пилотировать даже «кукурузники», когда он свихнулся на Литературе. Словно Медведь Николаевич Толстой, летчик не кушал ни рыбу, ни мясо, ни колбасу, ходил босиком и только фиксировал на бумаге поток своего сознания. Однажды летчик явился на почту, как водится – без обуви и в толстовке, расфасовал свой поток сознания на четыре мешка и отправил курьерской скоростью в Литературный институт. Там сразу же, без анализов, определили, что больной обратился правильно, то есть в профильное учреждение. Но как на почте никто не сошел с ума – до сих пор понять не могу! Потому что Литература – это болезнь, и не только неизлечимая, но вдобавок очень заразная!

В девяносто третьем году – я занялся рекламным бизнесом...

В семьдесят пятом – окончил школу...

В две тысячи первом – опубликовали мой первый роман...

В восемьдесят втором – у меня родилась дочь...

В девяносто четвертом – построил дом...

В двухтысячном – отдыхал...

В девяносто шестом – лишился дома...

В девяносто втором – сбежал из института...

В две тысячи первом – женился в шестой раз...

Когда мне стукнуло тридцать лет, мимо города Биш стали прокладывать автомагистраль и потревожили отчие могилы, то есть – окончательно разворотили. Тогда я пошел на бывшее кладбище, разыскал череп Иоганна Себастьяна Мошки и притащил домой, чтобы гладить его и приговаривать: «Мой бедный Йоган!» А когда за этим занятием меня застукал режиссер местного драматического театра, он почему-то решил, что я Гамлет. И предложил мне роль «второго фашиста» в третьей страже, но, к сожалению, без слов. На пару с «первым фашистом» мы появлялись на сцене и уводили партизан на расстрел во время поголовной эпидемии гриппа. Что вскоре нам надоело, и мы крупно повздорили с партизанами во время спектакля. Эти недостойные служители Мельпомены всячески нас унижали и говорили, что, если б не эпидемия гриппа – гнать надо со сцены таких

фашистов до самого Берлина. И тогда мы вошли, извините, в роль и положили всех партизан в оркестровую яму. В связи с чем в труппе произошло резкое сокращение штата и всех «фашистов» уволили. А театральные партизаны уж больно хлипкие были, не в пример настоящим...

Да если хотите, я с детства мечтал о подмостках! Мы с Мошкой ходили по проволоке, ползали по канату и брызгались водой из велосипедных насосов, изображая клоунов. Для этого бабушка сшила мне специальную шапочку, чтобы я больше походил на полудурка. При встрече с прохожими мы дико хохотали, подпрыгивали и падали на спину, но малоподготовленные люди не слишком-то разбирались в цирковом искусстве. Особенно в вечернее время. Поэтому люди окрестили нас «попрыгунчиками» и перестали встречаться. «Надо поменять амплуа», – предложил Мошка после трех инфарктов, случившихся на нашей улице. И мы добровольно покинули гильдию клоунов и стали эквилибристами, чтобы подбрасывать в воздух разные предметы и ловко от них уворачиваться. Новая труппа «ДВА-МОШКА-ДВА» давала гастролы аж две недели, покуда не выбила все до единого стекла в радиусе километра от книгохранилища. Тогда возмущенные зрители ворвались в помещение библиотеки, нашли под моей кроватью потрепанный чемоданчик с журналами «Цирк», вынесли это добро на площадь и сожгли под общее ликование сограждан... Как бишь назывался этот город?! Как бишь?

Библиотека Читальный зал

Энотея села на кровать и, к вящему моему удивлению, продолжала оплакивать несчастную участь гуся, пока наконец не пришла Проселена с деньгами за жертвоприношение. Увидев убитого и расспросив жрицу о причине ее горя, она тоже принялась горько рыдать и причитать надо мной, точно я отца родного убил, а не общественного гуся...

Петроний Арбитр. Сатирикон

На четвертый день своего заточения я исчерпал все внутренние резервы. Разумные мысли закончились, и работа над «Реставрацией обеда» остановилась. «Густав Шкрета выпил пива и скончался некрасиво!» – Здесь я поставил восклицательный знак и понял, что муза дала дуба. Правда, еще оставалась парочка афоризмов про секс, но только чтобы застрелиться. А в итоге я исписал десять листов бумаги и мне требовались новые впечатления.

– Эй! Надзирательницы! – принялся я барабанить по запертой двери. – Мне надо сходить в библиотеку!

Анита и Янка тут же примчались, как папуаски на звуки тамтама. Выдавили пробку, что я засунул в дверной глазок, осмотрели меня по очереди и справились о самочувствии.

– Сколько будет, если четыреста двадцать восемь умножить на триста сорок семь? – спросили они.

– Вы что там, с ума сошли? – нахмурился я.

– А ты? – уточнили они. – В добром здравии? Зачем тебе надо в библиотеку?

– Потому что у вас нет никаких книг! – пояснил я. – Кроме пани Хмелевской в ассортименте. А там не содержится никаких сведений о Густаве Шкрете!

– В библиотеке их тоже нет, – сообщили они. – Мы проверяли! А книги пани Хмелевской нам нравятся.

Каждый писатель должен иметь адекватных читателей. Но когда они превращаются в персонажи и ведут себя как две паразитки из какого-нибудь криминально-юмористического романа, это ненормально. Во всяком случае –стораживает.

– Вы сумасбродные идиотки! – определил я. – Откройте дверь. И не читайте больше пани Хмелевскую на ночь! Это пагубно сказывается на вашей психике!

– Ну и сиди тихо! – обиделись они. – Он еще нам диагнозы будет ставить!

Тогда я решил воззвать к эстетическим чувствам.

– Вас могут привлечь за извращение! – намекнул я.

– За какое? – удивились они.

– Когда писателя держат как тигра в клетке – это скотоложство! – уточнил я.

Однако Янка с Анитой посоветовались и пришли к выводу, что я не тигр, а скорее всего хомяк. И нет ничего предосудительного в содержании этих животных.

– Мне нужен «Сатирикон» Петрония! – разозлился я. – Чтобы освежить в памяти кое-какие моменты.

– Мы видели, как ты освежаешься, – съязвили они. – На пару с Петронием!

Тут мы затеяли нешуточный диспут о тлетворном влиянии античной литературы. Янка с Анитой утверждали, что здесь у меня все условия, как в медицинском вытрезвителе, а по пути в библиотеку я непременно зайду в бар к «Старому Эдгару», где, разумеется, напьюсь, и в таком неприглядном виде буду шляться по улицам, вместо того чтобы сидеть за компьютером и заниматься делом.

– Ля-ля-ля-ля-ля! – возражал я.

Словом, после долгих переговоров и моих заверений, что я не буду драться, когда они отопрут дверь, Янка с Анитой выпустили меня из комнаты.

– Как сейчас дам в ухо! – тут же сказал я. – Это чья квартира?

– Моя, – сообщила Анита.

– Стало быть, вам в первую очередь! – определился я и погрозил кулаком.

Но больше всего меня волновал вопрос – как подобные идиотки могли оборудовать видеонаблюдение?

– Мы не специально! – рассмеялась Анита. – Это устройство смастерил мне один приятель, чтобы я следила из комнаты за своими кастрюлями. А то вечно что-нибудь выкипает.

– Купи свисток для чайника, – сказала Янка. – И засунь его в носик.

– Делать мне больше нечего! – возразила Анита. – Себе засунь! А с камерой здорово получилось!

– Угу! – согласился я.

– Вдобавок, – сообщила Анита, – можно записывать на видеомэгнитофон, сколько раз я открывала холодильник.

– Блеск! – оценила Янка техническую новинку. – А я оставляю себе записочки: «Положи ветчину на место, жирная сволочь!»

– Уф, – сказал я для поддержания разговора.

– В том-то и дело, – вздохнула Анита.

После чего мы мирно позавтракали, и я отправился в библиотеку, заверив Янку с Анитой, что для меня дело чести – довести эту историю до своего логического финала.

– Помни про Густава Шкреты! – сказали они на прощанье. – Ты скрасил нам первые дни без этого негодяя. Так что не пропадай!

– Тьфу! – пообещал я...

В библиотеке мне выдали «Сатирикон» Петрония под честное слово, что я не стану покидать читальный зал с этой книгой, кроме как – в горизонтальном положении и вперед ногами. Подобные сравнения появлялись у меня всякий раз, как только я вспоминал о печальной судьбе Густава Шкреты. Теперь же мне предстояло найти аналогии и в тексте романа.

– А вам известно, что некоторые люди боятся закрытых помещений? – намекнул я молоденькой библиотекарьше.

– Известно, – сказала она. – Откройте «Толковый словарь психиатрических терминов» на букву «К».

– Для такого юного возраста вы очень образованны, – игриво заметил я.

Наверно, хотел наверстать время, бездарно потраченное в заточении.

– Ну, я во всяком случае знаю, что такое клаустрофобия, – сурово сказала библиотекарша. – У вас она есть?

– Развивается третий день, – подчеркнул я. – От замкнутых помещений без пива.

– К сожалению, ничем не могу вам помочь, – вздохнула библиотекарша. – Ни пивом, ни сексом. У нас совершенно другой профиль.

– А если порыться в абонементе? – уточнил я.

– Маловероятно, – покачала головой библиотекарша. – Там только старые гримзы, а вас это вряд ли устроит.

Я, кстати, тоже сомневался, что Густав Шкрета читал «Сатирикон» на языке Петрония, и подозревал, что за основу своих исследований он взял современный перевод с обширными комментариями. Сделал контрольный выстрел, а именно – улыбнулся библиотекарше как можно приятнее, но снова промахнулся. Она, живая и невредимая, достала «Толковый словарь психиатрических терминов» и принялась там что-то выискивать, время от времени поглядывая на меня как на учебное пособие. Тогда я выбрал себе тихое место в читальном зале, подальше от грамотной библиотекарши, уселся за стол и стал предаваться научным размышлениям. «Гай Петроний Арбитр или не Гай Петроний Арбитр?!» Листая «Сатирикон» со скоростью приличного банкомата, я бился над этой дилеммой и пытался понять, что думал садист, когда упражнялся в чистописании на голове у Густава Шкреты. Но многочисленные лакуны в тексте «Сатирикона» хранили свои загадки.

[]да[]

Утраченные фрагменты могли бы составить отдельный роман, а по нынешним меркам – собрание сочинений. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, и Гарри Поттер! – подумал я. – Ограбили нашего брата Петрония!»

Дошедший до наших дней текст «Сатирикона» я разделил на двенадцать частей и озаглавил следующим образом:

- I. Оборотень и ведьмы
- II. Приключения в лупанарии
- III. Краденый плащ
- IV. Пир Трималхиона

V. Закуски и разговоры

Вставка – «Анекдот об искусном стекольщике и Цезаре»

VI. Игра в похороны

Вставка – «Новелла об уступчивом мальчике»

Вставка – «Поэма о гибели Трои»

VII. Приключение в бане

VIII. Неудачная хитрость

Вставка – «Новелла о матроне Эфесской»

IX. Труп Трималхиона

X. Богатый старик

Вставка – «Поэма о гражданской войне»

XI. Хитрый план

XII. Разбогатевшие жулики

Конечно, мое оглавление несколько отличалось от канонического, но мне так больше понравилось. Исследуя «Сатирикон» далее, я осмелел и пришел к выводу, что в мировой литературе ничего бесследно не пропадает и не появляется. И если фрагменты отсутствуют у Петрония, значит, надо искать их в другом месте. Например, у Джованни Боккаччо в «Декамероне». Или у Поджо Браччолини в «Фацециях». Во времена Кватроченто писатели постоянно брали займы у античности и всегда отдавали с процентами. А теперь зачастую гоняют однородную массу из романа в роман, пренебрегая санитарно-гигиеническими соображениями.

«Самокритично!» – сказал бы Петроний. Но вряд ли он мог подумать, что я приду к более парадоксальным выводам. Ему и не снились такие фантазии! Поскольку автор «Сатирикона» оперировал текстами, а я – пробелами, что весьма стимулирует воображение и развивает ассоциативное мышление. Но меня осенило при виде очередной лакуны.

[]да[]

Я догадался, что стало с Густавом Шкретой, а заодно – с Йиржи Геллером.

– Гиссарлык! – радостно воскликнул я, как будто раскопал Трою.

– Немедленно сдайте книгу в отдел хранения! – отозвалась библиотекарьша.

Она захлопнула «Толковый словарь психиатрических терминов» и указала мне на дверь. Скорее всего тоже пришла к определенным выводам. Поэтому я решил здесь больше не задерживаться, сдал «Сатирикон» и отправился на местность, чтобы подкрепить свои догадки артефактами.

Не обращая внимания на питейные заведения, я устремился на Спальную улицу, к дому четырнадцать, куда мы свезли поддельного Йиржи Геллера по настоянию Вендулки. Туда же Янка с Анитой доставили тело Густава Шкреты в женском берете. И все недостающие фрагменты теперь надлежало искать по этому адресу.

Лакуна

– Друзья, – сказал Трималхион, ковыряя в зубах серебряной зубочисткой, – не было моего желания выходить в триклиний, однако, чтобы не задерживать вас дольше, я пренебрег всеми удовольствиями. Но позвольте мне окончить игру...

Петроний Арбитр. Сатирикон

[]

В одном купе ехало три пассажира и три пассажирки: Янка в ажурных чулках, Анита в брючном костюме, Вендулка с иллюстрированным журналом, Питер Устинов подле окна, Густав Шкрета, якобы сводный брат Йиржи Геллера из Тюрингии, а также странный господин, что согласился стать Йиржи Геллером...

– Итак, – подытожил я. – Что от меня требуется для поддержания образа Йиржи Геллера в хорошей физической форме?

– Пить, курить и любить не меньше пяти литров, – прописал Густав Шкрета.

– Вы что же, меня запугиваете?! – возмутился я. – В таких объемах никто не любит!

– Я понимаю, – усмехнулся Густав Шкрета, – что поначалу вам будет трудно, но со временем втянетесь.

– А нельзя этот образ поделить на составляющие? – намекнул я. – Ну например, пить станет писатель, курить – Вендулка, а я возьму на себя все остальное. В разумных пределах, разумеется.

– Нельзя! – сообщил Густав Шкрета. – Образ цельнотянутый и расчленению не подлежит! Вдобавок Питер Устинов и так надирается как сивая кобыла, а в образе Йиржи Геллера можно его потерять.

– Я здесь, возле окна, – откликнулся Питер Устинов. – Вы сами кобыла!

И покуда они рассуждали о коневодстве, я быстренько подсчитал – сколько денег уйдет на таблетки для поддержания образа в течение тридцати календарных дней. А дальше – не стоило и загадывать.

– Однако! – заметил я. – У вас, должно быть, не много претендентов.

– Да, – заявил Густав Шкрета. – Йиржи Геллер – это литературный феномен! Но давайте вернемся к его отношениям с женщинами... Вы помните, что мы рассказывали?

– Всякие гадости, – подтвердил я. – Что он обрюхатил одну ясновидящую, отчего она стала плохослышащей.

– Немного неточно, – сказал Густав Шкрета, – но тоже сгодится. Тут главное – войти в образ, а кого обрюхатить – дело второстепенное.

– Ну, не скажите! – возмутилась Анита. – Я, например, в брючном костюме, и со мной этот номер легко не пройдет!

– Я выражался фигурально, – сказал Густав Шкрета. – А вы, мадам, как вижу – намылились целенаправленно.

– Мадемуазель, – внесла поправку Анита и пояснила: – Последние полгода. Но сейчас не об этом речь. А по легенде, я первая, третья и пятая жена Йиржи Геллера. Отсюда вопрос – наш кандидат на образ еще в потенции?

– Что вы все на меня уставились?! – снова возмутился я. – Откуда я знаю, пока не попробую?!

Потому что надо трезво оценивать свои силы. Иногда потратишь потенцию на дам, и Литература уже не возбуждает, разве что какая-нибудь – бразильская. А так сидишь и пялишься на подстрочник, безо всякой интересной половозрелой мысли.

– Я готова выйти замуж за Йиржи Геллера! – влезла в разговор Янка. – Хоть прямо сейчас, – добавила она и деловито поправила чулки.

– Во что играем? – осведомилась Анита. – На скачках или в лотерею?

– В Йиржи Геллера! – пояснила Янка.

А если женщина поправляет чулки в вашем присутствии – жди от нее неприятностей. Потому что может легко проделать это где-нибудь в дамской комнате. И если ей кажется, что чулки не на месте, то вскоре вы подвергнетесь сексуальной агрессии.

– Погодите! – воскликнула Вендулка.

– Хорошо, – согласилась Янка, – но не более трех минут. Не люблю прерываться на долгое время.

– Никто не любит, – поддержала ее Вендулка. – Но кем вы будете мне приходиться, если выйдете замуж за образ Йиржи Геллера?

– В Прибалтике есть обычай, – сообщил Густав Шкрета. – Когда девушка по фамилии Рамбутеня выходит замуж, она становится Рамбутятей. А вам, Вендулка, надо взять имя Ведьмулка, чтобы летать себе с Янкой на одном помеле по-родственному, по-семейному!

– Странно, что никто не спрашивает моего согласия, – заметил я и попытался перевести разговор на другую тему: – А где обещанная квартира?

– Какой же вы меркантильный, – возмутилась Вендулка. – Мы еще не приехали в Прагу! Но, как вы слышали, у вас три минуты, чтобы выбрать себе жену. После чего надо подумать о завещании.

«Ну, это несложно», – подумал я.

Потому что имел кое-какой опыт. А после пяти с половиной браков можно ложиться в гроб с чистой совестью и без опасения, что медный грошик случайно закатится за подкладку. У любящей женщины глаза получше металлоискателя.

– Покуда мне завещать нечего, – признался я. – Однако надеюсь в скором времени что-нибудь заработать.

– Тогда, как мне кажется, с законным браком можно тоже повременить, – сказала Янка. – Если никто не претендует...

– Да разве мы мародерки? – усмехнулась Анита. – Или браконьерки? Конечно повременим, до следующего охотничьего сезона!

Но я решил, что возьму себе псевдоним и укроюсь в каком-нибудь заповеднике для непуганых идиотов. Нагуляю вес.

– А чем вы думаете зарабатывать? – осторожно спросила Вендулка.

– Ну, как же?! – удивился я. – Образом Йиржи Геллера.

– Тогда мы точно не выйдем замуж в ближайшие тридцать лет! – огорчилась Анита. – А ничего более содержательного вам не приходит в голову?

Приходило от случая к случаю. Но каждый раз я приезжал в депо или на станцию «Сортировочная». Ведь если мне предначертано следовать в указанном направлении – лучше не пересаживаться. Я видел неоднократно, как люди с дорожными чемоданами мечутся по перронам в полной растерянности и кричат: «Проводник! Проводник!

Это какой вагон?!» Заблудшие души! Когда в билете все пропечатано – и время отправления, и станция назначения. Конечно, можно проявить волю и от души покочевряжиться, мол, странная вы кассирша и дерьмовый у вас билет. Какой из меня Йиржи Геллер? И не хочу я в Прагу! Дайте тридцать шестое место в другом экспрессе! Но кассирша обязательно хмыкнет и скажет, что все забронировано! А поезд от станции Брно подан на четвертый перрон... Вот какие субретки эти кассирши, и ничего тут не поделаешь!

– Давайте-ка лучше перейдем к делу! – насупился я. – Вы что-то вякали про приличный оклад, который положен всякому Йиржи Геллеру.

– Вякали, – подтвердил Густав Шкрета. – А теперь не вякаем! Потому что все средства потратили на рекламу!

– Да когда же вы успели? – изумился я. – Паразиты!

– А вы знаете, во что выливается образ Йиржи Геллера для потенциального рекламодателя?! – взвизгнул Густав Шкрета. – Он выливается в определенную сумму денег! Надо собрать пресс-конференцию, встретиться с журналистами, выпить с ними на брудершафт...

Как только Питер Устинов услышал про пресс-конференцию, он стукнул по столу бутылкой и затянул свою народную песню:

Фрой-ляйн и фра-у! Шпроты и паштеты!..

– Я с журналистами встречаться не буду, – сообщил я. – Сами пейте! Отдайте, что мне положено, – сухим пайком!

– А как же идея?! – снова взвизгнул Густав Шкрета. – Она не терпит к себе меркантильного отношения!

– Почему? – насторожился я.

– Потому что она святая! Святая! – повторил Густав Шкрета.

– И какая же это идея? – уточнил я.

– Просветительская! – торжественно заявил Густав Шкрета. – Вам как писателю в образе Йиржи Геллера достанется всенародная любовь! А нам, несчастным, чем утешиться?! Только денежные знаки в хорошо конвертируемой валюте могут скрасить наше жалкое существование!

– Вы что, иудей? – прямо спросил я.

– Нет! Автолюбитель! – подчеркнул Густав Шкрета. – Да если бы с каждой книги я как издатель получал сто процентов! Я мог бы купить себе кадиллак, а не катался бы с вами на поезде!

– Чух-чух-чух-чух-чух! – сообщила Вендулка. – Приехали!

– А что это за станция? – спросил Питер Устинов.

– Прага, – без тени улыбки пояснила Вендулка.

Поезд уперся в Центральный вокзал, и пассажиры закопошились в купе. Они собирались к новым перспективам, а все дорожные разговоры и случайные обещания оставляли здесь.

– Мне больше терять нечего! – торжественно заявил я. – И либо мы отправляемся сей же час на квартиру, либо – прощайте и поминайте, как меня звали!

– Какой же вы сволочной Йиржи Геллер, – вздохнул Густав Шкрета. – Считайте, квартира ваша! Вместе с племянницей!

– Спасибо, – язвительно поблагодарил я. – Только жены мне не надо – с первой по пятую!

– Они поедут со мной на другом такси, – согласно кивнул Густав Шкрета. – А вам придется взять Устинова и Вендулку.

– Без них нельзя? – уточнил я.

– Не рекомендуется, – сказал Густав Шкрета. – Потому что Вендулка знает дорогу, а Питер Устинов будет буяннить в багажнике. Я проверял.

Все укоризненно поцокали на Питера Устинова, но этот гусь не промокал ни при каких атмосферных осадках.

– В багажнике я не вижу, куда меня везут, – спокойно пояснил он. – И не могу вернуться к кинотеатру «Весна».

– Экая незадача! – посочувствовал я, и все поспешили покинуть купе ко взаимному удовольствию.

Поймали возле вокзала две машины и поехали друг за другом на улицу Спальна, к дому четырнадцать. Минут через десять таким паровозиком добрались до места, и мы с Вендулкой стали прощаться с остальной компанией. Но Питер Устинов принялся все равно буяннить, невзирая на обстоятельство, что ехал с комфортом. Он зачем-то хотел посмотреть, в какой «халупе», по его выражению, будет жить новоявленный Йиржи Геллер.

– Может, я стану известным писателем, – не унимался Питер Устинов. – И хочу оценить, что меня ожидает!

Сюжет

Где-то в романе

Кто бы ни взялся за этот сюжет без достаточных литературных познаний, будет подавлен трудностями. Ведь дело совсем не в том, чтобы в стихах изложить факты, – это историки делают куда лучше; нет, свободный дух должен устремляться в потоке сказочных вымыслов по таинственным переходам...

Петроний Арбитр. Сатирикон

Всякому человеку положен комплект из двенадцати аварийных мыслей. В случае крайней необходимости можно разбить стекло и подумать. Ну, например – почему помидор красный? Или – где границы безумного и разумного? У каждого свой комплект и бонус в виде маразма, когда все аварийные мысли закончатся и – здравствуй, дерево! Однако многие люди прекрасно обходятся двумя-тремя идеями и не жалуется на физическое истощение. Потому что нажраться и с кем-нибудь переспать – это не мысли, а способности организма.

Я знал одного придурка, которого беспокоил только «Черный квадрат» Малевича, во всяком случае – он использовал эту геометрическую фигуру по каждому интеллектуальному поводу и считал себя гением, когда речь заходила о живописи. «А что такое „Черный квадрат“ Малевича? – любил повторять он. – Да я нарисую за двадцать минут картину ничуть не хуже!» Здравая мысль, что за короткое время есть возможность подзаработать, не давала ему покоя. Вдобавок он ощущал свое превосходство над несчастным Малевичем, потому что мог рисовать квадраты произвольных размеров и безо всякого «супрематизма». С годами он развил эту мысль до апофеоза! И предложил натянуть презерватив на глобус, дабы продемонстрировать, что в искусстве нет ничего сложного. А каждый образованный гражданин способен создать художественное произведение любой интересной формы. Однако идея «презерватизма» не налезла дальше

Северного Ледовитого океана и не нашла широкого применения. Потому что параметры среднего человека все-таки далеки от совершенства и не рассчитаны на покорение глобуса...

Я подвожу к тому, что, как только писатель израсходует весь аварийный комплект, – ему надо заканчивать свой роман. Упаковывать рукопись в коробку из-под обуви и нести эту хрень в издательство. После чего мыться, бриться и готовиться к пресс-конференции. Не надо тянуть резину, рассчитывая удивить читателя до экватора. Как однажды меня ошарашила компания возле вокзала, что сидела на лавочке и черпала из ведра воду. При этом – обреченно вздыхала. Я подошел поближе и заглянул в эмалированное ведро, но, кроме прозрачной жидкости, ничего там не увидел. «Чем занимаетесь?» – любопытствовал я, думая, что наткнулся на тайную секту водохлебов. «Пьем!» – ответил один мужчина. «Вы что же, лошади? – не унимался я. – Зачем вы хлебаете из ведра воду?» – «Потому что – жарко!» – пояснил другой мужчина. «Но есть же и более цивилизованные методы, – продолжал возмущаться я. – Например, зайти в ресторан!» – «Туда с ведром не пускают, – заметил третий мужчина. – А нам осталось выпить еще десять литров!» Я только развел руками. «Вы понимаете, какая глупая с нами приключилась история, – принялся объяснять первый мужчина. – Мы взяли бутылку водки и положили в ведро с холодной водой, потому что теплая водка нам неприятна!» – «Взаимно!» – согласился я. «А бутылка треснула, и вся водка растворилась в воде!» – снова вздохнул мужчина. «То есть у вас получился молочный коктейль?» – уточнил я. «Ага, – подтвердил мужчина. – Целых двенадцать литров для детского утренника!» – «Теперь уже меньше, – заметил другой мужчина. – Но мы свое непременно возьмем!» – «Не сомневаюсь!» – подытожил я, а сам подумал, что вот она, рецептура любого романа – одна здравая мысль на ведро слов...

Но как после библиотеки мне стукнуло в голову заглянуть на улицу Спальна – уму непостижимо!

«Фольксваген» Аниты был припаркован у дома четырнадцать – его я сразу узнал по характерным вмятинам на правом крыле. Помня, что интеллектуальные клетки не восстанавливаются, я решил экономить силы и, недолго думая, поднялся на третий этаж с видом законченного идиота. После чего увидел знакомую дверь и стал

подавать сигналы азбукой Морзе: три длинных звонка, три коротких, три длинных звонка, три коротких...

– Здравствуйте, прохиндеи! – воскликнул я, как только дверь отворилась.

А дальше, не мешкая ни секунды, я ворвался в квартиру, где застал всю компанию в сборе: Вендулку, неизвестного автора, Густава Шкрету и новоявленного Йиржи Геллера.

Они были живы-здоровы и весело улыбались.

– Ну, наконец-то! – сказал Йиржи Геллер. – Нашего полку прибыло!

– Можно накрывать на стол! – подтвердила Вендулка и быстренько отправилась на кухню от греха подальше.

Потому что я находился в экзальтированном состоянии и мог не совладать с эмоциями. Меня особенно раздражал неизвестный автор, который развалился на канapé в небрежной позе.

– Как вы здесь оказались? – разорался я.

– Приехал в Прагу на «фольксвагене», – спокойно пояснил он. – А разве нельзя?

– Можно, – разрешил я. – Но только не покойнику!

– А что плохого в небольшой мистификации? – встал на защиту неизвестного автора новоявленный Йиржи Геллер. – Ну брякнулся человек в обморок, ну прикинулся мертвым...

– А вы откуда об этом знаете? – поинтересовался я. – Вас же наняли в поезде, чтобы изображать Йиржи Геллера! А вы, получается, в курсе всех предыдущих событий?!

Йиржи Геллер, как говорится, покрутил носом и согласился:

– В курсе.

– Так это вы пригласили нас на обед?! – воспрянул я.

– Угу, – подтвердил Йиржи Геллер.

– А домик чей?

– Под городом Брно? – уточнил Йиржи Геллер. – Домик мой! И квартира эта – тоже моя! А в поезде я валял дурака, не без помощи Густава Шкреты...

– И Вендулки, – присовокупил я. – Ведь только они знали в лицо настоящего Йиржи Геллера.

– Гы-гы-гы, – встрял в разговор Густав Шкрета.

– А вот и Гай Петроний Арбитр! – непонятно кому радостно сообщил я. – Прохиндей из прохиндеев! Вам удалось отмыться?!

– С трудом, – ухмыльнулся Густав Шкрета.

– Мне только одно непонятно, – заметил я. – Кто именно вас надписал?

– Я, – признался Йиржи Геллер. – Он сильно смахивал на Петрония в ванне с кетчупом.

Тут Йиржи Геллер и Густав Шкрета, глупо хихикая, стали рассказывать, как они зашли на квартиру к Янке с тремя бутылками коньяка с целью поведать о мистификации и совершенно случайно нарезались до посинения в ожидании хозяйки. После чего Густав Шкрета забрался в ванну, чтобы слегка освежиться, и там заснул. А Йиржи Геллер решил устроить ему сюрприз, надписал химическим карандашом и отбыл восвояси...

– Но как оказался кетчуп в ванне? – удивился я.

– А черт его знает! – развел руками Густав Шкрета. – Вначале я ковырял его бритвой, потому что иначе бутылка не открывалась.

– Наверное, кетчуп болгарский, – предположил Йиржи Геллер.

– Наверное, перепутал с шампунем, – возразил Густав Шкрета. – Намылился и отключился.

– Очнулся он только здесь, – подтвердил Йиржи Геллер. – На Спальна улица, дом четырнадцать. Как только Янка с Анитой сгрузили его в прихожей, фыркнули и умчались обратно... Очень энергичные дамочки!

Тут в комнату вернулась Вендулка и заявила, что радушной хозяйки из нее снова не получилось. И если нам хочется выпить и закусить, то бутылки – в баре, а еда – в холодильнике. Однако никто не сдвинулся с места. Потому что я размышлял над сюжетом, а в подобном случае писателю лучше не мешать...

[]

– Вроде бы все логично, – наконец подытожил я.

– Вроде бы так, – подтвердил Йиржи Геллер.

Вендулка, Густав Шкрета и неизвестный автор тоже со мной согласились.

– Ну, а теперь, – прикрикнул я, – немедленно забирайтесь обратно в свою обувную коробку! И сидите там до конца романа!

И они послушались. Что толку спорить с ненормальным?!

[]

– Мы делегируем вам свои полномочия! – напоследок сказал Йиржи Геллер. – У меня можете взять имя-фамилию, у неизвестного автора – чешскую родословную, у Густава Шкреты – получить родственников...

И задвинул за собой крышку.

Финал

Прага. Железнодорожный вокзал

Так завтракай дважды и дважды обедай!

Петроний Арбитр. Сатирикон

Летом две тысячи первого года мне захотелось уехать из Праги к чертовой матери. По какой-то причине я решил, что она проживает под городом Брно и поспешил к ней в гости. Я планировал арендовать какое-нибудь бунгало с электропроводкой, подключить свой ноутбук и творчески провести время, насилуя портативный компьютер сценами из деревенской жизни и надеясь, что меня не привлекут за растление вычислительной техники.

Двадцатого июля я наконец-то собрался с вещами и прибыл на Центральный вокзал, чтобы выехать в указанном направлении. Потарасился ради приличия на ближайшую пивницу – не тут ли живет моя мать? – повздыхал и направился к железнодорожной кассе. Где расхлябанная кассирша со спущенной бретелькой попыталась всучить мне билет «туда-и-обратно».

– Если вы будете ждать меня на перроне, – согласился я.

– Ха! – возразила кассирша.

Она вернула свою бретельку на плечико и выдала мне билет только «туда». Да я бы и сам при данных условиях не вернулся. Чтобы такого талантливого автора, как я, и заграбастал какой-то шлагбаум с бретельками. Может, в грядущем году я напишу железнодорожное расписание в трех частях. И все кассирши будут моими...

С этими мыслями я разыскал поезд «Прага—Брно» и стал вдоль него прохаживаться, время от времени недоумевая, по какой причине ничего многозначительнее кассирш не идет мне в голову. Нет чтобы задуматься о какой-нибудь бренности. Или о нетленности. А я все о кассиршах, о кассиршах, о кассиршах...

Но тут в вагон-ресторан стали грузить пиво, и я поневоле переключился на прохладительные напитки. Скорее всего только это может отвлечь приличного человека от мыслей о кассиршах. Вдобавок

меня порадовал машинист, что высунулся из окошка локомотива и там застрял, провожая глазами каждый пивной ящик. Я посмотрел, как он мается, и решил, что на этот раз у меня преимущество! Отдал честь машинисту и полез в свой вагон, чтоб забронировать место поближе к ресторану. Ведь как-то неловко завалиться туда и хлебать себе пиво еще до отправления поезда.

Выбрать купе, дабы не обмишуриться, дело нелегкое. Иной раз кассирши хлопают глазами и продают билеты без места, однако с характеристикой, что этот вид пассажира – второго класса. Как они ловко определяют с первого взгляда, что человек собой представляет – доподлинно неизвестно. Но, имея билет с подмоченной аттестацией, надо искать и компанию себе по плечу, а не лезть в первый класс с претензиями на оригинальность. Поэтому я не спеша стал двигаться по вагону, заглядывать в каждое купе и вдумчиво всех осматривать.

Дети дошкольного возраста непривлекательны в смысле попутчиков – они больше кричат и писаются, чем едут. Дамочки вечно о чем-то спрашивают: «В котором часу мы остановимся в Оломоуце?» – как будто работают на аккумуляторах и подзаряжаются на промежуточных станциях. Семейные пары делят весь мир на «мои чемоданы» и «твои чемоданы». А тщедушная с виду старушка таскается с трейлером на колесиках. Припаркует его на проходе и благостно храпит, словно дальнбойщик.

Отсюда сам собой напрашивался вывод: всякому мизантропу лучше сидеть дома. И, чтобы не ехать в тамбуре, я выбрал купе, где находилась длинноногая особа. «Конечно, не кассирша, – подумал я, – но тоже занимательно!» Она положила ноги на противоположное кресло, что, честно сказать, украшало это купе. Еще там сидел мужчина возле окна и читал газету, но скорее всего невнимательно.

– Вас мои ноги не беспокоят? – тут же спросила особа.

– В каком, интересно, смысле? – уточнил я.

– В общечеловеческом, – пояснила она. – А то я могу их закинуть на стол или куда повыше.

– Не надо, – сказал я. – И так все хорошо видно.

– Тогда не стесняйтесь, – разрешила особа. – Устраивайтесь поудобнее.

Что я и сделал. Сел в кресло рядом с длинноногой особой и выбрал удачный угол для обозрения.

– Вы в них не путаетесь? – спросил я по поводу ног для поддержания разговора.

– Нисколько, – отвечала особа. – Та, что ближе к дверям, – это левая, а с другой стороны – правая.

– Очень конструктивно, – согласился я.

– Если вам интересно, – заметила особа, – мы можем продолжить обзорную экскурсию. У меня еще есть руки...

Но тут поезд тронулся, а мужчина свернул газету.

– Йиржи Геллер, – представился он. – А это моя сумасшедшая племянница по имени...

– Вендулка, – кивнула она и уточнила: – Делать книксен не обязательно?

«Начинается», – подумал я, потому что однажды уже путешествовал в обществе дядюшки и племянницы.^[29] И ничего хорошего из данного мероприятия не получилось, кроме авторского гонорара за нанесенные читателям травмы. Мне снятся иногда эти несчастные. Они бегут вслед за поездом, размахивая моими книжками, и кричат: «Убийца!»

Конечно, хорошо, когда читатели прозревают, прикоснувшись к чему-нибудь позитивному. Когда парализованные отбрасывают костыли, после знакомства с автором. Но когда они гонятся за моим поездом – я из принципа закрываю окно, чтоб ничего не слышать.

– Вы предумышленно путешествуете или слоняетесь просто так? – спросил у меня Йиржи Геллер.

– Я еду к чертовой матери, – честно ответил я.

Естественно, что некоторые диалоги не соответствуют так называемой «правде жизни». Но автор намеренно объединяет подспудную мысль со словами, чтобы его персонажи не чувствовали себя идиотами. Которые спрашивают: «Вы едете до города Брно?» И отвечают: «Нет, я выхожу в Пардубице». А всю остальную дорогу молчат, уткнувшись в газеты. В то время как автору нужен сюжет, чтоб заработать на хлеб с маслом...

– И где ваша чертова мать проживает? – спросила Вендулка.

– Мне кажется, что под городом Брно, – отозвался я.

– Так мы соседи! – обрадовалась Вендулка. – Можно легко составить компанию и отдохнуть в собственное удовольствие!

– Если я арендую подходящее помещение, – пояснил я.

– Грандиозно! – воскликнула Вендулка. – А сколько метров площади вам надо для безобразий?

– У вас имеется что-нибудь на примете? – чинно осведомился я.

– А то как же! – ввернул Йиржи Геллер. – Целая усадьба – хоть из пушки стреляй! Словом, есть где разгуляться!

– Для моих безобразий места много не надо, – признался я. – Порою хватает письменного стола, чтоб от души поизмываться над читателем.

– О! – заявила Вендулка. – Как это эротично! А вы глумитесь в каждом отдельном случае или массово? Расскажите, пожалуйста, поподробнее.

– Пожалуйста, – согласился я. – Мне все равно как глумиться. Главное, чтобы поизощреннее. Автор – это литературная мясорубка, которая пускает на фарш целые куски жизни. И получают на обед котлеты по-пражски. Или чешско-моравские фрикадельки.

– Ну, если речь зашла про обед, – сказал Йиржи Геллер, – не грех и выпить! Как вам кажется?

Мы ежедневно несем вздор и не считаем это предосудительным. Каждый день поднимаем заздравную чашу идиотизма, думая, что наставляем друг друга на путь истинный. И никогда с похмелья я не чувствовал себя хуже, как после высказанной накануне глупости.

– Мне кажется, – пояснил я, – лучше всегда принять рюмочку, чтобы не выглядеть дураком в трезвом виде.

– И то верно, – поддакнул мне Йиржи Геллер.

Он достал из баула бутылку хорошего коньяка и дорожные стопочки, а Вендулка присовокупила краковские колбаски.

– Так, значит, вы автор? – уточнил Йиржи Геллер, как только мы выпили. – И нынче ищете место для вдохновения и симпозиума? Позвольте вам предложить мансарду в приусадебном стиле...

– Вдобавок, – заметила Вендулка, – вы можете наплодить там гостей по собственному усмотрению. А я стану разгуливать по саду и буквально напрашиваться на авторские ремарки.

Предложение было, конечно, заманчивым, но...

– Боюсь, что не оправдаю ваших надежд как автор, – произнес я и повздыхал с интонациями. – У меня еще нет сюжета.

Тут Йиржи Геллер с Вендулкой ехидно переглянулись.

– Позвольте, – сказал Йиржи Геллер. – Я вам сейчас нарисую один сюжет...

Эпилог

К примеру, из «Рестаурации обеда» у меня получилась «хатка»...

И. Грошек. Рестаурация обеда. 2002 г.

Иржи Грошек – известный чешский писатель и кинематографист. Свою работу в кино он начал в 1982 году с должности осветителя на киностудии «Баррандов», но уже в 1988 году получил приз жюри критиков на фестивале в Сан-Себастьяне за короткометражный фильм «Жизнь двенадцати брандмейстеров».

В последующие годы Грошек сочетает учебу в Литературном институте с успешным ведением рекламного бизнеса. Широкую литературную известность Иржи Грошек приобрел в 2001 году после выхода романа «Легкий завтрак в тени некрополя» – первого из опубликованной позже трилогии. Его книги выдержали 12 переизданий, однако на приличную квартиру ему все равно не хватило.

Перевод: Анна-Вендулка Владимирова

Приложение

«Реставрация обеда» 2002 г. сохранилась до наших дней в виде разрозненных фрагментов. Здесь мы приводим наиболее крупные отрывки из этого произведения.

(Рестаuration обеда)

«...Штается на своих двоих?» – спрашивает сфинкс.

Внезапно хиромант замолчал. Мне показалось, что боги призвали его на должность гужевого транспорта – мула или осла. Но хиромант, сохраняя обличие, по-прежнему стоял предо мной и пялился на мои руки. Я тут же поставил научный эксперимент – развел свои руки в стороны, и хиромант моментально окосел.

– В чем дело? – поинтересовался я.

– У тебя отсутствует линия судьбы на ладони, – замогильным голосом произнес хиромант и добавил: – Совсем, абсолютно, навсегда...

Краткая этнографическая справка: в Греции проживают сплошные греки. Во всяком случае, их там поразительно много. Чешские туристы кучкуются местами, как пигментные пятна на шкуре леопарда. Ухмыляясь, захожу в магазин по поводу греческих сувениров. «Чех?» – интересуется у меня продавец. «Грек?» – в ответ интересуюсь я... Продавец хохочет, и глиняные тарелки подпрыгивают на полках. «За удачную покупку!» – Грек достает из-под прилавка аккуратную бутылочку и наполняет из нее два «наперстка» – «кап-кап!». Это местная виноградная водка и называется она «раки». «Бабушка делала!» – помирает со смеху продавец, видя, как я тяжело дышу после «бабушкиной раки». Градусов восемьдесят – не меньше. И температура воздуха «за бортом» – градусов сорок. Итого – сто двадцать!.. На хохот и кряканье из подсобки выходит грекова бабушка – сухоньякая старушка, вся в черном. «Охи-охи!» – отнекиваюсь я, когда бабушка предлагает мне повторить по наперсточку. «Чех?!» – настаивает грек, и приходится мне «повторить» для поддержания национального авторитета.

Географическая справка: Греция страна гористая. Джип и осел – лучшие средства передвижения. Достать второго осла, то есть подобрать себе пару, мне так и не удалось. Зато джипы есть в любой конторе по прокату автомобилей – «Rent a car». Ваше водительское

удостоверение на острове Крит никому не интересно. Можете его показывать самому себе на каждом перекрестке. «У вас дома есть машина?» – осторожно интересуются греки, проверяя ваши навыки дорожного вождения. «А пить за рулем можно?» – интересуются в основном чешские туристы. «Можно, но не очень», – как-то ненормированно отвечают греки. За две недели на Крите я видел только двух греческих полицейских – один выходил из харчевни, другой скучал на оживленном перекрестке в Ираклионе. Вдобавок я видел два дорожных знака – «One way» (одна дорога) и «Stop» (то есть нет дороги). Греческая манера вождения не поддается описанию даже в самых сильных чешских выражениях. Подлетая к перекрестку на лютой скорости, кучерявый водитель отчаянно сигналиит! Если никого нет – мчится дальше, если видит родственника – бросает машину и идет с ним пить «раки».

Поздним вечером по греческим дорогам разгуливают туристы. Немцы, итальянцы, русские и редкие англичане. Самая живенькая нация на побережье – это итальянцы. Днем они лежат возле бассейна и активно разглядывают всех женщин. А вечером итальянцы оккупируют какую-нибудь таверну (с макаронами) и галдят там до утра. И слава богу! Потому что, если у вас за стенкой завелись итальянцы – это хуже гиены или дятла. Просыпаешься вместе с ними и засыпаешь по «римскому расписанию». Чехи радуются жизни с купеческим остроумием. В день заезда «надираются» до посинения, а потом две недели кряхтят и стонут на пляже. Обстоятельные немцы придиричиво изучают в ресторане «меню с кальмарами», чтобы в результате заказать себе пиво и гамбургские сосиски. Кстати, пиво марки «Хольстен» в Греции намного дешевле, чем в Праге, а местная «Метакса», начиная от пяти звездочек, необычайно хороша. А в общем, вечерний променад по греческим дорогам – довольно любопытное мероприятие. Бесчисленные таверны и ресторанчики, дансинги и холлы, пивные барчики и прочие гаштэтики, теснятся, привлекают и подмигивают огоньками. Возле каждого заведения стоит хозяин и раскланивается с проходящими туристами. «Welcome! Welcome! Welcome!» Или аппетитная девица заманчиво приплясывает возле дискотеки, или сочный немец зазывает своих соотечественников на порцию сосисок...

Краткая историческая справка: ехал грека через реку, видит грека – в реке рак... То есть решили как-то греки в Афинах построить метрополитен. Копнули в шести местах и заморозили строительство на полгода. Теперь там роются археологи, дрожащими от оживления руками. А греки на этот процесс взирают философски – веком раньше, веком позже, с исторической точки зрения – Афинам метро не к спеху. Зато некоторые путешественницы из развитых стран при виде античных развалин спрашивают: «Неужели нельзя отреставрировать афинский Акрополь? Или построить заново?!» И каждый путешественник стремится отковырнуть камешек от храма Зевса и утащить к себе на родину в виде сувенира. Поэтому предусмотрительные греки регулярно рассыпают обыкновенный гравий в местах наибольшего скопления туристов. Ежели свернуть с туристической тропы – Мусейон, Парфенон, Одеон, – можно обнаружить и другие древние развалины. То какая-нибудь мраморная плита «лезет» из-под земли, как свекла в Пражском воеводстве, то античная колонна валяется, как забытая труба теплоцентрали. «Да как же тут все отреставрируешь?» – вздыхают сердобольные путешественницы...

Грецию населяют одиннадцать миллионов человек, и столько же топчется туристов. То есть на каждого коренного грека приходится по одному туристу в год. То есть не страна, а какой-то проходной двор. «Трудно жить в музее под открытым небом?» – спрашиваю я у Костаса. Он расставляет по пляжу шезлонги, раскрывает «амбrelы» и удит для прибрежных котлов рыбу. «Чех?» – интересуется обо мне Костас и прикидывает на глаз расстояние до ближайшего питейного заведения. «Охи-охи!» – быстро отказываюсь я от своей далекой родины с ее богатыми национальными традициями. Прибрежных котлов тоже с души воротит от Костасовой рыбы. Кстати, греческие лопухие коты совершенно не понимают слова «кыс-кыс» и смотрят на тебя как на идиота. К ним надо обращаться – «кыри-кыри»!

Когда коренным грекам надоедают сумасшедшие туристы, они бегут от них на острова. Морские паромы утюжат Эгейское море, перетаскивая греков туда-сюда вместе с пожитками. Картографы насчитывают девять с половиной тысяч больших и маленьких островов Греческого архипелага. Есть где спрятаться от надоедливых вопросов – «как пройти к пляжу». На морском пароме хорошо

плавается в компании с девушкой. И вообще, под южным небом девушки легче верят в разные мужские небылицы, вроде «вечной-Любви-на-острове-с-пальмами». Эти слова рекомендуется заготовить заранее и произнести на морском пароме без пятнадцати девять по местному времени. Когда солнце прячется за горизонт, а на небе начинают зажигаться звезды. Даже самая отъявленная авантюристка из женской хартии верит без пятнадцати девять, что ровно через полчаса ты сделаешь ее счастливой. Поэтому главное на морском пароме – найти авантюристку и проследить, чтобы она не увязалась за тобой поутру.

Прибывающим на отдых чешским туристам греки сразу же предлагают шубы. Конечно же, мы иногда мерзнем, но не настолько, чтобы в сорокаградусную жару постоянно думать о шубе. «У меня к вам будет специальное предложение!» – намекнул директор магазина в конфиденциальной беседе. Я обреченно разглядывал пустой бокал на его столе. «Двадцать процентов скидки!» – провозгласил директор и ужаснулся своей безрассудной добротой. «Вообще-то мы приехали сюда отдохнуть...» – промямлил я, потев под дамской шубой, в которую закутали меня предусмотрительные греки. «Отдохнуть?» – насторожился директор, быстренько «набухал» в бокал «Метаксы» и быстренько пододвинул бокал ко мне. «Хорошо, – согласился я, – куплю шубу, но пить не буду». И мы любовно расстались, очень довольные друг другом...

Некое обстоятельство меня утешало – что Бог помогает дуракам и пьяницам. А все остальные вынуждены барахтаться самостоятельно. И если я никак не могу до Него дозвониться – значит, надежда у меня есть. «С вами разговаривает автоответчик. Оставьте сообщение после длинного гудка!» Я этого «длинного гудка» боялся, как божья тварь. Мне чудились трубы заводов, слышался длинный гудок и виделись бархатные подушечки, которые несли огорченные сограждане. Непосредственно перед моим катафалком. Может быть, я много о себе воображал, но вешал трубку, не дождавшись гудка, и сообщений поэтому никогда не оставлял. Так, постою перед всеми иконами и ни о чем не прошу. Потому что нечего нести на моих подушечках. Да и подушечек у меня нет. Кое-какие жизненные наброски и один неоконченный роман...

Пани Вендулку дважды выбрасывали из окна как ведьму. В 1482 году и в 1998 году. О чем имелись официальные свидетельства...

И остается только надеяться, что лукавый еще не переписал историю заново...

Вендулка. Интересно, а как бы она выглядела?.. С точки зрения Антихриста.

Исидор Каморник. Полагаю, что шиворот-навыворот... То есть наоборот.

Вендулка. Нет, я думаю, что он бы просто нарушил хронологию событий. Дабы посеять сомнения в подлинности самой истории...

Исидор Каморник. Выбросить ведьму на улицу, прямо сквозь форточку! Там под окном навалена большая куча навоза, так что ничего существенного с нею не произойдет...

Факт седьмой. Между Образом и Подобием, между Подобием и Писателем располагаются некие тексты из «личного имущества» Автора. Следовательно, Автор сознательно разделяет судьбу своих героев...

– Можешь проваливать, – смилостивился тогда Йиржи Геллер и отсчитал Вендулке шестьдесят баксов. – Это за двойную реконструкцию, – уточнил он.

Он сощурился на левый глаз, чтобы избавить себя от раздвоения личности.

– Никогда не знаешь – сколько в тебя влезет и что из этого получится, – пояснил он. – Влезет в смысле выпивки, а получится – когда протрезвешь... Иногда получается, что я совсем не тот человек, поскольку никак не могу идентифицировать себя с прежним...

Я не хотел сходить с ума вместе с учителем ботаники. Он был мне несимпатичен, как высохший на стене дома плющ. Вдобавок если растащить по домам национальную идею, то каждый будет сходить с ума по-своему. Поскольку идея тяжким бременем ложится на индивидуальные мозги и требует что-то предпринимать в пределах

своего жилища. Поглядывать на газовую плиту, думая, как устроить тараканам крематорий, называть жену Евой Браун и рисовать себе усики сапожным кремом. Чем меньше остается соратников и сослуживцев, тем сильнее эта идея давит на каждое подсознание. Значит, старый учитель ботаники не выдержал перегрузок и окончательно свихнулся...

С Йиржи Геллером мы жили по соседству. Он на первом этаже, а я – на втором... История наших отношений – очень старая, и сомневаюсь, что надо ее пересказывать в очередной раз. Но Йиржи Геллер, особенно когда бывает не в духе, предполагает, что эта история могла бы сложиться иначе. Я же верю в предначертания и возражаю, что по-другому и быть не могло. Что вначале – мысль, а уж потом – слово. И пусть Йиржи Геллер – думает, прежде чем упрекает меня в отсутствии толерантности. Тем более при своем сволочном характере. Как правило, эти душевспасительные беседы ни к чему конструктивному не приводят, но позволяют поддерживать некие отношения...

С Йиржи Геллером мы больше не живем по соседству. Наш двухэтажный дом, построенный в смешанном стиле, сгорел от неосторожного обращения с сигаретами. Что же касается сада, то его изуродовали колесами пожарные машины, которые приезжали тушить дом. А в это время на частоте 25,7 передавали вагнеровский «Полет Валькирии», и он звучал изо всех пожарных машин. Но хуже, что, по всей вероятности, вместе с домом сгорел Йиржи Геллер. Предположительно – в своем кабинете. И относительно гостей Йиржи Геллера двух мнений быть не может. Они – поганцы, сволочи и мракобесы. Скорее всего это пьяный писатель задремал с недокуренной сигаретой, и под ним загорелся диван. Но вначале кто-то из новых «родственников» отравил Йиржи Геллера. Во всяком случае – такого мнения придерживается Вендулка. Перед самым пожарищем Йиржи Геллеру стало плохо, он удалился к себе в кабинет и больше не вышел оттуда. Из-за смешных обвинений Вендулки «пирующие» не известили полицию, что в огне погиб человек. Странно, что и Вендулка не сообщила об этом. Поздним вечером того же дня четверо гостей и Вендулка сели в поезд и отбыли на поезде в Прагу.

Так что разбирать руины дома ни у кого не было необходимости. И даже маски Йиржи Геллера не нашли...

Поэтический замысел – это женщина, с которой не переспал. Прозаический... – появляется, когда женщина уже ушла...

До революции мы вынуждены были жить весело, чтобы не повеситься со скуки. Поэтому ежедневно разыгрывали драму абсурда – в разных театральных интерпретациях. То вечер юмора, то комсомольское собрание. Выбор зрелища ограничивался коммунистическим императивом, когда к каждому слову прилагалось «единственно правильное» толкование. Отсюда у читателей развилась иезуитская патология. Когда между строк виделось больше, чем написано. Некий сакральный смысл, доступный только посвященным. Всякая белиберда могла быть оправдана, если писатель засовывал между строк парочку остроумных значений. «Литература ассоциативного мышления» – вот как это называлось. И многие авторы старались вложить больше смысла в пробелы, чем в буквы...

Янка рассказывала:

«Однажды мне выпало сыграть „Откровенность“, но не полную. То есть фигуру в купальном костюме, покрытую прозрачным дождевиком. Сейчас бы я запросто исполнила роль „Оторванной откровенности“, да что-то никто не предлагает. А тогда в закамуфлированном виде мне предстояло молча пройти по сцене и так же молча удалиться. Дабы у зрителей возникла ассоциация буржуазной распущенности, а на самом же деле – голого тела. Ну, вот... Сажу я в артистической уборной и проникаю в образ. То есть накачиваюсь коньяком, чтобы как следует продемонстрировать свою „Откровенность“. Но не полную. Время от времени заглядывает ко мне секретарь комсомольской организации и интересуется: „Молилась ли ты на ночь, Дездемона?“ То есть созрела я для откровенности или нет. Приходит к выводу, что „виноград еще зелен“, и снова убегает. А я попиваю коньяк и размышляю о вечном. Мол, порнография – то, что есть, а искусство – то, что пытаются изобразить. И если с меня не свалится дождевик – это шедевр, а если с пьяных глаз я хряпнусь на сцене – выйдет порнография. В общем, когда снова появился комсомольский секретарь, я все отрепетировала на нем... И можно теперь сказать, что коммунистическая партия лишила меня

девственности, в лице своего авангарда. То есть отплатила откровенностью за „откровенность“. Но не полностью. Поскольку никакого удовлетворения я от этой порнографии не получила...»

Теперь между строк уже не читают. Ассоциативного мышления едва хватает на перевод денежных средств за границу. И когда я что-нибудь пытаюсь изобразить, то представляю себе Янку в прозрачном дождевике. Но, по странной привычке, не полностью...

Теперь я лишь изредка навещаю Марысю в зоопарке и подкармливаю виноградом...

А года через полтора, как чудом избежал гибели, задумал я жениться. На девушке по имени Марыся. Не в память о «крысе», а так совпало. И единственное, что меня настораживало, – это любовь Марыси к зарубежной литературе.

– «Трое в лодке, не считая собаки», – намекнула мне как-то Марыся, – ни с чем не сравнимое удовольствие...

Я стал беспокойно проводить ночи. И когда однажды проснулся от странного ощущения, что не успел заплатить подорожный налог, а Марыся при свете луны читала у меня в изголовье Джерома Клапку Джерома – я выгнал ее к чертовой матери из своей квартиры. Вместе с этой книгой. И передумал жениться...

А у блондинки за соседним столиком – шизофрения на почве зрения. То есть контактные линзы ее раздражают до слез, очков она тоже не носит, и поэтому все мужчины на расстоянии вытянутой руки ей кажутся очень привлекательными. Прямо – мечта Квазимодо, а не женщина. Тем более что, если подкатить к ней поближе, блондинка моментально закрывает глаза и начинает бурно дышать. Но я же об этом не знаю. И тут ко мне подходит мужчина и предлагает освободить столик...

– Если вы сегодня не в настроении... – намекает мужчина, что эта блондинка тарасится с определенными намерениями...

«Как говорил Гиппократ, если общаешься с идиотами – будь проще...» – Неясно, кого уважаемый автор имеет в виду, поскольку «гиппопотам» этого не говорил. Что же касается идиотов, то, помнится, полезла я загорать на крышу, дабы не привлекать к себе

внимания – с голой попой... Ведь вначале я купила купальник, а потом – завязочки, если сравнивать это бикини с водолазным костюмом. После чего на попе образовалось «килиманджаро», то есть два ледника посреди Восточной Африки, с которыми на городской пляж выходить не рекомендуется. Так вот... Лежу я себе на крыше, маскирую попу под цвет саванны, и вдруг появляется «персонаж Гиппократы» и заявляет, что он «Карлсон». Мол, направляется к себе домой – с видом на Влтаву. И какие тут могут быть комментарии? Естественно, что самые нецензурные... «Карлсон» отступает по крыше под напором моих аргументов и в результате – еще три часа поджидает меня на лестнице. «Мерзавец! Женщине даже нельзя позагорать голой!» Но, вы думаете, ему понравилась моя попа? Отнюдь. Просто он «захлопнул» свои ключи в квартире и мечтал проникнуть туда через окно... «Мерзавец! Я загораю голой, а он – домой!» Вот и общайся с ними после этого...

«А разве писатель не сущее дитя в делах коммерции? – удивился этот мужчина...» – Счастливая коммерция в литературной среде была замечена неоднократно, когда некая писательница успешно занималась проституцией. Что же касается автора, то на него мало кто позарится. Это тривиально. А тривиальное и божественное в литературе встречаются, когда книга Барбары Картленд лежит на книге Данте...

«Я вышел на перрон, чтобы полюбоваться поездом „от станции Брно...“» – Течение мысли зависит от направления поезда. Например, отъезжающих за границу все время мучает ностальгия, а возвращающихся на родину – собственная глупость. Проводники, как собаки, понимающе заглядывают в глаза и по пути «туда» предлагают пассажирам кофе, обратно – водку. Почему на стальной магистрали думается только по ходу движения – загадка человеческой природы...

«В детстве я коллекционировал марки...» – Всякая настоящая пани тоже обязана выбрать «хобби», чтобы весело проводить время. Пересчитывать на досуге денежные знаки, коллекционировать пустые консервные банки... Чем смешнее «хобби», тем больше вероятности выскочить за него замуж. Чтобы расквитаться с мужчиной за патриархат – по программе истории за девятый класс...

«Идея двойственности, заключенная в романе, сбивает простодушного читателя с толку, лает на критиков и путает

следы...» – И далее «роман» Йиржи Геллера развивается столь стремительно, что надо переквалифицировать его в изнасилование...

Здесь Йиржи Геллер взял Вендулкины «примечания» и выбросил их в окно. И «Реставрация обеда» осталась без примечаний...

Вопрос: *Ощущение от вашей прозы: выдуманная правда. Что такое ложь и возможно ли без нее творчество?*

Ответ: Как говорила одна моя знакомая, женщина по происхождению: «Правду надо говорить всегда! Только – не всю...» На самом же деле «творческая ложь» и «творческая правда» – одно и то же. Например, образ Вендулки составляют вполне реальные женщины. А сколько их было и в каких «пропорциях» – об этом известно только мне... Носик – оттуда, ушки – сверху, хвостик – из античности. Но это отнюдь не собирательный образ из жен и подружек. Просто, как «доктор Франкенштейн», я сотворил себе приятельницу. Да, возможно, получился монстр, но – в реальной жизни она была еще хуже! (Курсив Йиржи Геллера.) И вообще, всякую мистификацию кормят вполне реальные эпизоды. Все дело именно в пропорциях. Как я ощущаю ложь? Я в нее верю – с утра до обеда. После чего иду в ближайшее заведение, обычно к «Старому Эдгару», и наблюдаю скучную правду. Что в добрую кружку помещается всего лишь один литр пива. Что люди в баре спорят ни о чем, поскольку завтра они вернутся обратно и будут спорить о том же самом. И вот я сижу там и думаю, что в действительности – подлинной правды нет. Поскольку все вышесказанное я наврал. И надеюсь, что и далее – навру тоже...

Вопрос: *Ваши литературные предпочтения?*

Ответ: Я и Сестерция предпочитаем отдельное книжное хозяйство... Кстати, вы должны догадаться сами, почему у моей жены такое странное имя – и не Квинтилия, и не Нонна... Раз в месяц, после рейда по книжным магазинам, мы всей семьей играем в «трибунал». То есть составляем тройку прокураторов – я, Сестерция и Магвай. Так вот что я вам скажу – это самый несправедливый суд на свете. Магвай книг не читает, поскольку он персидский кот; я читаю мало, потому что – нахал; а Сестерция только пролистывает, и в лучшем случае – до половины. Однако все мы имеем определенные суждения о литературе. Магвай считает, что это пустая трата денег; я считаю, что я

– нахал; а Сестерции попросту запрещено восхвалять какого-нибудь писателя в присутствии Йиржи Геллера... После судилища я внимательно осматриваю свои полки и переставляю некоторые издания на полки Сестерции. Чем провоцирую некую букинистическую лавину. Сестерция принимается наводить книжный порядок и спихивает всякую дрянь дальше, в кошачий домик. Поэтому самое отрицательное отношение к современной литературе именно у Магвая – она мешает ему жить... Так что спустя какое-то время Магвай начинает истошно орать, а мы – аккуратно раздаривать книги. И поскольку отдельных авторов никто не хочет у нас брать, мы настоятельно рекомендуем их для прочтения. Говорим, что это просто чудо, а не книги! И можете себе представить, что думают люди о наших литературных вкусах...

Вопрос: *Алкоголь стимулирует ваше творчество или подавляет?*

Ответ: Литературное творчество – это художественное верчение на заднем месте. И если стимулировать его алкоголем, то можно запросто свалиться со стула... Я не пишу даже после кружки пива, не редактирую и не строю литературных планов. То есть алкоголь не совместим с моим творчеством, которое построено, простите за самонадеянность, на трезвом расчете. Я всегда пытаюсь создать некую литературную конструкцию. Вычерчиваю схему построения романа и, как бобер, «перегрызаю» текст на бревнышки. К примеру, из «Реставрации обеда» у меня получилась «хатка»... А вдохновения у меня нет, и поэтому мне не надо «разогреваться» спиртными напитками. Другое дело, что время от времени я изучаю – как алкоголь усваивается моим организмом. Что, безусловно, тормозит другие творческие процессы...

В четырнадцать лет я решил озвучить свое чувство ритма, чтобы не петь хором. Ведь, находясь в подобном обществе, ты не можешь стоять с отсутствующим видом без соответствующей справки, как у Иоганна Мошки. И либо должен голосить вместе со всеми, либо аккомпанировать. Иначе к тебе появляется масса вопросов от компетентных организаций...

Чувству ритма я отдавался, играя на ударной установке. Петь на родном языке не решался, дабы не ляпнуть про священный помидор

чего-нибудь лишнего. А престарелый капельмейстер изображал в нашем ансамбле недостающие духовые инструменты. «Кам тугезааа!!!» – оралы мы что в микрофон, что без микрофона, и капельмейстер в определенный момент делал «ффшшших!» – на аккордеоне, мастерски раздувая меха. «Там-та-та-тааам! Фффшшших! Там-та-та-тааам! Фффшшших!»

В двадцать два года я поступил на работу в научно-исследовательский институт в качестве подопытного кролика. На мне отработывалась важная народно-хозяйственная программа – насколько мартышкин труд облагораживает человека. Опыты проводились в режиме повышенной секретности, для соблюдения «ноу-хау». Поэтому вместе с другими «кроликами» я пил, нецензурно выражался и ничего практически не делал, дабы ввести посторонние государства в заблуждение по поводу интенсивного строительства социализма в отдельно проклятой стране...

Первое, что бросилось мне в глаза, – это многочисленные лакуны, отмеченные квадратными скобками – []. И либо здесь текст был безвозвратно утрачен, либо он подвергся уничтожительной критике, скорее всего средневековых переписчиков. Не знаю – с каким умыслом отсутствовали эти фрагменты. Поскольку приглашенные на следующий уикенд гости кажутся всегда интереснее, чем чавкающие сегодня перед тобой болваны. Вдобавок мои фантазии по поводу загадочной дамы, которая не пожелала со мной отобедать и повеселиться, простираются намного дальше картинки, когда дама уже «нахрюкалась» и дрыхнет...

Исследуя «Сатирикон» далее, я осмелел и пришел к выводу, что, невзирая на многочисленные сцены любовного содержания, текст романа абсолютно не эротичен, поскольку осмеянная связь даже чижика с пыжиком не побуждает на аналогичные извращения. То есть любая лакуна – это предмет изучения критика на предмет его патологии. А для подобных умозаключений у меня нет ни опыта, ни времени, ни квалификации...

Обширные комментарии, между прочим, неизменно отсылали меня домой, в объятия Морфея. Такие гомосексуальные направления меня не устраивали. И, продолжая индифферентно рассматривать книгу, я выделил для себя схолию, с которой не прочь был и переспать.

Данное пояснение относилось к главе LXXXIX, где пелось о крахе Трои. А на эту же тему была написана и поэма Нерона, как указывалось в «Анналах» Тацита...

И спустя полтора века просвещенные бенедиктинские монахи обнаружили экземпляр за подписью Петрония. Аларих не растерзал его, как бобик тряпку; он не сгинул в руинах империи; его не уничтожил великий римский пожар шестьдесят четвертого года, великий римский пожар семидесятого года, великий римский пожар семьдесят третьего года и еще девять римских пожаров, которые потушили двенадцать брандмейстеров...

[В тысяча девятьсот девяносто девятом году я познакомился с человеком, которого не устраивала собственная жизнь. Представился он как господин N, но не собирался с этим мириться. Его разногласия с судьбой были скорее всего эстетического характера. Когда в зрелые годы вдруг обнаруживается, что прожитая до половины жизнь не соответствует ни сущности, ни формам прекрасного. Да что там говорить – «прекрасного», когда не видится ничего более-менее сносного... словно съел за завтраком гадость, которая отрыгается еще в обед, и оттого на любую пищу не можешь взирать без содрогания. Или время меняет стилистику божьих тварей, и вот уже ты не в состоянии излагать события последовательно, а тычешься, как щенок, в разные сиськи. Не соображая, что сука-жизнь все равно одна...

Словом, ничего аморального, с точки зрения уголовного права, этот господин не совершил. И даже десять библейских заповедей не нарушил, кроме – «не прелюбодействуй» и «не возжелай жену ближнего своего». Да и то не так часто, как хотелось... А вдобавок господин N никого не винил в том, что собственная жизнь казалась ему отвратительной. Только хотел от нее избавиться... Но не от будущей, а от прежней, и поэтому совсем не стремился покончить жизнь самоубийством...

«Хорошо бы мне быть писателем, – думал господин N, – да невозможно». Поскольку всякий толковый автор существует в двух измерениях – в обычной жизни и на страницах романа, которые рознятся как блондинка с брюнеткой, как самолет с подводной лодкой, как фартук с ширинкой. А то, что прекрасные стилисты – отъявленные

негодяи, давно уж доказано. К тому же писатель – это, как правило, псевдоним, что, собственно, и заменяет этой сволочи фамилию...

Но, к сожалению, господин N не был ни автором, ни писателем, ни стилистом. И даже не ощущал, чем эти трое отличаются друг-друг-от-друга...

Тогда господин N безо всякого на то права придумал себе псевдоним «Йиржи Геллер» и стал размышлять, как ему жить дальше. Потому что с момента рождения и до сих пор [] образовалась лакуна, то есть пробел в тексте. А наряду с подобным несчастьем отсутствовал и сам текст, который обычно сопровождает писателя, как бобик – бобика. Как тузик – тузика. Как Йиржи – Геллера...

И вот в одно негативное утро, когда все на улице выглядит черно-белым, приехал господин N в Прагу и вечером познакомился с Вендулкой. Почти случайно, потому что Вендулка подыскивала богатого господина D, но была согласна и на N, поскольку сдавала в аренду не себя, а квартиру. Для этого предприимчивая девушка изобрела новый вид ретрорекламы. Ибо жеманные образы поражают мужчину в «десятку». Или – в «тысячу». Долларов, тугриков, фунтов. Тогда ему хочется флирта в жанрах рококо и барокко, а не постельных отношений в стиле хард-рок. О, эти романтические желания, за которые приходится платить в десять раз больше, чем пользуешься...

Вендулка растиражировала себя в образе «Крошки Фифи» с «лучшими воспоминаниями». И некоторые из ее подружек поступили аналогично, правда с разными целями. Кого-то интересовала мишень под названием «блуждающий кабан», кто-то просто заигрывал с молодым фотографом. Все это были подделки, но пользовались неизменным успехом у мужчин. Вот и господин N как праздный турист купил «ретроспективную» фотографию с Вендулкой и прибыл по адресу «Спальна улица, дом четырнадцать», дабы запечатлеть себя на этом «историческом» месте. Далее все было делом фототехники... Вендулка увидела из окна, как господин щелкает аппаратами возле дома четырнадцать, и затащила его в свой «музей», ибо других достопримечательностей на улице Спальна отродясь не было...

Итак, господину N понравилась Вендулкина квартира, как и сама девушка, которая в целях экономии не горела желанием выплачивать налог с аренды. Поэтому сразу же предложила господину N считаться

для окружающих «дядюшкой», поскольку на другие родственные связи ни мордой, ни возрастом он не подходил... Наш господин охотно принял Вендулкино предложение, как лестное. И разумное, поелику тоже не всегда платил налоги. Тем более что такое скоропостижное обретение родственницы навело его на определенную мысль... И для начала он в первый раз отрекомендовался Йиржи Геллером. После чего стал арендовать Вендулкину квартиру, имея в виду эту мысль как весьма перспективную.

Вскоре по адресу «Спальна улица, дом четырнадцать» прибыл и Густав Шкрета. Наш господин ошаршил его странными желаниями, но компенсировал это удивление своими возможностями. И Густав Шкрета за «энную» сумму согласился подобрать господину N новых фотографических родственников. Что, в общем-то, смахивало на коллекционирование. С Анитой и Янкой филокартист поддерживал, скажем, периодические отношения; с писателем он познакомился в пивнице «У старого Эдгара»; Вендулку предоставил господин N; а сам Густав Шкрета рассматривал себя в зеркале почти что ежедневно. И если не принимать в расчет «театрального фашиста» – чем не родственники?!

Когда же фотографический альбом был готов переключать к заказчику, у господина N возникла свежая фантазия – отобедать. Для чего он и пригласил своих новых родственников посетить историческую родину «Йиржи Геллера»...

Как мне рассказывал господин N, он всегда с пиететом относился к авантюрному роману. Особенно к «Сатирикону» Петрония, считая эту книгу основополагающей для всей плутовской литературы. И поэтому с радостью пожертвовал своим имуществом ради простодушного аферизма. Тем более что новую жизнь он собирался начинать на пустом месте и в свежем архитектурном стиле. Имея, впрочем, достаточно денежных средств на личном счете в банке... И если вы думаете, что Йиржи Геллер поджег свой дом с менее благородными целями, чем «гори оно все ясным пламенем», то вы его плохо знаете. Вот почему Вендулка решила, что «дядюшку» внезапно отравили. Тем более что «Жюльен» делается из грибов. Иначе подобный идиотизм она объяснить не могла. Эх, молодость-молодость... Да я в своей жизни совершал и более сумасбродные

поступки, дабы избавиться от меркантильных особ... Ибо, когда у тебя ничего нет, ты многим особам становишься неинтересен.

Короче говоря, на званом обеде наш господин появился в маске, а кроме Вендулки и Густава Шкрета никто настоящего лица Йиржи Геллера не видел. «Как Нерон», – сравнивал для меня эти зрелища господин N, намекая на пристрастие римского императора к театральным мистификациям... В общем – отобедали... После чего господин N преспокойненько подпалил свой дом и отправился на железнодорожный вокзал, доверяя Густаву Шкрете вывести гостей с пожара. «Как Нерон», – все сравнивал господин N, декларируя, что «Рим горел и нам велел!»

А между тем активный пособник данного мероприятия Густав Шкрета давно приобрел шесть билетов в одно купе и теперь выводил «родственников» с пепелища. Дабы успеть на фирменный поезд «Прага—Брно». Или «Брно—Прага» – это в какую сторону посмотреть. Янка, Анита и писатель Питер Устинов пребывали в подавленном состоянии, зато Вендулка и Густав Шкрета чувствовали себя превосходно, убеждая всех, что гибель Йиржи Геллера – темное дело. И лучше подыскать ему замену, при отягчающих вину обстоятельствах. Как то – пожар, отравление и непонятные родственники, которые сдуру могли бы рассчитывать на «богатое наследство». В общем, когда в купе появился и господин N, без маски, все принялись убеждать его стать Йиржи Геллером на полном «казенном» обеспечении. Вендулка согласилась оплачивать квартиру, понятно что – из денежных средств самого господина N, а Янка с Анитой вызвались «накарякать» за Йиржи Геллера роман, естественно что – руками писателя Питера Устинова.

Остается добавить, что после удачной мистификации новоявленный Йиржи Геллер и Густав Шкрета решили отметить это событие на квартире у Янки. Для разнообразия. Сколько они там выпили коньяка – одному богу известно... Но когда Густав Шкрета попытался открыть бутылку с болгарским кетчупом – у него ничего не получилось. Вначале он ковырял бутылку опасной бритвой, потом попытался размочить пробку в горячей воде, но включил холодную и упал вместе с кетчупом в ванну. Где мертвецки заснул. Йиржи Геллер разумно предположил, что Густав Шкрета подобным образом протрезвляется, и надписал его – «Гай Петроний Арбитр», в знак

признательности за оказанные услуги. К тому же Густав удивительно походил на любимого писателя господина N – в ванне с кетчупом... После чего Йиржи Геллер закрыл входную дверь, положил ключ от Янкиной квартиры себе в карман и отправился на Спальную улицу – отдохнуть... Только не успел. Поскольку часа через два ему доставили тело Густава Шкреты в женском берете. И покуда Йиржи Геллер соображал – что теперь с ним делать, Янка с Анитой так же стремительно ускакали, пофыркивая от возмущения. «Это оттого, что мы насвинячили в Янкиной квартире...» – подумал господин N и оттащил Густава Шкрету в ванную комнату. Протрезвляться дальше...

Все остальное вы уже знаете.]

notes

Примечания

1

Отрывки из эпилога романа И. Грошека «Легкий завтрак в тени некрополя».

Корнелий Тацит «О происхождении германцев и местоположении Германии». В данной цитате речь идет о пиве.

3

Надпись на стене помпейского трактира. Обнаружена при раскопках.

4

Армию персов в битве при Иссе «разгромил» Александр Македонский.

In vino veritas (*лат.*) – Истина в вине. Ich bin (*нем., дословно*) – Я есть.

6

Really?! – Действительно?! (англ.)

7

Indeed! – На самом деле! (англ.)

Дом терпимости в Древнем Риме.

См.: Себастьян Жапризо «Дама в очках с ружьем в автомобиле».

См.: Луций Анней Сенека «Нравственные письма к Луцилию».

Гай Петроний Арбитр «Обед Трималхиона».

Детская древнеримская игра, когда кому-нибудь завязывали глаза и били по щекам, а тот угадывал, сколько пальцев отпечаталось на его щеке.

Satura laux (*лат.*) – так римляне называли произведение, объединяющее различные жанры, стили и метрические формы.

Гомер и Марциал.

Из современного каталога манекенов.

Guten Tag! – Здравствуйте! (нем.)

Auf Wiedersehen! – До свидания! (нем.)

«Когда-то давали шестьдесят» (бух.) – сумма, отпущенная Вендулке по тексту «Реставрации обеда» 2002 г.

См. «Mary had a little lamb» (*англ.*) – «У Мэри был барашек» (1830 г.). Стихотворение Сары Хейл, классика американской литературы.

См.: Поджо Браччолини «Фацеции».

См.: Франц Кафка «Замок».

Хорошо! (*лат.*)

Фацеция (*от лат. facetia – шутка*) – жанр короткого смешного рассказа типа анекдота; возник в городской западноевропейской литературе в XII–XIII вв.; пользовался популярностью в эпоху Возрождения.

Аристофан «Женщины на празднике Фесмофорий».

Фотий (*ок. 810 или ок. 820–890-е гг.*) – патриарх Константинополя в 858–867, 877–886 гг., знаток античной литературы, составитель «Мириобиблиона» – первого средневекового библиографического труда.

Потому что она периодически пополняется новыми элементами.
См. «Реставрацию обеда» 2002 г.

Марк Марциал «Эпиграммы».

«Come together» – название песни Beatles. Пойдем вместе! Прямо сейчас! Со мной! *(англ.)*

См. «Легкий завтрак в тени некрополя».